

УДК 32:93:316
ISSN 2500-2988

4.2017

ЛОКУС | ЛЮДИ
ОБЩЕСТВО
КУЛЬТУРЫ
СМЫСЛЫ

Издается с 2010 г.

ИЗДАТЕЛЬ:

Московский
педагогический
государственный
университет

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК)

ПИ № ФС 77–67762
от 17.11.2016 г.

Электронная версия журнала:
www.mpgu.su

Адрес редакции:
109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18

Подписной индекс:
65060 по каталогу «Издания органов научно-технической информации»
ОАО Агентство «Роспечать»

ISSN 2500-2988

4.2017

LOCUS

PEOPLE
SOCIETY
CULTURE
MEANINGS

The journal
has been published
since 2010

THE FOUNDER:
Moscow State
University
of Education

**Mass media
registration
certificate
ПН № ФС 77-67762
as of 17.11.2016**

E-mail: izdat_mgopu@mail.ru

Information on journal can be accessed via:
www.mpgu.su

Редакционная коллегия

Алексей Брониславович Ананченко – кандидат исторических наук; заведующий кафедрой новейшей отечественной истории, директор Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*главный редактор*).

Александр Анатольевич Орлов – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры новой и новейшей истории Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*заместитель главного редактора*).

Денис Николаевич Сергованцев – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*ответственный секретарь*).

Ирина Александровна Батанина – доктор политических наук, профессор; директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета.

Игорь Валентинович Бочарников – доктор политических наук; руководитель Научно-исследовательского центра проблем национальной безопасности.

Елена Викторовна Бродовская – доктор политических наук, профессор; заведующая кафедрой политических исследований России и постсоветского пространства Института истории и политики Московского педагогического государственного университета.

Марина Федоровна Глухова – доктор социологических наук, доцент; профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин и истории права Московского городского университета управления Правительства Москвы.

Анна Юрьевна Домбровская – доктор социологических наук; доцент кафедры социально-политических исследований и технологий Института истории и политики Московского педагогического государственного университета.

Иван Георгиевич Жиряков – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета.

Татьяна Васильевна Карадже – доктор философских наук, профессор; заведующая кафедрой политологии и социологии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета.

Агамали Куламович Мамедов – доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Андрей Викторович Манойло – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Фёдор Александрович Михайловский – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой всеобщей истории Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

Эльмира Кямаловна Наберушкина – доктор социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии, социальной антропологии и социальной работы социально-гуманитарного факультета Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина.

Владимир Дмитриевич Нечаев – доктор политических наук; вице-президент Российской ассоциации политической науки; ректор Севастопольского государственного университета.

Лариса Игоревна Никовская – доктор социологических наук, доцент; главный научный сотрудник отдела анализа социально-политических процессов Института социологии РАН, г. Москва.

Вячеслав Леонтьевич Пархимович – кандидат исторических наук; доцент кафедры ЮНЕСКО «Востоковедение и африканистика: современные методы изучения и преподавания» Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Владимир Львович Римский – кандидат социологических наук; заведующий отделом социологии регионального общественного фонда «Информатика для демократии» (Фонда ИНДЕМ), г. Москва.

Джованни Савино – PhD (история); научный сотрудник Университета Неаполя им. Федерико II, Италия; профессор Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва.

Владимир Борисович Слатинов – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры государственной политики и территориального управления Юго-Западного государственного университета, г. Курск.

Николай Иванович Смоленский – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета.

Виктор Валерьевич Титов – кандидат политических наук; доцент кафедры политических исследований России и постсоветского пространства Института истории и политики Московского педагогического государственного университета.

Василий Рудольфович Филиппов – доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Тропической Африки Института Африки РАН, г. Москва.

Дмитрий Борисович Фролов – доктор политических наук; доцент кафедры «Компьютерное право» Национального исследовательского ядерного университета МИФИ.

Владимир Леонидович Шаповалов – кандидат исторических наук, доцент; заместитель директора Института истории и политики Московского педагогического государственного университета.

Светлана Алексеевна Шаронова – доктор социологических наук, доцент; профессор кафедры общей социологии факультета социальных наук Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, г. Москва.

Александр (Алек) Давидович Эпштейн – PhD (социология); директор Центра изучения и развития современного искусства; страший научный редактор Электронной еврейской энциклопедии, г. Иерусалим, Израиль.

Александр Иванович Юрьев – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры новейшей отечественной истории Московского педагогического государственного университета.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Б.Л. Шапиро

Ното Eques русского средневековья:
царь Федор Алексеевич Романов 7

С.Л. Турилова, А.А. Орлов

Князь Антиох Дмитриевич Кантемир –
русский дипломат, поэт и философ.
(К 310-летию со дня рождения) 18

И.О. Микулёнок

Выдающийся русский летчик П.Н. Нестеров:
к 130-летию со дня рождения. 39

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИЯ

Ю.В. Куликова

Место культа Митры в религиозной реформе
императора Аврелиана 52

О.С. Силина

К вопросу о назначении комментариев на устав ордена
(Regula Bullata) английских миноритов XIII в. 67

А.А. Куницын

Из истории англо-русской экспедиции в Голландию
в 1799 г. Русские войска на британских островах
Джерси и Гернси (1799–1800 гг.). 74

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

М.Ю. Золотухин

Династический кризис в Болгарии 1886–1887 гг.
и миссия генерала Н.В. Каульбарса 85

ПОЛИТОЛОГИЯ

ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ,
ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Р.А. Абдуразаков

Фундаментальный дуализм и континентальная геополитика
в научном наследии М.Ф. фон Таубе 97

М.Ю. Завгородняя

Пол Лазарсфельд: Новый взгляд на изучение
электоральной коммуникации 105

Д.С. Шевский

Причины распада СССР сквозь призму теории систем 112

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ

В.В. Колтаков

Влияние интернет-технологий на формирование
политической культуры российской молодежи 122

СОБЫТИЯ

*М.П. Айзенштат, М.С. Бобкова,
С.Г. Мереминский, А.И. Сидоров*

История и миф: кто кого? 133

НАШИ АВТОРЫ 138

CONTENTS 142

Б.Л. Шапиро

Homo Eques русского средневековья: царь Федор Алексеевич Романов

Особенностью истории России XVII в. была постепенная, но вполне ощутимая европеизация, которая на этом этапе проявлялась преимущественно в повседневной жизни аристократии. В этом контексте анализируется одна из значимых сторон мужской сферы деятельности, традиционно связанная с конным миром, где дорогие породистые кони и их драгоценное убранство выступают как атрибуты власти, а умение управляться с лошастью ассоциируется с молодецкой удалей. Акцент в исследовании сделан на начинаниях царя Федора Алексеевича Романова, чьи личные склонности в значительной степени трансформировали повседневность русского всадника, шаг за шагом помещая его в ареал западноевропейской культуры.

Ключевые слова: русская культура, русское средневековье, европеизация, династия Романовых, царь Федор Алексеевич Романов, история лошади.

Позднее средневековье в целом, и XVII в. особенно, – специфический период в русской истории, когда традиционная придворная культура начинает приобретать новые черты, трансформируясь в связи с западноевропейским влиянием. Что же представлял собой русский аристократ в то время, когда любой состоятельный человек не покидал дома иначе, как верхом, «каков бы путь ни был» [14, с. 21]? По выражению современника, размышлявшего о специфике культуры москвитов, *Eques ruthenus* [41, таб. 26], т.е. русские всадники – «...все хорошие наездники, ибо они с детства до самой смерти ездят верхом» [20, с. 117]. Их дети росли в среде, где само слово «князь» по народной этимологии означало «конный человек» [39, с. 134] – *Homo Eques*, а конь входил в число первостепенных атрибутов власти.

Воспитание ребенка как человека конного поддерживалось традициями, среди которых наиважнейшим был обряд «посаждения на конь». Обряд, имеющий характер военно-возрастной инициации [2, с. 258], проводился торжественным пострижением волос, когда постригаемый должен был сидеть на седле со стрелами, символизирующими мужскую сферу деятельности. Обряд представлял собой отголосок архаического действия сажания ребенка на живого коня, что тоже означало его посвящение в ратный чин [12, с. 592]. Очевидно, что обе его формы имели особую важность для воспитания царских сыновей. Обряд проводили по достижении мальчиком четырех- или пятилетнего, а иногда семи-летнего возраста; после его исполнения царевич переходил с женской половины терема на попечение дядьки [Там же, с. 550, 578; 22, с. 27].

Еще до совершения обряда малолетний царевич знакомился с игрушечной «потешной» лошадкой. Ее внешний вид был максимально приближен к натуральному: она была оклеена тканью или жеребьячей кожей, имела гриву и хвост из настоящей «кониной гривы и хвоста» [12, с. 592, 720], но при этом была соразмерна ребенку – имела «вышину в аршин, длину по размеру» [Там же, с. 592].

Итак, знакомство царских детей с конным миром поначалу проводилось в форме игры, и начиналось оно в годовалом возрасте или чуть ранее, как указывает И.Е. Забелин, «ко времени пробуждения у них возрастного смысла» [Там же]. Так, царевич Алексей Михайлович обрел своего первого потешного коня («немецкое дело, делан на столице на деревянном; на коне седло и войлуки оболочены бархатом червчатым рытым; узда и паперсть и пахви и ременье объяринные – оковано медью луженою; стремяна меденые ж лужены, покровец на седле камка двоелична мелкотравна немецкая» [12, с. 591]) в возрасте десяти месяцев.

Была потешная лошадка – деревянная, украшенная «простыми камнями» (стеклами. – *Б.Ш.*), сусальным золотом, серебром и красками – и у его сына, царевича Федора. Лошадка была оседлана и взнуздана на железное мундштучное оголовье; ее черную тесьмяную узду украшали морхи в виде бахромы из черного сученого шелка [4, с. 39; 12, с. 591–592, 629, 631; 40, с. 76].

Потешные кони оставались в числе игрушек царевичей до их «полного возраста»; так, деревянная лошадка Федора Алексеевича стояла в его хоромах вплоть до его одиннадцатилетия [12, с. 591–592]. Чуть позже состоялось «всенародное объявление» царевича [3, с. 2–3; 12, с. 554], которое в русском средневековье однозначно связывалось с совершеннолетием, после которого сын мог выезжать «в свет» вместе с отцом в качестве наследника.

Досуг царевичей в это время не предполагал публичных выходов, но состоял, наравне с обыкновенными детскими играми, из ежедневных упражнений в верховой езде, стрельбе из лука и из других подвижных занятий. Такой подход, вполне осознанный и тщательно продуманный, был причиной того, что при русском дворе последней четверти XVII в. физическая активность приобрела характер тщательно культивируемого спорта [4, с. 37; 9, с. 16].

Иностранцы, бывавшие при Московском дворе, связывали такое вынужденное затворничество с русскими традициями. «Дети царские, – отмечал Яков Рейтенфельс, – воспитываются весьма тщательно, но совершенно особенным образом, по Русским обычаям. Они удалены от всякой пышности и содержатся в таком уединении, что их не может никто посещать, кроме тех, кому вверен надзор за ними. Выезжают очень редко; народу показывается один только Наследник Престола <...>, а прочие сыновья, равно как и дочери, живут обыкновенно в монашеском уединении. От сидячей жизни они слабы и подвержены многим болезням. Лекаря думают, что и старший царевич (Алексей Алексеевич) умер от недостатка деятельности и движения, составляющих необходимость Природы. С некоторого времени уже больше обращают на это внимания, и Царские дети упражняются каждый день в определенные часы в разных играх, конной езде и метании стрел из лука; зимою делают для них небольшие возвышения из дерева и покрывают снегом, отчего образуется гора: с вершины ее они спускаются на саночках или на лубке, управляя палкою. Танцы и другие занятия, у нас обыкновенные, при русском дворе не употребляются. <...> Долг справедливости требует сказать, что этот скромный и по-видимому простой образ воспитания Царских детей в России дает им прекрасное направление» [цит. по: 12, с. 555].

В результате такого подхода общение с лошастью органично входило в повседневность царевичей, что, в свою очередь, давало им знания и навыки, достаточные для уверенного обращения с лошастью, удивительные для иностранных наблюдателей.

Эта бытовая особенность наиболее специфическим образом сказалась в жизненном пути Федора Алексеевича – несмотря на череду биографов, одного из наиболее малоизученных правителей России. Для него умение хорошо держаться в седле значило много больше, чем для прочих детей царя Алексея Михайловича, поскольку из-за хронической болезни, которой с юных лет страдал царевич, только «в седле он хорош, легок, молодеваг. Исчезают вся тяжесть и неуклюжесть его походки, видны лишь юная сила да искусство управлять лошастью» [9, с. 60].

Сегодня о причинах этой болезни известно только из слов «великого государя ближнего боярина» [цит. по: 7, с. 222] А.С. Матвеева, записанных по кончине Алексея Михайловича в 1676 г.: «Федор, будучи по тринадцатому году, однажды собирался в подгороды прогуливаться с своими тетками и сестрами в санях. Им подведена была ретивая лошадь: Федор сел на нее, хотя быть возницей у своих теток и сестер. На сани насело их так много, что лошадь не могла тронуться с места, но скакала в дыбы, сшибла с себя седока и сбила его под сани. Тут сани всею своею тяжестью проехали по спине лежавшего на земле Федора и измяли у него грудь, от чего он и теперь чувствует непрерывную боль в груди и спине» [25, с. 72].

Других свидетельств об этом происшествии не было, и обыватели связали страсть царевича к верховой езде с его недугом. Однако стоит отметить, что современные исследователи называют причиной состояния Федора Алексеевича не столько эту травму (да и была ли она?), сколько наследственное заболевание в виде хронического неусвоения витамина С, передававшимся сыновьям Алексея Михайловича и Марии Ильиничны Милославской [4, с. 30]. Так или иначе, царские «ношки» [Там же, с. 75] утратили подвижность, и теперь верховая езда давалась Федору Алексеевичу много легче, чем ходьба. Предполагают, что именно по этой причине царь впервые показался своей невесте Агафье Семеновне Грушецкой верхом [9, с. 60], «едучи гулять в Воробьево нарочно мимо двора их, снова в окошке чердачном изволил видеть» [35, с. 174].

Как и прочие царские дети, Федор Алексеевич научился искусству верховой езды еще при дворе своего отца. Это занятие стало его подлинной страстью, не раз оказавшей влияние на ход жизни. Потешные деревянные лошадки со временем сменились потешными же, но настоящими, только малорослыми лошадками; так, участник нидерландского посольства в Москву 1676 г. Бальтазар Койэтт дважды упоминает о наличии на дворцовой конюшне миниатюрных лошадей ростом с английских догов или чуть больше [15, с. 461, 510].

Стоит отметить, что лошади миниатюрных пород в Московии в это время уже не были новинкой: П. Алеппский свидетельствовал, что еще двадцатью годами ранее путешественники «удивлялись на обычаи их детей, на то, что они с малых лет ездят верхом на маленьких лошадках <...> так мы видели и удостоверились в этом после многих расспросов» [1, с. 35].

Известно, что уже в 1673 г., т.е. к всенародному объявлению царевича, он владел собственной конюшней, на которой стояло 27 «потешных» лошадей [30, с. 274]. Миниатюрные лошадки использовались также и как упряжные; так, известно, что во время Троицкого выезда

1675 г. в карете, запряженной четырьмя «лошадками пигмейской породы» ехал младший сын царя Петр Алексеевич; то были уже его собственные лошади [15, с. 461]. Стоит отметить, что самые дорогие экземпляры были строго верховыми, т.е. употреблялись исключительно «под седло» [38, с. 171].

Для лошадок, находившихся в распоряжении царевичей, и самих царевичей мастерами Конюшенного приказа изготавливалось особое снаряжение под общим названием «недомерки» [10, с. 24]. Несмотря на то, что эти вещи имели и другое название – «потешных», в действительности они ничем не отличались от полноразмерных экземпляров, кроме своих габаритов [38, с. 177]. Первоначально такое снаряжение имелось только иностранного производства: оно завозилось в Россию как диковинка, но со временем его употребление в обучении царских детей верховой езде стало традицией [27, с. 174].

Другим средством приобщения царевичей к верховой езде были книги. Так, в библиотеке Алексея Алексеевича (старшего сына Алексея Михайловича, умершего в возрасте 15 лет в 1670 г.) находилась живописная детская энциклопедия, составленная для царевича в 1664 г. Среди прочих иллюстраций в книге были помещены и изображения «людей на конях русских» [12, с. 695]. Несомненно, что сыновья Алексея Михайловича были хорошо знакомы и с «Василиологионом» из отцовской библиотеки, в котором царская доблесть напрямую связывалась с его состоятельностью как всадника [21, с. 123, 125].

Однако одним из самых полных книжных собраний в позднем русском средневековье была библиотека Федора Алексеевича, и наиболее интересные издания, посвященные конному делу, принадлежали именно ему. Такой «диковинкой», например, был русскоязычный перевод сочинения наставника молодого Людовика XIII Антуана де Плювинеля «Manège royal». Альбом под названием «Книга лошадиного учения» (Королевская ездная школа господина А. де Плювинелла) был выпущен силами Посольского приказа в 1670 г. Он был проиллюстрирован гравированным портретом Людовика XIII от 1626 г., заглавным листом и гравюрами оригинала [32, с. 65] в виде изображений породных лошадей. Эти последние были гравированы с оригиналов работы художника Яна ван дер Страта (Страдануса); они, в свою очередь, заимствованы из опубликованной в 1578 г. книги «Equile Joannis Austriaci Caroli V Imp. F» [38, с. 174; 42].

Судя по всему, это роскошное издание находилось в числе «внесенных в Верх» [16, с. 182; 23, с. 2], т.е. подаренных девятилетнему царевичу Федору. Книга сопровождалась аннотацией о значении сочинения «к выстроению подлинного рыцера» [16, с. 210] и, очевидно, среди

прочих, выполненных мастерами Посольского приказа, предназначалась для обучения детей царского дома, прежде всего, царевичей.

Позднее книжное собрание Федора Алексеевича пополнилось другой русскоязычной версией сочинения Пловинеля [31, с. 243]. Издание 1677 г. получило название «Учение како объезжати лошадей, се есть художество о яждении, умершаго господина Антониа де Плувинелла, королевскаго величества французскаго начальнаго конюшего, думнаго статскаго коморника и под-губернатора» [32, с. 66]. Оно, как и список 1670 г., было выполнено мастерами Посольского приказа специально для царской библиотеки [23, с. 2; 32, с. 66]. Заказ на его изготовление исходил уже от самого царя Федора [31, с. 243].

Работа над книгой, которая изначально задумывалась как подносная царю вещь, велась между 9 марта и 11 ноября 1677 г.; первоначально предполагалось завершить ее создание к Троице – дню, особо почитаемому «лошадниками» [Там же]. Эти два перевода открыли мир русскоязычной иппологической литературы.

Интересно, что Федору Алексеевичу принадлежит еще одно нововведение в области конного дела, которое обычно остается без внимания (при довольно хорошо изученной реформе платья 22 октября 1680 г. в целом). Хорошо известно, что царь запретил ношение традиционного парадного костюма, поскольку «старые одежды были долги, прилично женскому платью, и к служилому и дорожному времени непотребны» [цит. по: 37, с. 25]. Заменой морально устаревшим одеждам было избрано служилое платье, максимально учитывающее нужды деятельного, прежде всего, ратного человека. Новый костюм должен был как можно меньше сковывать движения, что предопределило его меньшую длину [Там же, с. 32].

Сходным образом изменился и внешний вид ездового кафтана – одежды, предназначенной для дороги, в т.ч. и верховых выездов. Основу новых ездовых одежд составил укороченный кафтан с прямыми боковыми клиньями, которые были «сделаны по-иному, чем у всех прочих; они вшиты вверху не в виде угла, а в виде сборок, расположенных по прямой растянутой линии» [17, с. 322]. Кафтан нового покроя, более, чем прежде, подчеркивающий талию расходящимися от нее мягкими складками, «придавал фигуре стройность и молодцеватость» [Там же, с. 308].

В царском гардеробе было несколько таких кафтанов, обозначенных в документах как «кафтаны ездовые с прямым клиньем»: один из бархата лимонного цвета, другой из рудожелтого сукна и еще два из рудожелтой обьяри (первый из простой обьяри, второй – из гладкой; кафтан из гладкой обьяри имел горностаевый подклад – «испод») [33, с. 676]. Еще один «кафтан ездовой теплый с прямым клиньем» был построен

из сукна светло-брусничного цвета, утеплен собольими «пупками» и украшен запонами [33, с. 676–678]. Все перечисленные одежды надевались Федором Алексеевичем в дороге к Троицкому богомолью в сентябре 1679 г.

Новые кафтаны «с прямым клиньем» были более функциональны и удобны, чем близкие им конструктивно кафтаны времен Алексея Михайловича. Декоративное решение верховой одежды в целом также стало более лаконичным: так, самый нарядный ездовой кафтан Федора Алексеевича был «зарбаф золотный по нему кубы серебряные, нашивка образцы жемчужные с алмазы» [Там же, с. 671]. При этом, большинство других ездowych царских одежд было оформлено намного проще; в таком виде они приобрели сходство с европейским (польским) костюмом [37, с. 32]. Упростился и сам царский выезд, поскольку, как замечали современники, царь «не любил пышности ни в платье, ни в столе, ни в уборах» [3, с. 112]. Отныне внимание конного человека уделялось не столько материальной роскоши, сколько красоте породистых коней, которые своим безупречным экстерьером, грациозными и изящными движениями служили достойным оформлением выезда царя-лошадника.

Общее восхищение дворцовым конным хозяйством разделяли и иностранцы, бывшие в Московии в годы правления Федора Алексеевича. Так, участник польского посольства Бернгард Таннер, бывший в Московии в 1678 г., неоднократно отмечал выдающиеся стати лошадей самого государя и его свиты [3, с. 49–50; 34, с. 44, 108]. Среди прочего, он особо выделял красоту царской лошади в полном уборе и конного отряда, высланного для встречи посольства, в т.ч. и тех «крылатых» всадников, которых путешественник прозвал легионом ангелов [3, с. 126; 34, с. 108; 43, с. 47–48].

Особенно любопытно свидетельство упомянутого ранее нидерландца Койэтта, который обратил на царскую конюшню самое пристальное внимание. Хорошо известно его воспоминание об эффектном представлении, организованном для участников голландского посольства «конного учения мастером» Т.С. Ростопчиным [30, с. 274]: «шталмейстер [Ростопчин], – вспоминает посланник, – велел привести красивого серого жеребца (таковыми была большая часть их), который ... услышав, что ему стал говорить шталмейстер, начал продельвать разные фокусы, изгибал свое тело в странные дуги и курьезно прыгал то на 4-х, то на 2-х ногах. Он привел еще 3-х других лошадей не менее интересных, чем первая, и, после ряда фокусов, поставил их крестообразно друг против друга; расставленные таким образом оне начали прыгать и скакать, как будто они танцевали и стремились превзойти друг друга

в ловкости» [15, с. 461]. Отмечает посланник и другие трюки, которым были обучены царские лошади: это подъем и спуск по ступеням, низкие поклоны и т.д. [Там же, с. 459–460, 510].

Во время пребывания нидерландского посольства в Московии царские конюшни находились на попечении ясельничего Ф.Я. Вышеславцева; наиболее значительные успехи в дрессуре царских лошадей относят именно ко времени, когда Вышеславцев был главой Конюшенного приказа (1670–1676 гг.). Ранее обучением царских лошадей фокусам и трюкам занимался ясельничий И.А. Желябужский (1664–1668 гг.), также преуспевший в этом деле [4, с. 39; 19, с. 91].

Были у Федора Алексеевича и другие единомышленники, поскольку «сей государь до лошадей был великой охотник и не токмо предорогих и дивных лошадей в своей конюшне содержал, разным поступкам оных обучал и великие заводы конские по удобным местам завел, но и шляхетство к тому возбуждал. Чрез что в его время всяк наиболее о том прилежал, и ничем более, как лошедьми хвалился», как отмечал В.Н. Татищев [35, с. 177]. В истории, кроме уже названных нами Вышеславцева, Желябужского и царского конюха Ростопчина (бывшего стремянного конюха боярина И.Д. Милославского [36, с. 82]), остались также следующие имена: Т.Е. Поскочин, берейтор государевой конюшни («при конюшне его величества славный берейтор и в великой милости был Тарас Елисей сын Поскочин» [35, с. 177]); И.Т. Кондырев, потомственный коневода, в 1676 г. поставленный царем во главе Конюшенного приказа; князь В.Д. Долгоруков, один из лучших в Московском государстве знатоков лошадей, вложивший свое состояние в конные заводы [4, с. 40; 5, с. 282; 6, с. 392; 19, с. 92].

Деятельность Долгорукого, не раз поддерживавшего Федора Алексеевича в его начинаниях, особенно важна для понимания поступков монарха. Известно, что царь с трепетом подходил к подбору «своих великого государя лошадей» [30, с. 275], отбирая лучшие экземпляры из возможных. Однако, несмотря на приложенные усилия, он считал, что поголовье государевых конюшен было недостаточно хорошо и разнообразно. Не удовлетворяясь покупкой иностранных образцов и понимая необходимость массового улучшения качества местных лошадей, царь устроил на месте существующих «кобылячьих конюшен» первые государственные конные заводы, сменив естественное разведение искусственным подбором [13, с. 18]. Одним них стал конезавод в дворцовом с. Броничи (Бронницы), основанный вблизи обширных пойменных лугов «государевой кобылячьей конюшни» [26, с. 163].

Работу по совершенствованию поголовья царских конюшен и увеличению их породного разнообразия Федор Алексеевич вел все шесть лет

своего правления, применяя и традиционные, и непривычные для своего времени способы комплектования. Так, достоверно известно, что в 1676 г. царь выменял понравившегося ему белого жеребца, принадлежащего послу Генеральных штатов Нидерландов Кунрааду ван Кленку [4, с. 40]. «Во вторник, 31 марта пришел шталмейстер его царского величества Тарас Степанович [Ростопчин] к его превосх[одительств]у за белым жеребцом и его сбруею: его превосх[одительство] подарил его, по просьбе боярина Богдана Матвеевича Хитрово, его царскому величеству», – вспоминает очевидец [15, с. 471].

Вероятно, именно на царскую конюшню поступила после конфискации имущества опального А.С. Матвеева в том же 1676 г. верховая лошадь, подаренная боярину годом ранее послами Священной Римской империи [18, с. 390]. Лошадь была прекрасно выезжена императорскими берейторами и, безусловно, была достойна занять место в конюшне царя-лошадника.

В 1679 г. царь лично поручил купцу и дипломату Т. Книперу (Книперу) привезти дюжину немецких лошадей «на Аргамачью конюшню и на запасной двор» [11, с. 38; 28, с. 133–134]. Книпер занимался поставкой европейских лошадей в Московию и позднее; только в феврале 1682 г. он ввез в Россию полсотни голов. Три из них, в т.ч. два жеребенка за 40 р., поступили на царскую конюшню, семь – на царскую запасную конюшню; остальных раскупили приближенные царя.

В 1680–1681 гг. Федор Алексеевич приобрел «турского аргамака» за немислимые для того времени деньги – 150 р. [30, с. 275]. Чтобы сегодня оценить цену этого коня, можно привести стоимость покупки в 1667 г. гостем С. Гавриловым для конюшни Алексея Михайловича шести роскошных лошадей за 675 р. [8, с. 80]. Первоклассные кони со «сказочно богатой», по словам современников, конюшни первого боярина и фаворита царя И.М. Языкова были проданы по его смерти в 1682 г. по 100 р. каждый. Лучшая лошадь со двора боярина К.П. Нарышкина стоила не более 50 р. [30, с. 493]. Лошади, привезенные в феврале того же года Книпером, стоили: проданные боярину П.М. Салтыкову – 7 лошадей общей стоимостью 470 р.; боярину М.Л. Плещеву – 2 лошади за 116 р.; боярину и князю П.И. Прозоровскому – 2 за 110 р.; боярину и князю М.А. Черкасскому – 1 за 80 р.; боярину и князю П.С. Урусову – 3 за 200 р.; боярину К.П. Нарышкину и боярину и князю Т.Т. Ромодановскому – 2 за 150 р. каждому [24, с. 63].

Еще одну крупную партию из 44 «немецких» лошадей доставил в Московию любекский купец З. Инавверсен в январе 1682 г.; позже Федор Алексеевич посылает конюха А. Рукина к Инавверсену для покупки лошадей для царской ахтамачьей (ахтамак – мерин, холощеный конь

[29, с. 77, 123, 207]) конюшни [24, с. 63]. Тогда царь уже был серьезно болен, что известно, например, по характеру брачной церемонии 15 февраля 1682 г., когда он венчался с Марфой Матвеевной Апраксиной, не поднимаясь из кресла [9, с. 228]: «15-го была скромно сыграна свадьба, без обычного чина и при запертом Кремле» [5, с. 286]. В это время, по словам Петра Алексеевича, царь уже «не мог ездить на... лошадях, но имея великую к ним охоту, непрестанно смотрел и пред очьми имел» [цит. по: 31, с. 243].

Можно с уверенностью предположить, что поручения 1682 г. стали последними заказами на покупку иноземных породистых лошадей, сделанными во время правления Федора Алексеевича. Однако по окончании его царствования европеизация отечественного конного дела продолжилась. Безусловно, на ход этого процесса повлияли как его личные пристрастия, так и обстоятельства его жизни. Несмотря на это, представленный материал полностью исключает возможность рассмотрения начинаний Федора Алексеевича как ограниченных масштабом его личности, имеющих преимущественно местное значение. Напротив, именно они подготовили последующие, хорошо известные, изменения придворного быта.

Библиографический список

1. Алеппский П. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Москву в середине XVII / Пер. с араб. Г. Муркоса. Т. 3. Москва. М., 1898.
2. Байбурин А.К. Обрядовые формы половой идентификации детей // Этнические стереотипы мужского и женского поведения / Ред. А.К. Байбурин, И.С. Кон. СПб., 1991. С. 257–265.
3. Берх В.Н. Царствование царя Федора Алексеевича и история первого стрелецкого бунта. Ч. 1. СПб., 1834.
4. Богданов А.П. В тени Великого Петра. М., 1998.
5. Богданов А.П. Несостоявшийся император Федор Алексеевич. М., 2009.
6. Богуславский В.В. Славянская энциклопедия. XVII век: в 2-х т. Т. 1. А–М. М., 2004.
7. Боханов А.Н. Царь Алексей Михайлович. М., 2012.
8. Варенцов В.А., Коваленко Г.М. В составе Московского государства: очерки истории Великого Новгорода. СПб., 1999.
9. Володихин Д.М. Царь Федор Алексеевич, или Бедный отрок. М., 2013.
10. Государева Оружейная палата. Сто предметов из собрания Российских императоров / Ред. В.В. Полушкина. СПб., 2002.
11. Ефимов С.В. Шведский дипломат Томас Книппер в России // От Нарвы к Ништадту: петровская Россия в годы Северной войны 1700–1721 гг.: Сб. материалов Всероссийской научной конференции, посвященной 280-летию со дня заключения Ништадтского мира. СПб., 2001. С. 38–42.
12. Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях / Отв. ред. О.А. Платонов. М., 2014.

13. Зезюлинский Н.Ф. Историческое исследование о коннозаводском деле в России: в 3 т. Т. 1. СПб., 1889.
14. Карлейль Ч. Описание Московии при реляциях гр. Карлейля // Историческая библиотека. 1879. № 5. С. 1–46.
15. Койэрт Б. Посольство Кураада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. СПб., 1900.
16. Кудрявцев И.М. Издательская деятельность Посольского приказа: (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века) // Книга: Исследования и материалы. Сб. 8 / Гл. ред. Н.М. Сикорский. М., 1963. С. 179–244.
17. Левинсон-Нечаева М.Н. Одежда и ткани XVI–XVII веков // Государственная оружейная палата Московского Кремля: Сб. научных работ по материалам Государственной оружейной палаты / Ред. С.К. Боговлянский, Г.А. Новицкий. М., 1954. С. 305–386.
18. Лизек А. Сказание Адольфа Лизека о посольстве от императора Римского Леопольда к великому царю Московскому Алексею Михайловичу в 1675 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1837. № 16. С. 327–394.
19. Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник / Ред. Ю.А. Петров и др. М.–СПб., 2015.
20. Маса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. / Пер. и коммент. А. Морозова. М., 1937.
21. Николаев П.В. Парсуны всадников конца XVII в. Проблема атрибуции // Наука и школа. 2011. № 4. С. 123–128.
22. Одинцов Г.Ф. Из истории гиппологической лексики в русском языке. М., 1980.
23. Палеографические снимки с русских рукописей XII–XVII веков / Под ред. А.И. Соболевского. СПб., 1901.
24. Пийримяэ Х.А. Торговые отношения России со Швецией и другими странами Европы по материалам нарвского ввоза в 1661–1700 гг. // Скандинавский сборник. 1963. Вып. VII. С. 44–86.
25. Повествование о московских происшествиях по кончине царя Алексея Михайловича // Журнал Министерства народного просвещения. 1835. № 5. С. 69–82.
26. Подмосковье: памятные места в истории русской культуры XIV–XIX веков / Под ред. Л. Крекшиной. М., 1962.
27. Посольские дары / Авт.-сост. И.И. Вишневская и др. М., 1996.
28. Проезжая грамота о свободном пропуске из Пскова в Москву 12 лошадей, купленных для высочайшего двора за границей иностранцем Томасом Книпером. 17 декабря 1679 г. // Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 9 / Ред. Н.В. Калачев, А.И. Тимофеев. СПб., 1875. С. 133–134.
29. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: в 3 т / Отв. ред. Н.З. Гаджиева. Т. 1. М., 1974.
30. Седов П.В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2006.
31. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. XVII в. Ч. 1. А–З / Отв. ред. Д.С. Лихачев. СПб., 1992.

32. Соболевский А.И. Западное влияние на литературу Московской Руси XV–XVII веков. СПб., 1899.
33. Строев П.М. Выходы государей царей и великих князей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, всея Руси самодержцев (с 1632 по 1682 год). М., 1844.
34. Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1891. № 3. С. 1–202.
35. Татищев В.Н. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 7 и 8 / Отв. ред. Н.Н. Носов. М., 1996.
36. Татищев Ю.В. Местнический справочник XVII в. Летопись историкородословного общества. Вып. 2–3 (22–23). Вильна, 1910.
37. Шамин С.М. Мода в России последней четверти XVII столетия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 1. С. 23–38.
38. Шапиро Б.Л. Лошади «государева седла» в Московском государстве XVI–XVII вв. // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 4 (24). С. 170–184.
39. Шапиро Б.Л. Реликты славянского культа коня в погребальном обряде государственного чина по московскому обычаю // Клио. 2016. № 7 (115). С. 133–141.
40. Шапиро Б.Л. Текстильное конское убранство в системе атрибутов царской власти // Вестник Кемеровского государственного университета. История. 2017. № 1 (69). С. 74–79.
41. Bruyn A. *Diversarum gentium armatura equestris*. Cologne, 1577. URL: <http://www.europeana.eu> (дата обращения: 15.04.2017).
42. *Equile Joannis Austriaci Caroli V Imp. F.* Amsterdam, 1578. URL: http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b20000_07r (дата обращения: 15.04.2017).
43. Tanner B. *Legatio Polono-Lithuanica in Moscoviam: Potentissimi Poloniae Regis ac Reipublicae Mandato & Consensu Anno 1678. Norimbergae, 1689.*

С.Л. Турилова, А.А. Орлов

Князь Антиох Дмитриевич Кантемир –
русский дипломат, поэт и философ.
(К 310-летию со дня рождения)

Статья посвящена изучению жизни и деятельности выдающего русского дипломата, поэта-сатирика и философа князя Антиоха Дмитриевича Кантемира (1708–1744). На основании неопубликованных документов из фондов Архива

внешней политики Российской империи проанализирована его деятельность на посту дипломатического представителя России в Лондоне (1732–1738 гг.) и Париже (1738–1744 гг.). Сделан вывод о том, что все усилия Кантемира как дипломата были направлены, прежде всего, на политическое сближение России с Англией и Францией. Кроме того, он внес большой вклад в дело русско-английского и русско-французского культурного обмена. В Лондоне князь был активным членом «Министерского клуба» – избранной группы представителей дипломатического корпуса. Это помогало ему общаться с видными деятелями европейской культуры, с британскими учеными, литераторами и музыкантами. В Париже он установил личные контакты с французскими учеными и писателями, способствовал расширению книгообмена между Петербургской и Парижской академиями. Дальнейшее изучение документов Архива внешней политики Российской империи позволит выявить новые аспекты многогранной деятельности А.Д. Кантемира в России и за границей.

Ключевые слова: князь А.Д. Кантемир, русско-английские отношения в XVIII в., русско-французские отношения в XVIII в., Государственная Коллегия иностранных дел, русская силлабическая поэзия XVIII в., сатира, басня.

Князь Антиох Дмитриевич Кантемир – выдающийся русский дипломат и поэт-сатирик – происходил из семьи Дмитрие (Дмитрия) Кантемира (1673–1723), молдавского господаря, философа и ученого-энциклопедиста. Антиох родился 10 сентября (ст. ст.) 1708 г. в Константинополе. В то время его отец был послом господаря Молдавии при Оттоманской Порте. В 1710 г. турецкий султан Ахмед III решил доверить ему престол Молдавии, но Дмитрий Кантемир не оправдал надежд султана. Вынашиваемая годами жгучая ненависть к туркам побудила нового господаря действовать иначе. Дмитрий Кантемир вступил в прямой контакт с русским царем Петром I. Они составили проект договора, гарантирующего независимость Молдавии от Турции, вхождение первой в состав России на правах автономии и наследственное право семейства Кантемиров править страной.

Договор соответствовал желаниям значительной части молдавско-го боярства, поскольку отвечал потребностям дальнейшего экономического и политического развития Молдавии. Вместе с тем, это был договор двух выдающихся государственных деятелей. Кантемир произвел на Петра I прекрасное впечатление: «Оный господарь – человек зело разумный и в советах способный» [24, с. 49]. Усилиями Петра I и Дмитрия Кантемира возникло боевое содружество русских, украинцев и молдован. Оно ярко проявилось в ходе Станилештской битвы. Будучи окружены 200-тысячным турецко-татарским войском, союзники отбили яростные атаки янычар. Но господарь Валахии Константин Брынковяну

не сдержал обещания присоединиться к России и передал туркам приготовленное для русской армии продовольствие. В результате 12 июля (ст. ст.) 1711 г. с Турцией был заключен невыгодный для России Прутский мир. Русские войска и казаки покинули пределы Молдавии. Теперь уже бывший господарь Дмитрий Кантемир переехал с семьей в Россию. Вместе с ним ушли более четырех тысяч его соотечественников. Пётр I издал специальный указ, в котором говорилось: «Его царское священное величество изволяет его, князя Кантемира, бояр и прочих офицеров и волохов, которые при нем, имети в милости своей и титул светлейшего князя российского содержать ему, князю Кантемиру, и наследникам его» [цит. по: 2, с. 23].

В России Кантемира и его соотечественников одарили землями и недвижимостью. Князю пожаловали дома в Харьковской, Орловской губерниях и в Москве – «по его достоинству», в т.ч. подмосковное владение – Чёрную грязь (Екатерина II в 1775 г. выкупила его у наследников и переименовала в Царицыно), назначили высокую по тем временам пенсию. Он жил с семьей сначала в Харькове, потом в Петербурге и в Москве. С Россией связан новый, самый плодотворный период научной деятельности молдавского ученого и мыслителя.

Энциклопедически образованного Кантемира волновали вопросы экономики и права, государственного устройства и политики, войны и мира. Как ученый, он получил известность в Западной Европе – в 1714 г. был избран членом Берлинской Академии наук. Когда обсуждали вопрос о создании Российской Академии, кандидатом на пост президента среди других назвали и князя Дмитрия. Кантемир стал автором сочинений «Описание Молдавии», «История возвышения и упадка Оттоманской империи» и ряда других научных работ, переведенных на многие языки (сам он использовал латынь). В 1714 г. он написал важное философское сочинение «Исследование природы монархий» (с посвящением Петру I), в котором пытался обосновать свое понимание исторической миссии России в борьбе против Турции. В 1721 г. он становится сенатором и тайным советником, как знаток восточных дел сопровождал императора в Персидском походе 1722–1723 гг. и управлял походной канцелярией. Во время похода он не оставлял изысканий, изучал природу и древние памятники Поволжья и Кавказа. Результаты его исследований арабских надписей легли в основу сборника «Восточные коллекции». Таким образом, Кантемир является одним из основоположников арабистики в России. В 1723 г., после возвращения из Персии, Дмитрий Кантемир скончался.

В семье такого выдающегося человека и вырос будущий поэт и дипломат. Антиох был младшим из шестерых детей Дмитрия Кантемира.

В возрасте пяти лет он лишился матери Кассандры, урожденной Кантакузен. Антиох Кантемир родился в Константинополе, вырос в России, его учителем в годы детства и отрочества был русский стихотворец и знаток древней письменности Иван Ильинский, специально приглашенный отцом. Именно он привил ученику любовь к словесности, и Антиох начал писать стихи. Юный князь сопровождал отца в Персидском походе. С детства он поражал окружающих способностями и знаниями: восемнадцатилетнего юношу избрали членом Петербургской Академии наук.

С.М. Соловьёв отмечал: «молодой человек, пришлец, усыновленный в России, которому суждено было быть одним из первых деятелей в нашей младенческой литературе, в 1724 г. обратился к Петру с самой доступною для преобразователя просьбой: “Крайнее желание имею учиться и склонность к себе усмотряю чрез латинский язык снискать науки, а именно, знание истории древние и новые, и географии, юриспруденции и что к статусу политическому надлежит; имею паки и к математическим наукам немалую охоту, а также между дел и к миниатюре (миниатюре. – *С.Т., А.О.*). Но понеже вышепомянутые науки... приобретаются в знаменитых окрестных государств академиях, требуется... денежное иждивение, а сиротство мое и крайний в деньгах недостаток сами собою Вашему Императорскому Величеству довольны ведомы суть, того ради, прошу, хотя малое что на тамошнее иждивение пожаловать”» [33, с. 494]. На эту просьбу князь Кантемир получил отказ. Но он смог и в России получить блестящее образование. Изучал историю, древнегреческий, латинский и итальянский языки. Обычным разговорным языком в семье Кантемиров был греческий. Мать рано умерла, успев, однако, дать серьезное направление воспитанию детей, обучив их в т.ч. и своему родному языку. Учителем Антиоха был и грек А. Кондоиди, приехавший в Россию вместе с князем Дмитрием и впоследствии ставший вологодским епископом Афанасием. Под влиянием Ильинского Кантемир составил «Симфонию на псалтырь» (1727 г.) – алфавитный указатель к стихам из Псалтыри. Молодой князь преподнес рукопись труда, вместе с посвящением, Екатерине I, и в следующем году на отпущенные ему деньги книга была напечатана в количестве 1250 экземпляров. Антиох учился некоторое время в знаменитой Славяно-Греко-Латинской академии в Москве, в 1724–1726 гг. слушал лекции при Академии в Петербурге. А в 1726 г. поступил прапорщиком в Преображенский полк, продолжая заниматься литературной деятельностью. Он перевел с французского «Некое итальянское письмо, содержащее описание Парижа и французов» (1726 г.), а также философские труды. В то же время сочинял любовные песенки, которые распевали в обеих столицах.

Воспитанный отцом на глубоком почитании просвещения и прогресса, Кантемир с болью смотрел на попытки уничтожить петровские преобразования. Именно тогда он начинает писать сатирические произведения: «На хулящих учения» – гонителей науки, церковников, невежд-помещиков; «На зависть и гордость дворян злонравных». Молодой гвардейский офицер становится в ряды защитников петровских реформ, объединившихся вокруг сподвижника Петра I Феофана Прокоповича в «ученую дружину». Прокопович высоко оценил литературное творчество молодого князя. «Дружина» выступила против «верховников» – членов Верховного совета, фактически управлявших страной, которые в 1730 г. возвели на престол Анну Иоанновну при условии: ничего не предпринимать без их ведома. Во главе недовольных действиями «верховников» стояли Феофан Прокопович и историк В.Н. Татищев. Принял участие в этих событиях и Антиох Кантемир – собирал подписи среди офицеров Преображенского полка. Его перу принадлежал и адрес, поданный императрице, в котором дворянство предлагало ей править самодержавно, требовало стройности, порядка, единства и силы в государственном управлении. Опираясь на поддержку гвардейских полков, Анна разорвала «Кондиции» – договор с «верховниками». Несмотря на активную политическую деятельность, молодой князь продолжал заниматься литературой. В эти годы были написаны такие сатиры, как «Сатирик к читателю»: *Кольнул ты? Молчи, ибо ты не именую. / Воплишь? Не я – ты выдал свою злобу злую* (1729 г.); «К читателям»:

*Не гневитесь, тещы, стихами моими.
С музой своей говорю; нет дела с иными.
Коли кому и смеюсь, – ей, не с доброй воли.
Для украсы: ведь в шах нет смаку без соли.*
(1731 г.) [30, с. 64]

В 1730 г. Антиох перевел трактат французского философа Б. Фонтенеля «Разговор о множестве миров», опубликованный лишь спустя десять лет. Перевод книги и примечания к ней вошли в его письма «О природе и человеке», написанные незадолго до смерти во Франции, и сыграли значительную роль в разработке русской научной терминологии. Молодой философ ввел в науку такие термины, как начало (принцип), понятие (идея), наблюдение, плотность, вихри и др. В 1756 г. этот труд был конфискован Святейшим Синодом как «богопротивный». Однако основная заслуга Антиоха Кантемира – создание сатирического направления в русской литературе, прозе и поэзии, в которой широкое распространение получила басня. Своей поэтической практикой Кантемир способствовал утверждению в русской литературе классицизма.

В лучших сатирах поэт глубоко оригинален и самостоятелен. В сатире «К музе своей» (1731 г.) он излагал свои эстетические взгляды. Кантемир решительно выступал против «оды», выбирая для себя «сатиру», которая представляет, по его убеждению, наибольшие возможности достоверного изображения действительности. Всего им написано девять сатир. Поэт писал сатиры силлабическим стихом, который значительно усовершенствовал, используя пословицы, просторечие, что было для того времени внове. Он отмечал: «Обыкши я подло и низким штилем писать, не смею составлять панегирики, где высокий штиль употреблять надо» [28, с. 18]. Опираясь на учение о естественном равенстве людей, он впервые в России заговорил о крестьянине не с помещичьих, а с просветительских позиций. Для него крепостной – это «подобный дворянину человек» [Там же, с. 18–19]. Дворянство – звание, которое отличает особые заслуги перед обществом [Там же, с. 19]. Только заслуги могут отличать людей друг от друга, а не сословная принадлежность, ибо от рождения все равны, полагал писатель.

В начале 1730-х гг. Кантемир начал работать над поэмой «Петрида, или Описание кончины Петра Великого» (не окончена). Он преклонялся перед гением Петра I. В 1724 г., как мы уже упоминали, император не разрешил Антиоху ехать учиться в Европу, однако в 1729 г. его все-таки намеревались направить в Париж. В Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) нами выявлена копия определения от 8 сентября (ст. ст.) 1729 г. за подписью канцлера Г.И. Головкина: «... По указу Его Императорского Величества определено взять в Коллегию иностранных дел бывшего воло[ш]ского господаря, тайного советника, князя Кантемира меньшего сына князя Антиоха и послать его из оной Коллегии для наук в иностранные области... сперва во Францию к чрезвычайному и полномочному послу... графу Александру Головкину, которому велеть одного тамо обучать потребным языкам и наукам, также и в дела при себе употреблять, чтоб он со временем мог министерским делам обучаться. И дать ему на дорожный отсюда до Парижа проезд пятьсот рублёв, да для тамошнего его пребывания давать на всякой год по тысяче рублёв из Коллегии иностранных дел» [19, л. 1]. Эта поездка по каким-то причинам не состоялась, но вскоре молодому князю пришлось уехать за границу, правда, в другом качестве.

В декабре 1731 г. (в возрасте 23-х лет) гвардии поручик Антиох Кантемир назначается российским резидентом к английскому королевскому двору. 24 декабря (ст. ст.) ему составляется верительная грамота [5, л. 1–2], а 27 декабря (ст. ст.) – «Инструкция», в которой излагались основные направления его деятельности в стране пребывания [11, л. 49–60]. В АВПРИ сохранилась обширная переписка Кантемира

периода его пребывания в Лондоне, до настоящего времени малоизученная. Лишь в конце XIX в. историк В.Н. Александренко (подробнее о нем см.: [20]) издал дипломатическую корреспонденцию Кантемира за 1732–1735 гг., хранившуюся в то время в Московском Главном архиве МИД [25], а также опубликовал архивные документы в двухтомном труде «Русские дипломатические агенты в Лондоне» [1]. Некоторые служебные документы Кантемира публиковались и в сборниках Императорского Русского исторического общества.

В Англию князя послали восстанавливать прерванные на десятилетие отношения между двумя странами, вести переговоры о признании английским правительством императорского титула за Анной Иоанновной. Из Англии в Россию в 1728 г. прибыли Т. Уорд, британский консул, и К. Рондо, числившийся его секретарем, а в ноябре 1731 г. вручивший императрице верительные грамоты на звание резидента.

Почему выбор императрицы пал на Кантемира? Исследователями приводились различные доводы: от него хотели избавиться, направляли в почетную ссылку. Его произведения не печатали: сатиры и эпиграммы в рукописях распространялись в Москве и Петербурге. Да, он разочаровался в правлении той, которой помог занять престол. Далеко не блестящим было и материальное положение князя. Умирая, его отец просил Петра I отдать состояние самому одаренному из сыновей, но император не успел исполнить его волю. Все имущество и 10 тыс. крепостных были переданы сыну Константину, женатому на дочери сенатора, всеильного главы «верховников» кн. Д.М. Голицына. Покровительство последнего и помогло Константину получить недвижимость бывшего господаря. Это породило длительную вражду между братьями. Только при Анне Иоанновне Антиоху, вместе с другими родственниками, были пожалованы 1030 душ крестьян с вотчинами.

Кантемир сблизился с семьей кн. А.М. Черкасского, с 1731 г. – кабинет-министра, в 1740–1741 гг. – канцлера, президента Государственной Коллегии иностранных дел (ГКИД). Добродушный старик, по-видимому, полюбил даровитого и симпатичного юношу и готов был отдать за него свою единственную дочь – богатейшую невесту России, но дело затянулось. Княгиня-мать не желала этого брака, а невеста не давала решительного ответа. Во время пребывания Кантемира за границей отношения с Черкасскими поддерживались через любимую сестру Антиоха Кантемира княжну Марью. Она в письмах к брату помещала подробнейшие отчеты. После смерти Черкасского в 1742 г. произошел окончательный разрыв. Этот эпизод в биографии поэта дает ценный материал для характеристики его личности: то, что для другого служило бы главным – богатство, знатность, связи – пугало молодого

Кантемира. Когда смерть Черкасского положила конец более чем десятилетнему сватовству, Антиох в письме к сестре писал о том, что чувствует себя нравственно освобожденным [31, с. 469].

В начале января 1732 г. молодой дипломат направился в Лондон. По дороге он останавливался в Берлине и Гааге, чтобы воспользоваться советами более опытных коллег, так решил вице-канцлер А.И. Остерман. В Голландии, где с давних пор посланником был А.Г. Головкин – сын канцлера, президента ГКИД, Антиох задержался, и, наконец, 30 марта (ст. ст.) прибыл в Лондон. Здесь ему пришлось столкнуться с большими трудностями: князь не был знаком с тонкостями дипломатической службы, к тому же не владел английским языком. Английские государственные деятели даже не хотели вести с российским резидентом переговоры, но молодой, умный и обаятельный дипломат вскоре приобрел их расположение.

Первый год пребывания в Лондоне был успешным. Кантемир смог добиться назначения чрезвычайным посланником в Россию лорда Дж. Форбса, 3-го графа Гранарда, обладавшего большим весом в Адмиралтействе, а также поддержки со стороны Англии как российской кандидатуры на польский престол, так и начала австро-русских действий в Войне за польское наследство (1733–1735 гг.). 17 июня (ст. ст.) 1733 г., после прибытия в Россию Форбса, Кантемира возвели в ранг чрезвычайного и полномочного посланника, а в декабре ему увеличили содержание с 3 до 6 тыс. руб. в год [18, л. 8]. Последнее вызывалось обоснованными жалобами на недостаток средств для поддержания престижа российского дипломата. Так, просьбу о высылке 700 фунтов стерлингов на приобретение серебряного сервиза на 12 персон (до этого он пользовался оловянной посудой), приличествующего императорскому посланнику, он подкрепил обязательством сдать его в казну после возвращения в Россию.

Становление поэта, литератора и философа в качестве дипломата проходило отнюдь не гладко. В начале своей деятельности посланник благодарил Остермана за отеческие наставления, сетуя при этом на неуправляемость британской прессы, невозможность привлечь к ответу газетчиков, искажающих жизнь в России, на «забывчивость» статс-секретаря короля Георга II У. Гаррингтона, когда речь заходила о конкретных ответах на представления Кантемира [15, с. 179]. Но уверенность и самостоятельность суждений в реляциях на имя императрицы, в донесениях и письмах Остерману возрастают. Разнообразие и масштабы решаемых им в то время задач свидетельствуют о несомненном росте уровня знаний дипломата и политика. Он принимал деятельное участие в заключении первого русско-английского торгового договора 1734 г.,

хотя документ и был подписан без него в Петербурге. Находил время заниматься наукой и литературой, исполнял поручения Петербургской Академии наук: покупку книг, математических и астрономических приборов, привлечение к работе в Академии иностранных ученых; наладил широкие культурные связи. Все усилия Кантемира были направлены, прежде всего, на политическое сближение двух стран. Немалое внимание он уделял развитию торговли, хлопотал об открытии в Англии российского консульства. Тесными были связи Кантемира с Королевским научным обществом. В 1734 г. он вручил его президенту Г. Слоану почетный диплом Петербургской Академии наук (первый из присужденных иностранным академиком, причем по заслугам – за научные связи с Россией). Занимался посланник наймом англичан, прежде всего, моряков, на русскую службу. Выступал за установление связей России с другими европейскими странами, например, с Португалией. В АВПРИ в ходе подготовки к изданию сборника документов о русско-португальских отношениях в XVIII – начале XIX вв. выявлена переписка Кантемира с Остерманом о необходимости установления прямых торговых контактов с этой страной. Не забудем, что за налаживание отношений с Португалией еще в 1722 г. ратовал Пётр I [27, с. 23, 27–29]. Однако русская «бюрократическая машина медленно двигалась», первый русский консул в Лиссабон был назначен лишь в конце 1760-х гг. Антиох Кантемир был увлекающимся человеком, с интересом относился ко всякого рода проектам, если они могли быть использованы в России, или принести, по его мнению, выгоду стране. Например, он сообщал из Лондона в Петербург о некоем португальце Дакоста, предлагавшем основать под российском флагом в Южной Америке поселения для добычи золота и т.д.

Посланнику пришлось бороться с негативным наследием предшествующего десятилетия враждебности между двумя странами. Он способствовал тому, что в английской печати стали появляться статьи об истории России и проводимой ею политики. По приказанию правительства, в 1735 г. Антиоху Дмитриевичу пришлось вести переписку по поводу напечатанных в Лондоне «Московских писем» («Letters Moscovites») авантюриста Ф. Локателли, высланного из России и критиковавшего русские правительственные порядки. Роль посланника в деле об этом памфлете оказалась затруднительной: ему нелегко было уверить петербургские власти, что само правительство в Англии бессильно против свободы печати. Но и спустя два года после обнародования «Писем» из Петербурга требовали, чтобы он добился наказания автора. Какие доводы ни представлял посланник о невозможности законного наказания, ему не верили и продолжали настаивать. Выведенный из терпения,

Кантемир обратился к императрице со следующим оригинальным предложением: «Никогда через суд в подобных делах сатисфакцию получить не можно. Потому к наказанию его, Локателли, один способ остается, чтоб своевольным судом тайно посланных гораздо побить, и буде Ваше императорское величество тот способ апробовать изволит, то я оный в действо произведу» [цит. по: 32, с. 17]. Само собой разумеется, что императрица не могла одобрить ни официально, ни конфиденциально подобного «своевольного» суда, и, таким образом, дело кануло в Лету.

Не забыл Антиох и об отце, взяв в Лондон рукопись его труда «История возвышения и упадка Оттоманской империи». В 1719 г. эта работа Дмитрия Кантемира по приказу Петра I была напечатана на русском языке. В Англии пастор Н. Тиндал осуществил ее перевод на английский. Дважды (в 1734 и 1756 гг.) «История...» публиковалась в Англии, а потом на французском (1743 г.) и немецком (1745 г.) языках. Исследование Дмитрия Кантемира получило общеевропейскую известность. Его использовал Дж. Байрон, а Вольтер считал своей настольной книгой. Вплоть до 1830-х гг. труд молдавского ученого был наиболее авторитетным по истории Турции. Публикуя сочинение, князь Антиох информировал британского читателя об истинной сущности нараставших русско-турецких противоречий.

По мнению английского историка Э.Г. Кросса, Антиох Кантемир стоит первым во впечатляющем ряду русских дипломатов, которые были явными англофилами и своим сердечным расположением ко многому в Англии, несомненно, способствовали довольно гладкому ходу дипломатических отношений. Типичным для русских дипломатов в нем было то, что, хотя князь и читал по-английски, но говорил с трудом, так что восхищался Англией всегда по-французски [14, с. 23].

Об интересе русского посланника к европейской культуре свидетельствует не только общение с британскими учеными, литераторами, музыкантами, но и деятельность в «Министерском клубе» – избранной группе представителей дипломатического корпуса. Летом 1738 г. Кантемир писал своему другу аббату Паретти: «Мы пили за ваше здоровье за столом в нашем клубе, лучше которого в мире нет. Я без всякого тщеславия считаю, что это единственное место в Лондоне, где можно хорошо поесть и при этом повеселиться и побыть в поистине дружественной обстановке» [Там же, с. 23–24]. В Лондоне он особенно сдружился с жившими там итальянцами. Первый биограф и переводчик на французский язык сатир поэта, итальянец аббат О. де Гуаско приписывал влиянию итальянцев увлечение языком Рима, любовь к живописи и музыке. Посланник дружил с П. Ролли, поэтом, учителем итальянского языка королевской семьи и директором итальянской оперы в Лондоне.

Антиох не на шутку увлекся одной из певиц – Ф. Бертолли. Гуаско отмечал: «...В свободное время, остававшееся от его посольских обязанностей, он не упускал случая воспользоваться плодами просвещения в стране, которая стала отчизной наук и искусств. Дом русского посланника был местом встреч ученых, привлекаемых его репутацией и ожидавшим их любезным приемом. Образ мыслей этого народа (англичан. – С.Т., А.О.) соответствовал основательности его духа, поэтому он составил столь благоприятное представление о Лондоне, что частенько говаривал, будто Англия живет в его сердце» [цит. по: 14, с. 24].

В Лондоне Кантемир начал собирать обширную библиотеку, в которой было много философских трудов. Кроме первых трех лет пребывания за границей, не проходило почти ни одного года, чтобы поэт не обогатил русскую литературу новыми оригинальными или переводными произведениями: написал сатиру «Об истинном блаженстве» (1738 г.), переделывал созданное в России, занимался переводами. В его сатирах формулировался идеал счастливого человека, указывалось на тщету богатства и власти, прославлялся человек, пробуждающий в других добрые чувства («добрым быть собою мзда есть уже не мала» [цит. по: 32, с. 83]. Он сочиняет басни, стихи: «Противу безбожных», «О надежде на Бога», «На злобного человека», «В похвалу наук», в которых воспевался разум, наука с ее «речью тихою, но честным ушам внятною, не знающую ни гневу, ни страху, причину ищущую и любящую истину едину» [цит. по: 32, с. 83]. Среди переводов, осуществленных в то время («Оды» Анакреона, «История» Юстиниана), выделяется перевод сочинения Ф. Альгаротти «Учение Ньютона для дам», рукопись которого была переслана в Петербург, но вмешательство Святейшего Синода отменило издание. Однако не стоит говорить о воздействии английской литературы на поэтическое творчество Кантемира. Формирование стиля поэта завершилось уже в начале 1730-х гг., а, как известно, тогда он только начал изучать английский язык, хотя до конца жизни не переставал следить за новинками английской литературы и науки.

Постепенно изменялось отношение дипломата к событиям и людям, правящим Россией. Если в 1732 г. князь благодарил фаворита императрицы гр. Э.-И. Бирона и Остермана за свое назначение и даже хлопотал перед ними о пожалованных ему деревнях, то спустя четыре года личные связи с властью имущими ограничивались только направлением в Россию стихотворений для оценки их князем Черкасским – отцом невесты. Ему приходилось, как, впрочем, и всем русским представителям за границей, выполнять всевозможные поручения высокопоставленных лиц. Связи с Англией были тогда еще редки, да и молодость дипломата позволяла обращаться к нему с бесцеремонными просьбами.

Роскошь при дворе быстро распространялась, и Кантемиру приходилось по просьбе разных лиц закупать лошадей, дорогие материи, шелковые чулки, страусовые перья, «приискивать» искусных кондитеров, прислугу для двора и пр.

Много сделал Кантемир для обучения сотрудников российской миссии. Резидент приехал в Лондон с секретарем и переводчиком О. Спешневым, знавшим лишь немецкий язык, поэтому пришлось привлекать для переводческой работы как иностранцев, так и русских, проживавших в Англии. Посланник принял на работу в миссию А. Третьякова, буквально брошенного российским правительством на произвол судьбы во время разрыва отношений. В Англии с А. Кантемиром стал работать и Генрих Гросс (впоследствии ставший там российским посланником), брат Х.-Ф. Гросса – академика Петербургской Академии, переписку с которым Кантемир вел, находясь в Лондоне, а потом и в Париже. В АВПРИ сохранились документы 1736 г., содержащие просьбы Кантемира о прибавке жалованья канцеляристу миссии И. Несветаеву, которому предписывалось «обучаться» в Англии «для науки английского и других европейских языков» [37, л. 1–1 об.].

Вообще, по приезде в Лондон Кантемир нашел несколько десятков русских в бедственном положении, хлопотал за них, поскольку считал, что выручить их требовала честь России. Стараниями Кантемира восстановилось богослужение в православной церкви, основанной еще при Петре I, и около шести лет заброшенной. Антиох Дмитриевич занимался вопросами, связанными с заключением с Англией оборонительного союза, подписанного уже без него в апреле 1741 г., но из-за произошедшего в России государственного переворота не ратифицированного. В Лондоне Кантемир вел переговоры о возобновлении дипломатических отношений с Францией, куда ему предстояло вскоре направиться. В то же время, одной из целей его назначения в Париж было стремление ускорить заключение союза с Англией.

За заслуги в деле нормализации русско-английских отношений Кантемир был произведен в действительные камергеры. Прощальный подарок английского двора ему составил 500 фунтов стерлингов (против 350 для других). Георг II писал Анне Иоанновне, узнав о переводе Кантемира в Париж: «Мы отпустили бы его от себя, не воздав ему по заслугам, если бы не уведомили Ваше императорское величество, что он постоянно доказывал, насколько заслуживает доверия, которого Вы его удостоили, и к сколь великому нашему удовлетворению он вел себя здесь постоянно во время своего посольства, неукоснительно стараясь развивать и укреплять счастливый союз, объединяющий нас» [цит. по: 14, с. 25]. Понимая значение Англии для российской внешней политики,

посланник составил для своего преемника в Лондоне подробные характеристики ведущих государственных деятелей, отражавшие основные направления британского курса в европейских делах и возможные перемены.

18 апреля (ст. ст.) 1738 г. датирована отзывная грамота к английскому королю, а также, одновременно, верительная грамота и «Инструкция» полномочному министру Кантемиру, направляемому во Францию [6, л. 1–2; 12, л. 13–13 об.; 21, л. 9–10]. Как и в Британии, ему пришлось восстанавливать дипломатические отношения между двумя странами, разорванные с 1732 г. Невольно складывается впечатление, что у России в то время был лишь один авторитетный и одаренный дипломат – поэт и философ Кантемир. Впрочем, так и обстояло на самом деле. Русские официальные власти аннинских лет «безвременья» должны были это признать. В «росписи» российских представителей за рубежом, вслед за признанным лидером и традиционным координатором действий российской дипломатии, послом в Гааге Головкиным, значился Антиох Кантемир.

11 декабря (ст. ст.) 1738 г., учитывая важность поста в Париже, Кантемир был аккредитован уже чрезвычайным послом. Заслужкой Кантемира явилось и то, что в Россию в качестве ответного жеста назначили французского дипломата высокого ранга (посла) Ж.-И. Тротти, маркиза де ла Шетарди. В Париже князь по предписанию Петербурга вновь стремился добиться признания за российскими монархами императорского титула, парализовать враждебность французской дипломатии, проводившей политику «восточного барьера», умело действовал, стремясь защищать интересы России во время Войны за австрийское наследство (1740–1748 гг.). Боролся, как в Лондоне, с распространением в Европе враждебных России сочинений, печатал опровержения. Способствовал расширению книгообмена между Петербургской и Парижской Академиями, используя личные связи с французскими учеными и писателями (свидетельством чему служит его корреспонденция, отложившаяся в фонде АВПРИ «Парижская миссия» и до настоящего времени неизученная).

Реляции дипломата императрицам Анне Иоанновне и Елизавете Петровне и его депеши в ГКИД из Франции обширны. К ним обычно прилагались справочные материалы, характеризующие состояние дел в стране пребывания, давался серьезный анализ внешней и внутренней политики европейских государств. Эти донесения считались «эталонном» – литературный слог его переписки служил долгое время образцом для других дипломатов. Кроме того, Кантемир регулярно переписывался с российскими представителями за границей, что было обязательным

для дипломата XVIII в. (но не все это исполняли), а количество его корреспондентов в странах Западной Европы (прежде всего, в Британии) и России, поражает. Причем переписывались с ним не только государственные деятели, дипломаты, ученые, но и художники, писатели, музыканты, книготорговцы, даже бывшие подчиненные – чиновники миссии в Лондоне. Книжные новинки и заказанные им издания присылались из разных стран. В Париже поэт и дипломат познакомился с Вольтером, Ш.-Л. Монтескье (перевел его «Персидские письма», перевод, к сожалению, не сохранился). При участии российского посла в 1739 г. в Гааге издается «русская» трагедия П. Морана «Меншиков».

При всей загруженности по службе князь интенсивно занимался литературной работой, написал четыре сатиры, перевел на русский язык сочинения Горация, изданные в 1744 г. в Петербурге, подготовил к печати свои произведения, снабдив их комментариями (опубликованы в 1762 г.). Им составлен трехтомный русско-французский словарь, переизданный в наши дни.

Сочиненная поэтом во Франции седьмая сатира называлась «О воспитании». В ней поэт указывал на значение правильного воспитания, оттеняя его «печальные» стороны для русских детей в то время, когда лучшим средством «исправления» считались побои и розги, когда родители, погрязнув в невежестве, заботясь только о поддержании внешнего блеска, роскоши, не думали подавать хороший пример (естественно, он писал о дворянских детях). В восьмой сатире «На бесстыдную нахальчивость» Кантемир указывал писателям, как осторожно нужно обращаться с печатным словом: как врач с ланцетом, когда пускает больному кровь. Он отдавал себе отчет в значении печати как одного из важнейших средств воспитания общества [32, с. 84]. В 1740 г. поэт написал «Письмо к князю Н.Ю. Трубецкому», изобразив в нем «правильного» администратора, заботящегося о том, чтобы «чин и правда цвели в пользу людей», чтобы «страсти не качали весов», чтобы «слёзы бедных не падали на землю», словом, идеального «начальника», видящего «собственную пользу в общей пользе» [Там же]. Острота сатир заставляла Кантемира иногда подписывать их псевдонимом Харитон Макентин, представляющим анаграмму из его имени и фамилии.

В 1739 г. Антиох Дмитриевич Кантемир просил о возвращении на родину, но разрешения не получил. После восшествия в 1741 г. на престол императрицы Елизаветы Петровны ранг русского дипломатического представителя в Париже снизили до посланника [17, л. 12–13]. Почти через десять лет дипломатической службы Кантемир стал камергером, тайным советником. Уходили чиновники, его поддерживавшие: Остермана отправили в ссылку, Черкасский умер. Князь

лишился могущественной поддержки: пришедший к власти вице-канцлер А.П. Бестужев-Рюмин, боясь соперника, не благоволил к нему.

С искренней радостью встретил дипломат начало правления дочери Петра I. Он устроил в Париже торжественный прием по этому случаю. В материалах АВПРИ сохранилась литография иллюминации, устроенной Антиохом Дмитриевичем, и подробное описание церемонии [16, л. 467–479 об.]. Само положение его как дипломата заметно облегчилось; роль Франции и маркиза Шетарди в восшествии на престол Елизаветы Петровны положила начало новым, более откровенным отношениям между двумя странами, давшим возможность вновь поставить вопрос о признании императорского титула за русскими монархами.

В Париже, как и в Лондоне, посланник уделял большое внимание «воспитанию дипломатических кадров». В рескрипте Елизаветы Петровны от 4 октября (ст. ст.) 1742 г., например, говорилось: «Понеже мы всемилостивейше за благо рассудили князь Александра, да князь Петра, князя ж Васильевых детей Хованских к вам во Францию послать, чтоб они при вас дворянами посольства обретались, и им впредь вместе с вашим жалованьем из нашей Коллегии иностранных дел переводимо будет. Того ради, мы вам о том чрез сие знать даём и помянутых обоих князей Хованских к вам адресуем, дабы вы над ними пристойное смотрение имели, также и им ко обучению всего того, что им для лутчей к службе нашей впредь годности потребно быть могло бы, всякое способствование подавали б» [цит. по: 35, с. 85]. В инструкции молодым людям, приехавшим во Францию для обучения медицине, говорилось: «По приезду... в Париж навещиваться им того же часа о квартире княжеского сиятельства принца Кантемира, а при отдании поклона, придаться им в его защищение и протекцию...» [цит. по: 34, с. 44].

В конце концов, Кантемир заболел от перенапряжения и интенсивной умственной деятельности. Можно только поражаться тому, какой объем работ ему пришлось выполнять (даже по массиву материалов, которые сохранились в АВПРИ, а это, вероятно, только часть его дипломатического архива, дошедшая до нас). Вообще же, он с детства был «слаб здоровьем». Кроме того, за границей у него часто болели глаза. Ни лондонские и парижские врачи, ни поездки «на воды» не принесли облегчения. Началась чахотка, от которой он впоследствии скончался. Последним произведением поэта было стихотворение «Письмо к стихам своим». Это прощание с читателем, в нем выражалась надежда, что когда-нибудь его муза найдет признание и потомки поймут, что его сатира имела своим источником одну любовь: *В речах вы признайте последних моих любовь к вам мою. Прощайте!* [29, с. 26–27].

Выше уже упоминалось, что в Париже он много переводил, часть переводов утрачена, исчезло и руководство к алгебре, составленное для развития математического образования в России. Однако до нас дошли: написанное к приятелю письмо о «сложении русских стихов», переводы писем Горация, написанные прозой, одиннадцать писем «О природе и человеке», в которых Кантемир обосновал собственные нравственные правила. В них князь предстает глубоко религиозным человеком, «стоящим, однако, на высоте образованности, прекрасно знакомым со всей этической литературой и воодушевленным всем, что есть для человека наиболее святого» [32, с. 85]. Вот как писал другой выдающийся поэт, чиновник иностранного ведомства России, К.Н. Батюшков в сочинении «Вечер у Кантемира»: «Антиох Кантемир, посланник русский при Дворе Людовика XV, предпочитал уединение шуму и рассеянию блестящего Двора. Свободное время от должности он посвящал наукам и поэзии. В мирном кабинете, окруженный любимыми книгами, он часто восклицал, перечитывая Плутарха, Горация и Вергилия: “Счастлив, кто довольствуется малым, свободен, чужд зависти и предрассудков, имеет совесть чистую и провожает время с вами, наставники человечества, мудрецы всех веков и народов...”» [3, с. 34].

Последняя реляция Кантемира на имя Елизаветы Петровны, как всегда с приложениями: «ведомостями из Парижа», королевскими ордонансами и пр., датируется 15/26 марта 1744 г. Посланник благодарил ее за предоставление отпуска – ему разрешили выехать на отдых в Италию: «По весьма слабому и дряхлому моему нынешнему состоянию я не надеюсь, чтоб тем Вашего императорского величества великодушием в дозволении мог пользоваться, разве месяца в четыре отсюда. Однако ж, хотя поздно, оным надеюсь с немалою удачей тогда пользоваться, понеже отъезжая отсюда в Италию к осени, найду там другое лето и избегу здешнюю зиму, которая мне смертельна» [26, л. 96–96 об.]. Он обращался к императрице с просьбой об отзыве из Франции «к 1745 году». Однако уже 1/12 апреля 1744 г. секретарь миссии Г. Гросс, преданный друг, служивший с ним в Англии, сообщал в Государственную Коллегию иностранных дел: «...Тайный советник, князь Антиох Кантемир, по долго претерпенной жесточайшей болезни – сначала в желудке, потом по груди... вчерась, то есть 11 апреля / 31 марта в вечеру в 8-м часу, переменял сие временное житие с вечным блаженством. Ваше императорское величество подлинно в нем изволили потерять верного раба и весьма искусного и ученого министра. Здесь таким обще все его почитали, и понеже к превосходным качествам ума присовокупил гораздо приятное обхождение со всеми людьми,

а особенно с своими друзьями. Обще ж в городе и при Дворе сожалеют о преждевременной его смерти» [7, л. 117–117 об.].

Кантемир чувствовал, что ему не увидеть ни обещанной Италии, ни России, в которую давно хотел возвратиться. Он хотел занять наиболее, быть может, подходящий ему пост президента Петербургской Академии. За несколько дней до кончины, перечитывая с одним из друзей суждения Цицерона о дружбе, князь разговорился об обязанностях истинного друга и заставил собеседника открыть ему, насколько опасно, по заключению врачей, его положение. Физические страдания были сильны, он понимал, что работать больше не сможет: «Не могу уже читать, значит, умираю» [цит. по: 32, с. 86]. Спокойно и твердо занялся он последними распоряжениями. В АВПРИ сохранилось его подлинное завещание от 10/21 марта 1744 г., перевязанное траурной шелковой лентой. Читатель может перелистать страницы, на которых уже слабеющей рукой князь оставлял автографы. Французские нотариусы так описывали в предисловии к завещанию, состоящему из 30-и пунктов, посещение русского посланника: «Королевские советники приехали в дом его превосходительства, находящийся в Париже в улице Святого Доминика, близ Барьеры, в приходе Св. Сульпиция, где будучи, нашли они его превосходительство в каморе (так в тексте. – *С.Т., А.О.*) его апартаментов на первом этаже, окнами на передний двор, в постели, болящего телом, однако же здрава умом и рассуждением» [10, л. 11–11 об.]. Кантемир оставлял свое движимое и недвижимое имущество в России братьям и сестре, не забыл и слуг. Подробно писал о долгах во Франции, о неполученном жалованьи из Коллегии иностранных дел; разрешал продать имущество на покрытие долгов.

В завещании есть один интересный пункт. По установленному обычаю французские короли дарили свои портреты с инкрустациями из драгоценных камней не только отъезжающим дипломатам, но, вероятно, и родственникам умерших на своем посту. Антиох Дмитриевич просил, чтобы такой портрет продали, а вырученные деньги следовало «употребить на прибавление какого-нибудь бедного гошпиталья (т.е. на улучшение госпиталя для бедных. – *С.Т., А.О.*) в Москве». Просил также отправить его тело в Россию морем, похоронить в греческом монастыре в Москве «без всякой церемонии ночью» [Там же, л. 4–11 об.].

Стоит отдать должное Гроссу: он старательно исполнял волю своего патрона. Получив известие о кончине посланника, 29 апреля (ст. ст.) 1744 г. вице-канцлер А.П. Бестужев-Рюмин приказал Гроссу разобрать архив Кантемира, составить описи архива и писем, каталог библиотеки, оценить книги, но не продавать их до получения согласия родственников. Французские «искусные книгопродавцы» оценили и составили

реестры иностранных книг, отказавшись описывать русские книги и рукописные материалы, «сочиненные самим князем». Каталог иностранных изданий, хранящийся в АВПРИ, впечатляющ: мы насчитали более 830 наименований [13, л. 329–370]. К сожалению, списков русских книг, других печатных изданий и рукописей в АВПРИ не обнаружено. Коллегия иностранных дел вела нескончаемую переписку с Парижем и семьей Кантемира, «не спеша» оплачивать долги, в т.ч. «служебные», образовавшиеся из-за разных закупок для русских вельмож. Родственники, прежде всего, сестра Марья, выслали средства на «отправление тела» и оплату долгов. Но их все равно не хватало, и братья его склонялись к тому, чтобы продать библиотеку, однако Бестужев-Рюмин медлил. К июню 1744 г. вещи, книги и архив князя, включая дипломатическую переписку, разобрали и описали. 17/28 июня Гросс сообщал в Петербург, что большой ящик с архивом посланника (сохранился реестр этих документов) отправил «тележной почтой» в Брюссель в сопровождении секретаря миссии Гейнцельмана и переводчика Н. Зимина, сделав все для того, чтобы французские таможенники этот багаж не досмотрели. Символично, что вместе с архивом Кантемира посылались книги Вольтера для Академии наук [8, л. 376–376 об.].

В фондах АВПРИ сохранились дела о сложностях, возникших в связи с кончиной дипломата. 28 января (ст. ст.) 1745 г. Бестужев-Рюмин, к тому времени ставший канцлером, писал в Московскую контору Коллегии иностранных дел о распоряжении императрицы узнать в Москве у родственников: «Буде русские печатные и рукописные книги продавать хотят, то бы о том к советнику канцелярии Гроссу от себя отписали и дать знали, чтоб по тому деньги за оные по оценке здесь ли им выданы или туда переведены, а посторонним не продавали и о присылке оных сюда надлежащее определение учинено быть могло, а что у вас произойдет, о том доносить вам в Секретную Коллегии иностранных дел экспедицию» [22, л. 1]. Власти беспокоило, что «тело» так долго не переправляется в Россию. В то же время внутри Коллегии велась переписка по поводу аналогичных случаев, например, о смерти в Париже в 1727 г. посла князя Б.И. Куракина: сколько было определено тогда денег на погребение и пр. Что же касается портрета короля, подаренного Кантемиру, то Гросс, ставший уже советником миссии, сообщал родственникам: «Позвольте мне объявить нижайше свое мнение, честнее бы было для памяти покойного Вашего... брата, если в высокой Вашей фамилии сей портрет сохранен был» [23, л. 5–5 об.]. Он проводил в Париже аукционы по продаже вещей, расплатился со всеми долгами, искал надежный корабль (родственники настаивали на сухопутном пути, что было дороже и небезопасно). Наконец, 4/15 августа

1745 г. тело Кантемира было отправлено из Руана в Россию на голландском корабле. Гросс докладывал канцлеру, что на корабль погрузили 11 ящиков: в первом – «тело покойного князя, в другом – драгоценные вещи, яко портрет королевский, обложенный алмазами, перстни золотые, ключ камергерский, табакерки, часы и иные золотые и серебряные вещицы», в двух других – портреты Петра I, русских императоров и императриц, отца, сестры, его самого, да девять других «поясов» (т.е. поясных портретов), «малованных (нарисованных. – С.Т., А.О.) покойным князем» [9, л. 383 об.]. «А в последнем ящике положены книги русские и манускрипты, касающиеся до наук, с партикулярными от его фамилии письмами» [Там же]. В последний путь в страну, ставшую ему второй родиной, Антиоха Дмитриевича сопровождал «ученый человек швейцарской нации именем Кунца», знаток четырех языков, желавший найти в России «место учителя молодых людей» [9, л. 383 об. – 384].

Согласно завещанию, Антиох Дмитриевич Кантемир был погребен в октябре 1745 г. ночью «без церемонии» в Московском Николаевском греческом монастыре (находится на Никольской улице), в усыпальнице князей Кантемиров, рядом с матерью и отцом. К концу XIX в. захоронение уже сложно было отыскать: чугунные могильные плиты семьи застелили деревянным помостом, сделанным для богомольцев. Они «попирали ногами прах того человека, который первым среди русских писателей возвысил громко голос в пользу равенства пахаря и вельможи» [32, с. 20]. В 1935 г. монастырь был почти уничтожен (в настоящее время он возрождается). Прах Дмитрия Кантемира в период временного улучшения советско-румынских отношений перенесли в г. Яссы (молдавский историк В.И. Цвиркун настаивает на том, что останки господаря были фальсифицированы советской стороной [36, с. 96–107]), а прах сына, как русского подданного, оставлен в монастыре (могила не сохранилась).

Первый русский поэт-сатирик, философ, выдающийся дипломат, человек «эпохи Просвещения» Антиох Дмитриевич Кантемир не забыт. «Не русак породой» [31, с. 473], по его собственному выражению, навсегда сохранился в истории русской литературы и дипломатии. Без сомнения, его имя должно быть увековечено в Москве, а богатейший дипломатический и эпистолярный архив, хранящийся в АВПРИ, полностью изучен и издан.

Знаменитый литературный критик В.Г. Белинский писал, что в сатирах Кантемира «...столько оригинальности, столько ума и остроумия, такие яркие и верные картины тогдашнего общества, личность автора отражается в них так прекрасно, так человечно, что развернуть изредка старика Кантемира и прочесть которую-нибудь из его сатир есть истинное наслаждение» [4, с. 752]. Язык стихов Кантемира давно уже

стал архаичным. Однако темы, затронутые им в столь далекое от нас время в философских трудах, сатирах и эпиграммах, актуальны и для современного российского общества.

Библиографический список

1. Александренко В.[Н.] Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII веке. Т. I–II. Варшава, 1897.
2. Бабий А.И. Дмитрий Кантемир. М., 1984.
3. Батюшков К.Н. Вечер у Кантемира // Батюшков К.Н. Опыты в стихах и прозе / Изд. подгот. И.М. Семенко. М., 1977. С. 34–51. (Серия: Литературные памятники).
4. Белинский В.Г. Кантемир // Белинский В.Г. Собр. соч. в трех томах / Под общ. ред. Ф.М. Головенченко; Ред. С.П. Бычкова. Т. 2. М., 1948.
5. Верительная грамота российского резидента при английском королевском дворе Антиоха Кантемира от 24 декабря (ст. ст.) 1731 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 35 (Сношения России с Англией). Оп. 1. Д. 542. Л. 1–2.
6. Верительная грамота российского полномочного министра при французском королевском дворе Антиоха Кантемира от 18 апреля (ст. ст.) 1738 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 93 (Сношения России с Францией). Оп. 1, 1738 г. Д. 2. Л. 1–2.
7. Деша секретаря русской миссии в Париже Г. Гросса в ГКИД от 1/12 апреля 1744 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 93. Оп. 1, 1744 г. Д. 3. Л. 117–117 об.
8. Деша Г. Гросса в ГКИД от 17/28 июня 1744 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 93. Оп. 1, 1744 г. Д. 3. Л. 376–376 об.
9. Деша Г. Гросса канцлеру А.П. Бестужеву-Рюмину от 8/19 августа 1745 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 93. Оп. 1, 1745 г. Д. 3. Ч. 2. Л. 383–384.
10. Завещание А.Д. Кантемира от 10/21 марта 1744 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 93. Оп. 1, 1744 г., Д. 5. Л. 4–11 об.
11. «Инструкция» российскому резиденту при английском королевском дворе Антиоху Кантемиру от 27 декабря (ст. ст.) 1731 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 35. Оп. 1. Д. 542. Л. 49–60.
12. «Инструкция» российскому полномочному министру при французском королевском дворе Антиоху Кантемиру от 18 апреля (ст. ст.) 1738 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 93. Оп. 1, 1738 г. Д. 2. Л. 13–13 об.
13. Каталог иностранных изданий из библиотеки А.Д. Кантемира. 1744 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 93. Оп. 1, 1744 г. Д. 3. Л. 329–370.
14. Кросс Э.[Г.] У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 1996.
15. Кумок М.В. Российский посланник в Англии А.Д. Кантемир // Вопросы истории. 1987. № 2. С. 178–184.
16. Литография иллюминации в Париже в честь восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны и описание церемонии. 1741 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 93. Оп. 1, 1742 г. Д. 3. Л. 467–479 об.

17. [Назначение А.Д. Кантемира российским посланником в Париже.] Верительная грамота. 1741 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 93. Оп. 1, 1742 г. Д. 1. Л. 12–13.
18. [Об увеличении жалованья российскому чрезвычайному и полномочному посланнику в Лондоне А.Д. Кантемиру. Декабрь 1733 г.] // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 35. Оп. 1. Д. 556. Л. 8.
19. Определение канцлера Г.И. Головкина об отправлении А.Д. Кантемира в Париж от 8 сентября (ст. ст.) 1729 г. Копия // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 2 (Внутренние коллежские дела). Оп. 6. Д. 1139. Л. 1.
20. Орлов А.А. Профессор Василий Никифорович Александренко: русская школа англоведения в Варшавском университете на рубеже XIX–XX вв. // Отечественное англоведение XIX – первой четверти XX вв.: Сб. ст. / Отв. ред. М.П. Айзенштат. М., 2012. С. 88–95. (Серия: «История и общество»).
21. Отзывная грамота к английскому королю Георгу II от 18 апреля (ст. ст.) 1738 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 35. Оп. 1. Д. 614. Л. 9–10.
22. Отношение канцлера А.П. Бестужева-Рюмина в Московскую контору ГКИД от 28 января (ст. ст.) 1745 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 15 (Приказные дела новых лет). Оп. 5, 1745 г. Д. 20. Л. 1.
23. Письмо Г. Гросса родственникам А.Д. Кантемира от 13/24 января 1745 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 15. Оп. 5, 1745 г. Д. 20. Л. 5–5 об.
24. Походный журнал 1711 года. СПб., 1854.
25. Реляции кн. А.Д. Кантемира из Лондона / Сост. В.[Н.] Александренко. Т. I–II. М., 1892–1903.
26. Реляция А.Д. Кантемира императрице Елизавете Петровне от 15/26 марта 1744 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 93. Оп. 1, 1744 г. Д. 3. Л. 96–96 об.
27. Россия – Португалия: XVIII – начало XIX века: Сб. документов. Т. 1. 1722–1815 гг. М., 2007.
28. Русская поэзия XVIII века. М., 1972.
29. Русская поэзия XVIII века. Волгоград, 1978.
30. Русская эпиграмма второй половины XVII – начала XX вв. Л., 1975.
31. Русский биографический словарь. Т. Ибак – Ключарев. СПб., 1897.
32. Сементковский Р.И. Антиох Кантемир. Его жизнь и литературная деятельность. Биографический очерк. СПб., 1893. (Серия: Жизнь замечательных людей. Биографическая библиотека Ф.[Ф.] Павленкова).
33. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Т. 9. М., 1963.
34. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Т. 11. М., 1963.
35. Турилова С.Л., Желтикова С.О. Состав российского дипломатического представительства во Франции в XVIII веке. По материалам Архива внешней политики Российской империи // Россия и Франция XVIII–XX века. Вып. 3 / Отв. ред. П.[П.] Черкасов. М., 2000. С. 80–87.
36. Цвиркун В.И. Легенда и реалии переноса останков Дмитрия Кантемира из Москвы в Ясы // Историческая экспертиза. 2017. № 1. С. 96–107.
37. Экстракт из реляции полномочного министра в Лондоне князя Кантемира от 16 июля 1736 г. о прибавке жалования канцеляристу Несветаеву. Составлен в Коллегии иностранных дел 1 сентября (ст. ст.) 1736 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 2. Оп. 6. Д. 2688. Л. 1–1 об.

И.О. Микулёнок

Выдающийся русский летчик П.Н. Нестеров: к 130-летию со дня рождения

В статье рассказывается о жизненном пути выдающегося российского летчика мирового уровня, основателя высшего пилотажа Петра Николаевича Нестерова. Он впервые выполнил ряд фигур высшего пилотажа, в том числе 9 сентября 1913 г. «мертвую петлю» («петлю Нестерова»). Он успешно разрабатывал вопросы взаимодействия авиации с наземными войсками и ведения воздушного боя, представил оригинальный проект моноплана без вертикального оперения, а также ряд приспособлений для борьбы с самолетами противника. В 1913–1914 гг. совершил несколько рекордных перелетов. В начале Первой мировой войны осуществил семь боевых вылетов. Погиб в воздушном бою, впервые в мировой практике применив воздушный таран и сбив при этом неприятельский самолет. Описаны связанные с памятью о выдающемся российском военном летчике и изобретателе места, прежде всего в Киеве, где он служил, впервые выполнил «мертвую петлю» и где похоронен.

Ключевые слова: русская военная авиация, история военной авиации, авиация начала XX в., высший пилотаж, Пётр Николаевич Нестеров, Святошинский аэродром в Киеве, Сырецкий военный аэродром в Киеве, «мертвая петля», воздушный таран.

Сегодня широко известны имена многих летчиков, совершивших различные достижения как в военное, так и в мирное время, нередко даже ценой собственной жизни. Однако наибольшие испытания в области покорения воздушного пространства достались первопроходцам – авиаторам начала XX в., в т.ч. и выдающемуся русскому летчику П.Н. Нестерову.

Пётр Николаевич Нестеров родился 15/27 февраля 1887 г.¹ в семье штаб-капитана Н.Ф. Нестерова, служившего офицером-воспитателем в Нижегородском им. графа Аракчеева кадетском корпусе. Через два года, в возрасте 27 лет, отец умер, оставив жену Маргариту Викторовну вдовой с четырьмя детьми (Петя был третьим ребенком в семье). Не имея средств на оплату жилья, Маргарита Викторовна была вынуждена

¹ Далее все даты до вступления в силу Декрета о введении в Российской республике западноевропейского календаря (принят на заседании Совета народных комиссаров (СНК) 24 января (6 февраля по н. ст.) 1918 г. и подписан председателем СНК В.И. Лениным 26 января (8 февраля) 1918 г.) даны по старому стилю (ст. ст.).

перебраться с детьми во Вдовий дом на Крестовоздвиженской площади, в котором проживали более полусотни вдов с детьми, оставшихся без мужей и отцов, находившихся на государственной службе.

В отсутствие кормильца многодетная семья не могла позволить себе ничего лишнего, но вопрос об образовании Петра не стоял: он, как сын офицера, мог бесплатно получить военное образование, поэтому поступил в кадетский корпус, в котором некогда служил его отец. Во время учебы Нестеров особенно увлекался математикой, физикой, рисованием и черчением. В аттестационном журнале корпуса за 1903/1904 учебный год осталась запись о шестнадцатилетнем Петре: «Кадет Нестеров является образцовым типом будущего офицера, с ярко выраженными нравственными качествами и могущего увлечь за собою подчиненных в бою...» [цит. по: 4, с. 8].

Также будущий летчик хорошо музицировал и пел. Более того, во время его учебы в кадетском корпусе композитор А.К. Глазунов (1865–1936), услышав однажды участвовавшего в концерте Петра, предложил ему поступить в консерваторию [Там же, с. 10], однако юноша твердо решил пойти по стопам отца (талант Петра Николаевича унаследовала его дочь Маргарита (1909–1995), ставшая впоследствии оперной певицей).

После окончания в 1904 г. Нижегородского кадетского корпуса в числе лучших выпускников, ввиду склонности к математическим наукам, юноша был направлен в Петербург для продолжения учебы в Михайловском артиллерийском училище. Осенью 1906 г. Нестеров с отличием окончил училище, был произведен в подпоручики и, имея право выбора места прохождения дальнейшей службы, прибыл в располагавшуюся во Владивостоке 9-ю Восточносибирскую стрелковую артиллерийскую бригаду.

Сделанный Нестеровым выбор места службы, вызвавший вначале недоумение у многих его товарищей, был не случайным. Дело в том, что к тому времени Пётр Николаевич решил жениться на подруге детства, дочери польского крестьянина Ядвиге Луневской (точнее, Галицкой, т.к. Ядвигу приняла в свою семью состоятельная бездетная пара Галицких; после перехода в православную веру – Надежда Рафаиловна Галицкая). Однако в те времена офицер, находившийся на военной службе в европейской части России, мог жениться только после достижения им 28 лет, а если раньше, то лишь с условием выплаты т.н. «реверса» в 5 тыс. руб. – своеобразного денежного залога для содержания семьи в случае смерти кормильца [Там же, с. 13]. Таких денег у Нестерова не было, а при службе на окраинах Российской империи эти правила не распространялись.

В 1909 г. Пётр Нестеров был прикомандирован к Владивостокскому воздухоплавательному парку. Здесь он неоднократно поднимался в воздух на аэростате. Полученный опыт полетов позволил ему разработать правила корректировки с аэростата стрельбы по невидимым артиллеристами с земли целям. В это же время Нестеров всерьез занялся слесарным делом, результатом чего стало его назначение по совместительству на должность начальника бригады слесарной мастерской в январе 1910 г. Спустя некоторое время нижние чины, знающие толк в слесарном деле, по достоинству оценили умение их начальника профессионально владеть любым слесарным инструментом. Кроме того, Нестеров в своем подразделении запретил ругань и рукоприкладство, чем снискал уважение офицеров и еще больше расположил к себе солдат.

В начале следующего 1911 г. Нестеров получил полугодовой отпуск за более чем трехлетнюю службу и решил использовать его для окончательного перевода из артиллерии в авиацию, которой всерьез заинтересовался в это время: «Начал я свою авиационную деятельность в 1910 году после того, как первый раз увидел полет одного из наших известных авиаторов (речь идет об одном из пионеров отечественной авиации С.И. Уточкине. – *И.М.*)» [цит. по: 6, с. 56].

В то время самолеты были еще несовершенными, тихоходными и маломаневренными. Как позже писал П. Нестеров, «...в этих полетах меня не удовлетворяла рабская зависимость пилота от капризов стихии... Поэтому я поставил себе задачей построить такой аэроплан, движения которого меньше всего зависели бы от окружающих условий и который всецело подчинялся бы воле пилота... Только тогда авиация из забавы и спорта превратится в прочное и полезное приобретение человечества...» [цит. по: 4, с. 52].

Летом 1911 г., находясь в отпуске в родном городе, Нестеров познакомился с учеником профессора Н.Е. Жуковского – П.П. Соколовым, впоследствии видным специалистом по аэрофотосъемке и аэрофотограмметрии, стал членом Нижегородского общества воздухоплавания и вскоре вместе с новым другом взялся за постройку своего первого планера. Мать Петра Николаевича поддержала увлечение сына и помогла сшить обшивку к планеру. Для испытаний выбрали поле и запустили планер с помощью лошади. В телеге сидел Соколов, держа веревку, привязанную к планеру. Лошадь разбежалась, и набравший скорость аппарат вместе с испытателем поднялся в воздух на несколько метров. Об этом событии 2 августа 1911 г. даже появилась заметка в местной газете «Нижегородский листок» [4, с. 51]. Этот полет стал началом недолгой, но чрезвычайно яркой летной деятельности Нестерова.

В 1911 г. Пётр Николаевич разработал проект самолета оригинальной конструкции без вертикального оперения и отправил его в Петербург, в Главное инженерное управление. К сожалению для разработчика, проект был отклонен, поэтому Нестеров решил лично доказать преимущества своей конструкции. Но и это не помогло². Однако Нестеров воспользовался оказией и проявил настойчивость для зачисления его в авиационный отдел Офицерской воздухоплавательной школы в Петербурге: к концу своего отпуска в октябре 1911 г. поручик Нестеров был зачислен в воздухоплавательную школу, а 29 августа 1912 г. – в Гатчинскую авиационную школу (авиационный отдел Офицерской воздухоплавательной школы в Гатчине).

Свой первый самостоятельный вылет непосредственно на самолете Нестеров осуществил 12 сентября 1912 г., а уже 28 сентября сдал экзамен на звание пилота-авиатора. И, наконец, 5 октября 1912 г. на самолете-биplane «Фарман-VII» сдал экзамен на звание военного летчика. В аттестации сказано: «Летчик выдающийся, технически подготовлен отлично. Нравственные качества очень хорошие... Школу окончил по первому разряду. Достаточно подготовлен к должности Начальника отряда» [цит. по: 4, с. 72].

Также Нестеров занимался и конструкторской деятельностью. Так, кроме упомянутого уже самолета без вертикального оперения, в 1913 г. он разработал опытную конструкцию семицилиндрового авиационного двигателя мощностью 120 л.с. с воздушным охлаждением. Позже он занимался строительством одноместного скоростного самолета, закончить который помешала Первая мировая война. Им была предложена и оригинальная система изменения угла установки крыльев непосредственно во время полета.

Обладая глубокими знаниями в области математики и механики, а также имея достаточный пилотажный опыт, Нестеров теоретически обосновал возможность выполнения глубоких виражей и осуществил их на практике (до этого даже горизонтальные развороты на самолетах делали без крена, «блинчиком» [9, с. 62]). В своей работе «О взаимодействии руля глубины и направления при значительных углах крена» он впервые доказал, что во время выполнения виражей с креном

² Несмотря на отрицательный вывод Главного инженерного управления, Нестеров продолжал совершенствовать свою машину. В результате, летом 1913 г. проект был одобрен, но без предоставления средств на его осуществление. Находясь в Киеве, в начале 1914 г. Нестеров с помощью старшего механика отряда Г.М. Нелидова модифицировал самолет «Ньюпор IV»: укоротил фюзеляж на 0,7 м, снял вертикальное оперение и значительно увеличил размах рулей высоты. На этом самолете были выполнены несколько испытательных полетов, которые, однако, не выявили существенных преимуществ предложенной конструкции.

больше 45° происходит изменение в работе руля: руль высоты выполняет функции руля направления, а руль направления – руля высоты. П. Нестеров пришел к выводу, что поворот самолета всегда должен сопровождаться соответствующим креном и что, «как бы... ни был велик крен аппарата, он не опасен, если угол крена соответствует крутизне поворота» [7, с. 56].

В начале 1913 г. были сформированы первые русские авиационные роты: 1-я – в Петербурге, 2-я – в Севастополе и 3-я – в Киеве (также был сформирован отдельный авиационный отряд в Чите) [9, с. 61–62]. 26 апреля 1913 г. поручик Нестеров вступил в должность исполняющего обязанности начальника 11-го корпусного авиационного отряда 3-й авиационной роты в Киеве, которая размещалась на Печерске. Самолеты же авиароты базировались на Святошинском (Сырецком) аэродроме на западной окраине города.

Тогдашний Киев справедливо считался одним из центров мировой авиации. Киевское общество воздухоплавания возглавлял его основатель, ученик Жуковского, профессор Киевского политехнического института Н.Б. Делоне, а в городе на Днепре начинали свою конструкторскую деятельность Г.П. Адлер, Ф.Ф. Андерс, Д.П. Григорович, В.В. Иордан, К.А. Калинин, А.Д. Карпека, братья Андрей, Евгений и Иван Касьяненко, А.С. Кудашев, И.И. Сикорский, Ф.Ф. Терещенко [5, с. 106–107].

Вскоре активным членом Киевского общества воздухоплавания стал и Нестеров. В начале октября 1913 г. он совершил испытательный полет на «воздушной мотоциклетке» с двигателем всего в 15 л.с. конструкции Е. Касьяненко. Впоследствии он испытал биплан «№ 3» конструктора Карпеки.

Нестеров постоянно совершенствовался в пилотировании. Так, 10–11 августа 1913 г. он без предварительной подготовки совершил перелет по маршруту Киев – Остер – Нежин – Киев. Через несколько дней этот перелет он повторил, но уже во главе группы из трех самолетов. Это был первый в мире групповой перелет строем, с четырьмя посадками на не подготовленных заранее, а выбранных с воздуха площадках. На самолете Нестерова был также кинооператор фирмы Антона Шанцера В. Добржанский. Отснятый им с борта самолета и длящийся около получаса первый в истории авиации документальный фильм несколько дней с большим успехом демонстрировался в лучшем киевском кинотеатре Шанцера (Крещатик, д. 38).

Все лето 1913 г. Нестеров тренировался, стремясь осуществить вертикальный полет по замкнутому кругу – т.н. «мертвую петлю». Никто из авиаторов на это еще не решался. Только француз А. Пегу,

летчик-испытатель фирмы «Блерио», выполнил в воздухе фигуру, похожую на букву «S». Идея «мертвой петли» зародилась у Нестерова еще до 1912 г., но в этом году, будучи учеником Гатчинского авиационного отряда, он уже теоретически доказал возможность ее выполнения.

В основанном по инициативе Нестерова рукописном журнале «Альманах», выпуски которого вывешивались на стене гостиной офицерского собрания, в том же 1912 г. была напечатана следующая стихотворная загадка «Кто он?»:

*Ненавидящий банальность
Полупризнанный герой,
Бьет он на оригинальность
Своею мертвою петлей.*

[4, с. 71]

На эту шараду угадавший себя в четверостишии Нестеров ответил следующими строками:

*Коль написано «петля»,
То, конечно, это – я.*

<...>

*Одного хочу лишь я,
Свою петлю осуществляя:
Чтобы эта «мертвая петля»
Была бы в воздухе живая.*

*Не мир хочу я удивить,
Не для забавы иль задора,
А вас хочу лишь убедить,
Что в воздухе везде опора...*

[Там же]

27 августа / 9 сентября 1913 г. в 18 ч. 15 мин. Нестеров на самолете «Ньюпор IV» с двигателем «Гном» мощностью 70 л.с. взлетел со Святошинского (Сырецкого) аэродрома, поднялся до 1 тыс. м, после чего несколько снизил высоту и с высоты 600–800 м на глазах многочисленных зрителей впервые в мире выполнил замкнутую кривую в вертикальной плоскости – знаменитую «мертвую петлю», которая впоследствии стала называться «петлей Нестерова». Этим маневром Нестеров положил начало высшему пилотажу.

В различных источниках место, над которым выдающийся летчик выполнил «мертвую петлю», указывается по-разному. Чаще всего упоминается Святошинский (Сырецкий, Сырецкий военный) аэродром

[4, с. 234; 7, с. 428], где сегодня находится Серийный завод «Антонов» (на территории современного Серийного завода «Антонов» в 1974 г. в честь этого события был установлен памятный знак, а в 1989 г. перед административным зданием этого завода – скульптура «Мертвая петля»). Также этим историческим местом называют и Скаковой ипподром [10, с. 182] (Скаковое поле, Сырецкий ипподром; сегодня на этой территории расположена Киевская киностудия им. А. Довженко) – место, располагавшееся тогда между «Киевским машиностроительным и котельным заводом Гретера, Криванека и К^о» (ныне – «Научно-производственное предприятие “Большевик”»), Пушкинским парком и Киевским политехническим институтом. Реже упоминают располагавшийся неподалеку от упомянутого Скакового ипподрома Лагерный аэродром.

Все эти противоречия, по-видимому, можно объяснить, прежде всего, близостью расположения Святошинского (Сырецкого) и Лагерного аэродромов, а также Скакового ипподрома. Кроме того, все свои полеты Нестеров действительно совершал со Святошинского (Сырецкого) аэродрома, поскольку ангары 3-й авиационной роты, в состав которой вошел его 11-й корпусной отряд, располагались именно там. Тем не менее, «мертвая петля», по нашему мнению, впервые была совершена именно над Скаковым ипподромом – на пять километров восточнее места взлета. В пользу этой версии свидетельствует и пояснение к новому названию улицы Петра Нестерова в Постановлении № 1249 бюро Киевского городского комитета Коммунистической партии Украины и исполкома Киевского городского Совета депутатов трудящихся от 15 июля 1958 г. «О наименовании и переименовании улиц города Киева»: «П. Нестеров – летчик. Ул[ица] пролегает там, где он сделал мертвую петлю в воздухе» [8].

Также, возможно, путаница возникает и от близости звучания словосочетаний «Сырецкий аэродром» и «Сырецкий ипподром», а поскольку самолеты однозначно ассоциируются с аэродромом, то это служит дополнительным аргументом для сторонников первой версии. Любопытно, что киевляне впервые увидели самолет именно над Скаковым ипподромом: 21 апреля 1910 г. отсюда началось большое демонстрационное турне по городам России уже упоминавшегося Уточкина [6, с. 70; 8, с. 83].

В тот же вечер в Петербург отправили официальную телеграмму за подписью десяти свидетелей – семи военных летчиков (в т.ч. спортивного комиссара Императорского Всероссийского аэроклуба при Киевском обществе воздухоплавания, военного летчика штаб-капитана Орлова), врача и двух офицеров. Из Петербурга корреспондент парижской газеты «Матэн» («Matin») сразу телеграфировал о происшедшем во Францию. На следующий день, одновременно с российскими газетами, «Матэн» дала первую информацию о «мертвой петле» и попросила

киевского авиатора подробно рассказать о своем полете. Нестеров также телеграфом передал статью, а уже 30 августа она была напечатана в «Матэн». 31 августа 1913 г. Нестеров получил повышение в офицерском звании и стал штабс-капитаном.

В статье «Как я совершил мертвую петлю», опубликованной в «С.-Петербургской газете» от 4 и 5 сентября 1913 г. и подписанной «Военный летчик поручик Нестеров», автор рассказал о своих ощущениях: «За все время этого 10-секундного полета я чувствовал себя так же, как и при горизонтальном повороте с креном градусов в 70–80, т.е. ощущал телом поворот аэроплана, как, например, лежа в поезде, чувствуешь телом поворот вагона.

Я очень малокровный: стоит мне немного поработать, согнувшись в кабинке “Ньюпора”, и в результате от прилива крови сильное головокружение. Здесь же я сидел несколько мгновений вниз головой и прилива крови к голове не чувствовал, стремления отделиться от сиденья тоже не было и ноги давили на педали. Мой анероид не выпал из кармана куртки, и инструменты в открытых ящиках остались на своих местах. Бензин и масло также удерживались центробежной силой на дне бака, т.е. вверху, и нормально подавались в мотор, который великолепно работал всю верхнюю половину петли.

В общем, все это доказывает, что аэроплан сделал обыкновенный поворот, только в вертикальной плоскости, так как все время существовало динамическое равновесие.

С этим только поворотом воздух является побежденным человеком. *По какой-то ошибке человек позабыл, что в воздухе везде опора, и давно ему пора отделаться определять направление по отношению к земле* (выделено П. Нестеровым. – И.М.)» [цит. по: 4, с. 239].

Сенсация вызвала резонанс во всем мире. Прочитав публикацию в газете «Матэн», Пегу через 12 дней повторил полет Нестерова, а затем стал выступать с ним перед публикой чуть ли не ежедневно. В результате о показательных полетах французского летчика говорили намного чаще, чем о событии, произошедшем в небе над Киевом. И лишь публичное выступление Пегу на собрании под председательством Жуковского и в присутствии Нестерова 14 мая следующего 1914 г. в Политехническом музее в Москве окончательно утвердило первенство российского авиатора, которое было безоговорочно признано во всем мире. Так, в одном из приказов по войскам немецкий кайзер Вильгельм II отметил: «Я желаю, чтобы мои авиаторы стояли на такой же высоте проявления искусства, как это делают русские...» [цит. по: 1].

26 ноября 1913 г. заседание Совета Киевского общества воздухоплавания постановило выдать Нестерову золотую медаль Киевского

общества воздухоплавания «за первое в мире удачное решение, с риском для жизни, вопроса управления аэропланами при вертикальных кренах» [цит. по: 4, с. 110]. Позже Киевское городское руководство от имени города вручило отважному пилоту-новатору и памятный золотой жетон, с которым Пётр Николаевич в дальнейшем никогда не расставался.

Рекордные полеты продолжались. 1 марта 1914 г. на самолете «Ньюпор IV» Нестеров с механиком Руденко за 3 часа 9 минут осуществил перелет Киев – Одесса, а через несколько дней – до Севастополя. 11 мая 1914 г. на том же самолете с механиком унтер-офицером Г.М. Нелидовым он выполнил однодневный перелет с тремя посадками для заправки топливом по маршруту Киев – Гатчина за 18 часов (из них в воздухе 8 часов), на расстояние 1250 верст! 11 июля Нестеров перелетел из Москвы в Петербург на новом самолете «Моран», на котором ему вскоре пришлось начать войну.

С началом Первой мировой войны 11-й авиаотряд прибыл в расположенный в 100 км восточнее Львова г. Радзивиллов (ныне Радивиллов – *И.М.*), а вскоре – в г. Жолква, расположенный в 30 км севернее Львова. Нестеров, принимая участие в освобождении Львова, осуществлял воздушную разведку и выполнил одну из первых в России бомбардировок приспособленными для этого артиллерийскими снарядами. Бомбометание было проведено летчиком так эффективно, что австрийское командование даже пообещало крупную денежную награду тому, кто собьет аэроплан Нестерова.

В Жолкве 11-й авиаотряд разместился в имении барона Ф. фон Розенталя, австрийского военного летчика, который, как и Нестеров, осуществлял воздушную разведку, только со стороны врага: ежедневно биплан барона «Альбатрос» появлялся над расположением штаба 3-й русской армии, а полученные сведения пилот передавал противнику.

Обратимся к воспоминаниям свидетеля – поручика В.Г. Соколова, служившего тогда вместе с Нестеровым (по понятным причинам, его рассказ был обнаружен лишь в 1969 г.). Так, вечером 25 августа 1914 г. в вестибюле жолковского замка короля Яна Собеского, где тогда размещался штаб 3-й русской армии, генерал-квартирмейстер М.Д. Бонч-Бруевич (в будущем генерал-лейтенант Красной армии, доктор военных и технических наук), стал упрекать группу летчиков за безнаказанные полеты вражеского разведчика. Когда разговор из обычного спора превратился в откровенные обвинения в трусости, штабс-капитан Нестеров дал слово, что прекратит полеты австрийца.

На следующее утро вражеский «Альбатрос» появился в небе над Жолквой. Нестеров и его друг поручик А. Кованько (сын начальника Гатчинской авиашколы) поднялись в воздух, но при взлете оборвался

трос с гирей, которым Пётр Николаевич надеялся повредить винт «Альбатроса» и заставить его сесть (это средство борьбы с самолетами придумал сам Нестеров). Нестеров с Кованько приземлились. Пётр Николаевич приказал механику скорее отремонтировать двигатель, а сам сел в автомобиль и уехал в армейскую казну получить деньги для нужд 11-го авиаотряда. Когда возвращался назад, в воздухе снова появился самолет барона. Нестеров подъехал прямо к исправному «Морану», где стоял Кованько, и вскочил в самолет. Кованько хотел занять место наблюдателя. «Что же ты будешь делать, возьми хоть браунинг», – сказал Кованько. «Ничего, я как-нибудь обойдусь», – ответил Нестеров и поднялся в воздух [7, с. 68]. (При этом следует заметить, что Нестеров неоднократно добивался у начальства разрешения установки на самолеты штатного вооружения, в частности, пулеметов, едко замечая при этом, что без него русские боевые самолеты «вороны, а не ястребы», однако на очередной рапорт о возможности применения пулеметов в воздухе он получил жесткий отказ: «Пулеметов авиационным отрядам по штату иметь не положено» [цит. по: 4, с. 180].)

Барон заметил приближение «Морана» Нестерова и попытался от него оторваться. Но русский летчик настиг врага, зашел сзади и сверху ударил австрийский самолет, после чего оба самолета упали и разбились. Так 26 августа / 8 сентября 1914 г. у галицкого села Воля-Высоцкая трагически завершился первый воздушный бой с применением тарана.

На месте падения австрийского самолета были обнаружены два тела. В найденных при них документах значилось: «Унтер-офицер Франц Малина» и «Лейтенант барон Фридрих фон Розенталь» (в том полете самолетом управлял Малина, а барон выполнял роль пилота-наблюдателя). На следующий день нашли тело и третьего члена австрийского экипажа – солдата, по-видимому, механика (сбитый нестандартный трехместный «Альбатрос» был изготовлен в Германии по индивидуальному заказу барона) [4, с. 187].

За воздушным боем напряженно наблюдали русские воины и крестьяне. Первыми на месте падения русского самолета оказались двое казаков, которые разули Нестерова³ и забрали деньги, которые он перед этим получил. Затем мародеры исчезли.

³ По другой версии, перед последним вылетом Нестеров отдыхал на аэродроме в своей палатке. Услышав гул австрийского самолета, он выскочил из палатки и необутый, в одних чулках забрался в самолет и полетел навстречу врагу [3, с. 34]. Однако эта версия маловероятна, поскольку Нестеров жил не в палатке, а в замке, и, кроме того, было дано приказание молчать о пропавших вещах Нестерова, т.к. этот факт «позорит русскую армию» [Там же, с. 25]. В то же время, версия о казаках-мародерах небезосновательна, поскольку казаки в Галиции (Галичине) успели зарекомендовать себя именно с этой стороны.

Гроб с телом Нестерова привезли в Киев. Проститься с героем пришли десятки тысяч киевлян. Его отпели в располагавшемся тогда на Печерске Никольском военном соборе (разрушен в 1934 г., сегодня на его месте находится построенный в 1962–1965 гг. Киевский Дворец детей и юношества) и 31 августа 1914 г. похоронили рядом с пятью другими летчиками на кладбище вблизи Аскольдовой могилы, на котором находили последний приют самые уважаемые киевляне. И еще долго на могиле храброго летчика белела надпись: «Путник, преклонись – здесь прах героя Нестерова!» [4, с. 196]...

Гибель Нестерова произвела сильное впечатление на всю страну. Посмертно он был награжден орденом Св. Георгия IV степени и произведен в капитаны. Вскоре В.И. Докучаев, друг детства Нестерова, женился на его вдове, после чего семья вернулась в Нижний Новгород. Владимир Иванович и Надежда Рафаиловна прожили вместе двадцать лет и вырастили двух детей П. Нестерова – Маргариту и Петра.

После того, как в 1930-е гг. было принято решение о превращении аристократического кладбища на Аскольдовой могиле в парк, прах Петра Нестерова был перезахоронен на Лукьяновском гражданском кладбище, неподалеку от ставшего вскоре печально известным Бабьего Яра, а также места, где летчик впервые выполнил свою бессмертную петлю. При этом перезахоронение не обошлось без некоторых недоразумений. Дело в том, что деревянный крест на могиле Нестерова к тому времени не сохранился, поэтому по ошибке раскопали другую, где лежал офицер в сапогах. Старый киевский фотограф, помнивший, что авиатора хоронили необутым, настоял, чтобы поиски были продолжены, ориентируясь на соседние памятники, зафиксированные на старой фотографии. В результате был обнаружен гроб, в котором лежал офицер в шерстяных чулках. Именно его останки и покоятся теперь на Лукьяновском гражданском кладбище.

Киев помнит о выдающемся российском летчике. Так, на фасаде дома № 5 по ул. Московской в 1947 г. была установлена, а в 1977 г. обновлена мемориальная доска с надписью на украинском языке: «В этом доме в 1914 году жил известный российский летчик П.Н. Нестеров, который впервые в истории авиации в 1913 году выполнил на своем самолете “мертвую петлю” и во время империалистической войны 1914 года протаранил вражеский самолет».

В честь отважного летчика в районе завода «Большевик» также названа улица – там, где в начале XX в. располагался Лагерный военный аэродром, над которым впервые была выполнена «мертвая петля». Перед административным зданием Серийного завода «Антонов» в 1989 г. был установлен памятный знак «Мертвая петля», а на Лукьяновском

кладбище – памятник с высеченной на нем надписью «Летчик Нестеров Пётр Николаевич 15(27) II 1887 – 26 XIII(8 IX) 1914. Русский летчик, совершивший первую в мире мертвую петлю 27 VII 1913 г. ст. ст. Совершая впервые в истории беспримерный воздушный бой, таранил своим самолетом самолет противника и погиб вместе с ним 26 августа 1914 года ст. стилия»⁴.

В сквере между киевскими станциями метро «Черниговская» и «Дарница» установлен памятный камень с надписью: «Историческая местность Волчья гора. На этом месте в 1913 году были осуществлены первые в истории военно-технические эксперименты по корректировке артиллерийского огня под руководством авиаторов П. Нестерова и Е. Крутеня». Здесь же, слева от этого камня, растет 250-летняя сосна Нестерова с обхватом ствола в 2,5 м на высоте 1,5 м от уровня земли. Также в 1951 г. в Нестеров был переименован город Жолква, однако после распада Советского Союза (с 1992 г.) ему было возвращено прежнее название, при этом ныне город называется на украинский манер – Жовква. С обретением независимости постсоветскими республиками стали нередки случаи и изменения в них отношения к некоторым историческим фактам: новые времена, новые герои. В результате посвященный Нестерову музей в Жовкве сначала пришел в упадок, а со временем попросту прекратил свое существование.

2 марта 1994 г. Указом президента Российской Федерации была учреждена государственная награда – медаль Нестерова, а 28 августа 2013 г., к 100-летию первого выполнения фигуры высшего пилотажа – «мертвой петли», Национальный банк Украины выпустил памятную монету «Петля Нестерова».

Со временем высший пилотаж, включая и «петлю Нестерова», стал для авиации привычным явлением, а воздушный таран – отчаянный поступок, последнюю возможность одолеть врага, когда кончались боеприпасы – советские летчики в годы Великой Отечественной войны применили более шестисот раз.

⁴ Слева от могилы Нестерова покоится еще один выдающийся русский военный летчик, ас истребительной авиации Первой мировой войны, основоположник тактики истребительной авиации, сбивший 17 неприятельских самолетов [2, с. 389], – капитан Е.Н. Крутень, родившийся в Киеве 5/17 декабря 1890 г. и погибший в июне (по некоторым данным, 17 июня) 1917 г. В 1913 г. служил в 11-м корпусном авиаотряде, которым командовал Нестеров. Крутень считается вторым по результативности (после подполковника А.А. Казакова, сбившего 17 самолетов противника лично и 20 в группе [Там же, с. 388]) русским летчиком-истребителем Первой мировой войны. На надгробном памятнике Крутеня высечена надпись: «Легендарный витязь неба Крутень Евграф Николаевич. 1890–1917». Любопытно, что свои первые шаги в авиации Крутень совершил в Киеве на Волчьей горе в качестве наблюдателя вместе с Нестеровым [4, с. 211].

В начале третьего тысячелетия, в 2001 г., в Киеве, в парке Славы неподалеку от Памятника Вечной славы на могиле Неизвестного солдата был установлен необычный памятник, посвященный всем военным летчикам: главный герой кинофильма «В бой идут одни “старики”» гвардии капитан Алексей Титаренко по прозвищу Маэстро в исполнении Л.Ф. Быкова после тяжелого боя присел на край кабины истребителя, на фюзеляже которого виден скрипичный ключ. А на фрагменте самолетного крыла легко читается знаменитая фраза «Будем жить!», и лежит резной кленовый лист с запрыгнувшим на него кузнечиком.

Библиографический список

1. Абрамов А.С. Мужество в наследство. Свердловск, 1988.
2. Бондаренко В.В. Герои Первой мировой. М., 2013.
3. Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. М., 1964.
4. Бурче Е.Ф. Пётр Николаевич Нестеров. М., 1955.
5. Киев: Энциклопедический справочник / Отв. ред. А. Кудрицкий. Киев, 1985.
6. Ляховецкий М.Б., Рудник В.А. В небе – Уточкин! Одесса, 1982.
7. Нестеров Пётр. Как я совершил мертвую петлю // Поэма о крыльях: Записки авиаторов / Сост. Ал. Разумихин; Худ. В. Борисов. М., 1988. С. 55–60.
8. Про найменування й перейменування вулиць міста Києва: Постанова № 1249 бюро Київського міського комітету КП України й виконкому Київської міської Ради депутатів трудящих від 15 липня 1958 року // Державний архів міста Києва. Ф. Р-1 (Київська міська рада депутатів та виконавчий орган Київської міської ради депутатів (Київська міська державна адміністрація)). Оп. 4. Спр. 958. Арк. 255.
9. Соколов Виктор. Таран Нестерова. (Воспоминания очевидца) // Поэма о крыльях: Записки авиаторов / Сост. Ал. Разумихин; Худ. В. Борисов. М., 1988. С. 61–77.
10. Стефанович Д.Л. Шулявка та Жовтневий район в історії Києва. Київ, 2001.

Ю.В. Куликова

Место культа Митры в религиозной реформе императора Аврелиана

В 274 г. н.э. император Аврелиан провел религиозную реформу, поставив во главе римского пантеона культ Непобедимого Солнца (Sol Invictus), который должен был восстановить идеологическое единство Римской империи. Важное место в этом культе занимал как культ бога Sol, известный римскому мировоззрению с древности, так и проникший в Рим из Малой Азии в I в. до н.э. культ бога Митры. Значительное количество митреумов, найденных археологами на территориях Италии, Дунайских провинций, Галлии и Германии, Британии, Шотландии, Месопотамии, Северной Африки и Иудеи, свидетельствуют о чрезвычайно популярности культа Митры. Однако римский митраизм отличается от зороастрийского, поскольку испытал на себе влияние различных восточных элементов, философских течений, эллинизма и свое основное развитие продолжал уже в Римской империи.

Ключевые слова: Митра, император Аврелиан, зороастризм, Sol Invictus, Римская империя, религиозная реформа императора Аврелиана.

На территории Римской империи были распространены и находили свою нишу самые разные культы. Связано это было как с входившими в состав Империи и различавшимися по своему этническому составу и мировоззрению провинциями, население которых имело возможность перемещаться, так и с легионами, чей этнический состав был таким же разнообразным. Легионы и их части меняли свою дислокацию, и таким образом выходцы из Персии, Сирии, Иудеи и Малой Азии оказывались в Италии, Британии, Галлии. Какой же культ был положен в основу религиозной реформы императора Аврелиана?

Общая индоевропейская традиция зачастую объединяет функции и происхождение богов. Так, в ведической религии Индии Митра не играет значительной самостоятельной роли. Он олицетворяет правящий аспект в трехфункциональной мировой системе [11, с. 17] и, скорее, представляет собой этическую абстракцию [Там же, с. 107]. И вряд ли такой Митра смог подойти римскому мирознанию, хотя Митра и Варуна с их договором вполне могут представлять воплощение идеи о соправлении [Там же, с. 110], что было бы удобно для императоров периода первой половины III в. Кроме того, ведический Митра являлся более персонификацией абстрактного понятия справедливости, но даже в таком образе мог быть воспринят римским религиозным сознанием, т.к. и для него была характерная персонификация самых разнообразных понятий: Мир, Счастье, Верность и т.п., что нашло свое отражение в легендах монет римских императоров. Но ведический Митра не имеет так много самостоятельности, чтобы обрести индивидуальное воплощение, ведь скорее, по мнению Р.Н. Дандакара, он был задуман как alter ego верховного владыки Вселенной Варуны. И, несмотря на тесные торговые контакты Рима с Индией [28], индуизм – религия национальная, поэтому ее распространение было невозможно за пределами Индии.

В иранском зороастризме Митра не только имеет собственные функции, он уже самодостаточное солнечное божество, которым не является в ведах [11, с. 116], а само его имя означает «узы», «узы дружбы». Митра устанавливает между людьми нравственные узы, осуществляет надзор за делами людей, управляет и руководит. Он намного ближе к людям, чем какое-либо другое божество. Митра стал самостоятельным культом только в зороастризме.

В I в. до н.э. в Малой Азии появляются общины почитателей иранского бога солнца Митры, который выступал богом-спасителем, но замкнутость этих общин, сложность их учений не могли привлечь к ним большого числа последователей [32, с. 40]. В этой связи, возможно, зороастризм проник в этот регион несколькими волнами.

Территория Малой Азии была захвачена Персидской державой, поэтому, безусловно, зороастризм, являвшийся официальной государственной религией державы Ахеменидов, проникает и на эту территорию с войсками, чиновниками, торговцами и, возможно, переселенцами. Второй путь или вторая волна была связана с контактом халдейского и иранского жречества, который, по мнению А.В. Елешина [13], произошел в Месопотамии, а вскоре зороастрийские боги были отождествлены с вавилонскими. Можно предположить, что именно маги, позднее переселившиеся из Месопотамии в Малую Азию, распространили там митраизм.

Третий путь – через киликийскую диаспору, которая образовалась в Вавилонии после того, как царь Вавилона Набонид захватил во время войны с Киликией (556–555 гг. до н.э.) 2850 киликийцев и передал их в качестве рабов в различные вавилонские храмы, о чем сообщается в Хронике Набонида [36]. Некоторые киликийцы упоминаются среди чужеземцев, которые были поселены в окрестностях Сиппара и платили храмовую десятину [14]. Выходцы из киликийской диаспоры, вернувшиеся обратно в Киликию, принесли с собой поклонение Митре [31, с. 40]. Тем более известно, что именно с Киликией связано первое упоминание о мистериях Митры [30, кн. XXIV].

Вероятно, зороастризм должен был укорениться более твердо в восточных и центральных районах Малой Азии, потому что эти регионы находились ближе к Ирану, тем более что сведений о западной части, граничившей с греками, известно гораздо больше. Подтверждение справедливости этого тезиса можно найти в надписи «Кааба Зардушта», написанной при Шапуре I, который в период войны с Римом захватил ряд территорий, на которых существовали общины зороастрийцев [7, с. 254]. Эти иранцы были сильно эллинизированы, но свидетельством об их иранском происхождении служит тот факт, что они в течение веков продолжали отмечать зороастрийский праздник Митракан, посвященный Митре [13], а в Мазаках был зороастрийский храм огня, располагавшийся на горе Аргей [55]. Р. Зуевский убежден, что зороастризм Ахеменидов и халдейский культ в какой-то момент были совмещены по многим аспектам, и только в III в. до н.э. «мистерии персов» продвинулись западнее [15].

Однако некоторые исследователи убеждены, что генезис культа Митры был связан с реформами древнейшей индоевропейской религии и являлся своего рода оппозицией зороастризму [37].

Зуевский выражает сомнение в том, что митраизм мог происходить из Малой Азии [14] из-за отсутствия там митреумов и памятников. Однако если митраизм проходил свое формирование (и даже носил название) как «мистерии Митры», «мистерии персов», то, думается, на первых этапах своего становления он не мог иметь строго структурированной системы культа. Однако и промежуточных стадий развития этого культа в Анатолии не обнаружено, а Зуевский соглашается, что находки неких форм-прототипов в Киликии и Коммагене, безусловно, свидетельствуют о некоторой роли, которую сыграли указанные регионы в передаче митраизма на запад [15].

С этими утверждениями можно согласиться лишь отчасти. Формирование любого культа – длительное явление. Невозможно утверждать, что, например, Малая Азия и Египет не сыграли никакой роли

в формировании и распространении христианства. Думается, что Малая Азия, расположенная на перекрестке торговых путей, являлась неким котлом, где происходило становление основного фундамента митраизма. Зороастризм вполне мог смешаться с уже синкретизированной халдейско-вавилонской формой «культы персов», приобретя еще и местные черты. Разгром пиратов, являвшихся, по свидетельству Плутарха, основными носителями культа Митры, привел именно к изменению территориальной локации культа, который затем вернулся уже в оформленном виде в Малую Азию.

Идея основания культа непосредственно пиратами, основавшимися в Киликии и подчинившими себе несколько важных городов Ликийского союза [29, кн. XXIV; 33, кн. XIV, § 5], подтверждается и в исследовании А.В. Елешина [14]. Тогда вполне справедливо предположение, что в тот период не могло существовать крупных строго спланированных святилищ, ведь основная мифология культа только оформлялась, хотя и имела фундамент. Если и были в пещерах таковые, то вряд ли существовала какая-либо иконография.

Проживание в диаспорах привело к сближению культур и религиозных взглядов иранцев, киликийцев, армян, индийцев и тех народов, на территориях которых находились диаспоры, что способствовало формированию митраизма [13]. Ошибкой будет отрицать влияние зороастризма, поскольку митраизм, несомненно, имеет иранские корни. Благодаря указанным выше диаспорам, культ Митры стал популярен среди некоторых групп эллинизированного населения будущих государств Селевкидов и Птолемеев в эллинистический период, что способствовало формированию митраизма.

Согласно одной из версий, западный митраизм был лишь одной из нескольких форм поклонения Митре, в античности распространенного на значительных территориях в Азии и Европе [45]. Другое утверждение заключается в том, что западный митраизм был калькой с зороастрийского маздаизма, хотя и испытавшей влияние греко-римских примесей, в значительной мере проработанной и детализированной [15], либо возник непосредственно в Риме [60]. Однако именно первая гипотеза имеет обоснованное подтверждение у других исследователей [14; 48], хотя эти две идеи последовательно дополняют друг друга.

В числе т.н. киликийских пиратов были представители разных национальностей. В их число входили жители Киликии, Памфилии, Кипра и побережья Понта, выходцы из Сирии и других стран [6, кн. XII, § 9, 92]. Но основное ядро составляли горные лувийские племена [55]. Соответственно, и религиозные культы в Киликии были разнообразны: лувийские, фригийские, греческие, финикийские, культ Исиды

и Сераписа, иудаизм [2, с. 34]. После того, как в 540-е гг. до н.э. Киликия вошла в состав царства Ахеменидов с сохранением местной династии, здесь появились иранские диаспоры, а в места поселений иранцев пришли маги – жрецы иранских культов, в т.ч. поклоняющиеся Митре как одному из главных богов в мидийском традиционном маздеизме [55].

Поэтому с культом Митры киликийцы должны были быть знакомы задолго до I в. до н.э. Соприкосновение культур происходило и в эллинистический период, когда киликийцы в качестве наемников служили в войсках и на флоте Александра Македонского, а затем диадохов и других правителей: Птолемея [34, кн. 19, § XVII, ст. 88], Селевкидов [57, кн. LXXXVII, § 40], Атталидов, Александра Янная [35, кн. XX, § I, 4], Митридата VI [6, кн. XXII, § 92; 30, кн. XXIV]. В период гражданских войн I в. до н.э. в Риме киликийцы также не остались в стороне [6, кн. II, § 49, 71; 49, § 3, 88, 101; 50, кн. 1, § 25, 34; 52, кн. LI, § 7, 4].

В своих делах и войнах против Рима пираты могли прибегать к помощи Митры как покровителю воинов, защитнику, верховному судье, в т.ч. в загробном мире [3, Яшт. 10]. Вероятно, молитвы, совершаемые в направлении востока в сторону солнца, могли вызвать постепенное восприятие Митры в качестве солярного божества. Именно это могло формировать тот самый тайный культ, который впоследствии оформился в сложные мистерии [46, с. 484]. Тайные обряды и инициации напоминают практики, по мнению Р. Туркана, типичные для группы воинов, применявшиеся с целью укрепления связей в объединении, находить особые силы в солидарности [60, с. 3]. И. Кампос-Мендес отмечает, что в культе пиратов уже присутствуют оригинальные элементы митраизма, но эволюционный процесс все еще продолжался [51].

Вероятно, в I в. до н.э. в Киликии и Ликии сформировался локальный вариант митраизма [43], для которого характерны мистерии, в то время как в других регионах митраизм получил иное развитие [61, р. 4].

По свидетельству Плутарха, захваченные в плен Помпеем киликийские пираты стали рабами, и именно они принесли с собой культ бога Митры [30, кн. XXIV]. Стали ли солдаты Помпея его последователями, можно только предположить. Также Помпей изначально оставил несколько тысяч пиратов в живых и расселил по городам и поселениям Киликии, которые либо имели незначительное население, либо остались без него, и даже в Ахайю [6, кн. XII, § 96].

Некоторые из пиратов-килийцев, оказавшиеся рабами Помпея, впоследствии были отпущены на волю и назначены командирами кораблей и начальниками флотов его сына Секста Помпея, который в 43 г. до н.э. завладел Сицилией и занялся пиратством [2, с. 93]. Освобожденные из рабства пираты были поселены Помпеем в Калабрию на юге Италии.

Таким образом, распространению митраизма способствовали иранские диаспоры, маги-халдеи, киликийские пираты, переселенные Помпеем в различные районы Римской республики, и армия, в которой, начиная с реформ Октавиана Августа, служили выходцы из восточных провинций. По мере распространения культа к нему присоединялись торговцы, ремесленники и переселенцы.

Кризис религиозной системы Рима начался еще в период перехода от Республики к Империи, при установлении принципата. Римское миропонимание не столько разрушалось, сколько менялось, пытаюсь найти опору в новых, ранее для себя неведомых, понятиях. Если раньше общение с богами подразумевало некую абстрактность, выраженную фразой римского права «Я даю, чтобы ты дал», а сами боги определялись привычной для римского создания двойственностью, то теперь римляне искали не столько убежища и взаимоотдачи, сколько помощи и спасения, понимания того, что есть высшая сила, способная защитить, оказать содействие, есть некое высшее благо, для которого они существуют в этом мире.

Вряд ли на первых порах культ Митры являлся соперником христианства [21, с. 255], скорее, более безопасной альтернативой, особенно для военных, чья роль после реформ Октавиана Августа, ряда изменений, привнесенных императорами Ранней Римской империи, и реформ Септимия Севера значительно возросла. Для римлян стало важно иметь защитника, особенно для низших слоев населения, из которых, благодаря реформе Октавиана Августа, стали набираться легионы. Еще в сообщении Плутарха упоминается, что киликийские пираты различались по своему материальному состоянию, а в пиратском промысле участвовали порой весьма знатные и состоятельные люди [30, кн. XXIV], поэтому можно утверждать, что в числе приверженцев культа были люди самого разного происхождения и достатка [16; 38; 56].

В первые века нашей эры эта религия быстро распространилась по всей империи. Большое число почитателей культа Митры приобрел на Дунае, откуда родом и был император Аврелиан. Митра был тесно связан с солнцем, являлся хранителем договора и союза, побеждающим зло, дарующим вечную жизнь через пролитую на жертвенном алтаре кровь.

О широком распространении культа Митры в период II–III вв. н.э. свидетельствуют многочисленные археологические находки. Исследователями были обнаружены десятки святилищ Митры в Иудее, Британии, Шотландии, на территориях Северного Причерноморья, Италии. Поскольку первые надписи и основная часть храмов Митры датируются II в. н.э., то можно предположить, что окончательное оформление

культу произошло именно в этот период. Некоторые исследователи утверждают, что причиной слабого влияния митраизма и малой степени его распространения было отсутствие целостной структуры организации. Тем не менее, тайность и закрытость мистерий и внутренней структуры общеизвестны из многочисленных научных работ, поэтому можно с сомнением отнести к вышеуказанному утверждению, ведь отмечаются факты целенаправленной миссионерской деятельности митраистов [25, кн. II, § 207]. Скорее всего, негативность и притягательность митраизму придавала именно закрытость, близость к политеистическим воззрениям римского населения, а также сам образ Митры, который проигрывал более человеческому образу Иисуса.

Императоры время от времени оказывали митраизму покровительство, ведь сам по себе культ легко приспосабливался к римскому мировоззрению и ценностям, что положительно отличало его от христианства. Ни сам культ Митры, ни мистерии в его честь никогда не запрещались официальными властями, приверженцы культа никогда не подвергались гонениям, что должно было способствовать его популярности. Митру почитали разные социальные слои населения в самых разных провинциях Римской империи: от Испании до Шотландии, от Северной Африки до Иудеи, от Европы до Месопотамии [38; 43]. Интересно, что посвящения Митре известны как на греческом, так и на латинском языках [23; 29, с. 56; 38]. Почитание Митры стало сливаться с местными культурами, добавляя митраизму особенные черты [19; 39, с. 250]. На Дунае Митру почитали в образе всадника [29; 41]. Подчас переселенцы из восточных провинций строили храмы и поклонялись собственным богам, наряду с почитанием Митры [25, кн. II, § 206]. Вопрос только в том, был ли это «римский» Митра или проникавшие течения отличались от него в достаточной мере, мешая созданию целостной структуры культа на территории Римской империи.

Чем больше возрастала роль армии, а императоры все более стремились укрепить свою власть, тем больше культ Митры становился популярным, о чем свидетельствует огромное количество памятников на Рейне, Дунае, в Британии и в Италии [Там же, § 208]. В числе поклонников Митры в эпоху Ранней Империи был император Нерон. В период династии Флавиев культ получил особое распространение, а со времени падения династии Антонинов¹ влияние восточных культов значительно увеличивается, что нашло свое отражение в эпитетах императоров в монетных легендах, в частности, эпитетов *Invictus* и *Aeternus*, которые

¹ Император Коммод, хотя и покровительствовал культу Митры, но запятнал его человеческими жертвоприношениями.

соотносились с Солнцем, восходящим каждое утро, чтобы торжествовать над тьмой [1, с. 283, 424]. Из этого следовало, что законная власть дается богами и проявляется в победах. Таким образом, ясно проявляется тенденция императоров перейти от *divus* к *deus*, чтобы не только самим приблизиться к божеству, но и стать им.

В III в. н.э. культурный кризис в римском обществе заметно обострился. Старая римская религия и ряд других культов, распространившихся в Римской империи, не удовлетворяли все слои общества. Низшие слои не могли воспринять сложные философские воззрения, а высшие – не удовлетворяла «народная религия» [24, с. 112]. В этот период заметно было усиление позиций христианства, несмотря на преследование и притеснение со стороны властей. Однако для официальной власти необходимы были значительные изменения, которые вновь бы объединили разобщенное общество.

Но это также период усиления политического влияния армии, а Митра с древнейших времен считался покровителем воинов [3, Яшт. 10], поэтому как олицетворение воина-защитника был чрезвычайно близок военному менталитету, а как божественная справедливость – императору, особенно в период активизации варварских вторжений и нестабильности власти. Митра – гарант правопорядка и справедливости, божественной и человеческой. Благодаря ему в этом мире обеспечивается порядок вещей: смена времен года, рост растений, созревание плодов. В отличие от римских богов, Митра – отзывчивый бог, исполняет просьбы и обеспечивает материальное благополучие. Но основная его функция – борьба с силами тьмы, уничтожение злого начала, что в сложных условиях середины III в. было весьма актуально. Митра обещает не только жизнь после смерти, его последователи придут на очищенную и обновленную землю. Поэтому, с одной стороны, Митра, являясь образцом для подражания в жизни, сближался с образом императора, с другой стороны, приход к власти императора Аврелиана и его стремления по восстановлению единства и мощи Римского государства вполне могли ассоциироваться с Митрой.

Тем не менее, в самом культе могли таиться недостатки для того, чтобы именно митраизм стал официальной религией Римской Империи. Помимо уже указанных особенностей, нам ничего не известно о существовании структуры управления и более высокой иерархии внутри культа для обеспечения связи между общинами и управления.

Дискуссионным является и вопрос об отсутствии каких-либо священных текстов, однако найденное изображение Митры со свитком в одной руке позволяет сделать предположение, что такие рукописи могли существовать [4; 16].

Фактор привлекательности культа П.В. Иванов видит именно в чужеземном, неримском его происхождении [16]. Но, безусловно, весьма значимым не только для италиков, но и жителей других провинций являлся сотериологический характер митраизма [19], а кроме того, приверженцы культа были связаны священной клятвой, договором с богом, являлись носителями весьма важной, на их взгляд, тайны, что лишь усиливало сплоченность таких общин и увеличивало привлекательность для адептов. При этом, по мнению некоторых исследователей, совсем не играло роли понимание глубинных основ культа его приверженцами [10]. М.С. Корелин утверждает, что важным признаком того, что культ не был централизован, является полное отсутствие в источниках указаний на споры о доктрине, или борьбы с ересью [24, с. 112].

Д.С. Гвоздиков, соглашаясь с мнением Е.М. Штаерман, утверждает, что популярность культа в среде народных масс была чрезвычайно низкой, а причину видит в отсутствии единого религиозного центра, подобного Дельфам [10]. Стоит упомянуть, что и в Древней Греции было несколько религиозных центров, в их числе Элевсина, Олимпия и др. С другой стороны, именно в Италии отмечена особая популярность культа Митры среди гражданского населения [56]. Однако доля истины в этом утверждении все же есть, и заключается она в римском мировоззрении, которое нуждалось в таком центре, но сам культ Митры не мог быть сконцентрирован в одном месте.

К этому периоду относится возвышение культа *Sol*, который оказывал влияние на императорский культ и формировал восприятие личности императора подобно восточным царям, ассоциирующихся с Солнцем. *Sol* получает эпитет *Invictus* [20], что сближало его с Митрой, который также имел тесную связь с Солнцем, отраженную в соответствующей мифологии [25, кн. II, § 205]. Необходимо учитывать, что в Авесте Митра – не солнце и не луна, а его сближение с Солнцем и становление в качестве солярного божества происходило именно в римском митраизме [26, гл. 1].

Реформы Септимия Севера существенно подорвали основы принципата и способствовали укреплению единоличной власти императора, а сам он стал именоваться «*Dominus*» и «*Invictus*». В его правление значительно повысилась роль восточных культов [9, с. 6; 39, с. 291], в т.ч. и благодаря его жене, Юлии Домне, происходившей из Эмессы в Сирии, где и был расположен Храм Солнца.

Однако в период правления Гелиогабала сущность культа *Sol Invictus* была настолько извращена, что после его смерти этот культ был подвергнут *damnatio memoriae* (забвение памяти), поэтому некоторые исследователи либо вообще отрицают связь культа Гелиогабала с культом *Sol*,

существовавшем в Риме, либо убеждены, что Аврелиан взял совершенно чистый эмесский культ Солнца [47, с. 20; 58, с. 14].

Перед императором Аврелианом стояло много казавшихся неразрешимыми задач. Вернуть доверие римлян к культу *Sol Invictus* для осуществления задуманной реформы было чрезвычайно сложно, и Аврелиану пришлось искать обоснования в корнях рода, к которому он принадлежал по усыновлению, в легенде о взятии Пальмиры и даже в истории посвящения собственной матери в жрицы бога Солнца.

При проведении реформы Аврелиан не желал затрагивать основы традиционной римской религии, и *Sol* в этом отношении явился и в качестве родного божества – *Sol Indiges*, одновременно выступая в роли спутника (*Comes*) и защитника (*Propugnator*) императора [1, с. 435; 58, с. 17]. При этом в роли *Propugnator* всей Империи выступал сам Аврелиан.

Кроме того, Аврелиану необходимо было добиться лояльности и полного подчинения армии, подразделения которой возвращались к нему по мере подчинения отпавших провинций.

В III в., когда христианство обрело целостную структуру, митраизм стал его полноценным соперником. И хотя Аврелиан лояльно относился ко всем религиям и к христианству, в частности [53, кн. VII, § 30], Лактанций был убежден, что Аврелиан готовит массовые гонения на христиан [27, кн. VI, § 1]. В любом случае, христианство на тот момент воспринималось уже не просто как угрожающее основам власти, но и реально представляло опасность из-за многочисленности приверженцев. Поэтому реформа Аврелиана получала одновременно статус политической [1, с. 425; 4, с. 72]. В Митре и солярном культе императоры могли видеть идеологическую опору в борьбе с христианством [25, кн. II, § 207], предоставив в качестве равноценной замены бога-спасителя.

Культе Митры, легший в основу нового культа, предоставлял гарантии верности императору, поскольку клятвы священны, а узы нерушимы. Таким образом, новая официальная религия обеспечивала лояльность империи, подобно императорскому культу, только на более высоком уровне, способном низвести христианство вновь до положения незначительной секты.

Торжественная закладка и строительство Храма Солнца в Риме [44, кн. XXXV, § 7; 54, кн. IX, § 15; 59, кн. XXXV, § 3) должны были решить сразу несколько задач. Первая – это появление центра и возвышение роли Рима. Во-вторых, благодаря синкретизму созданного культа он становился менее закрытым и выходцы из самых разных слоев получали доступ к нему, мало того, поскольку культ Митры становился

официальным государственным, то и отправление религиозных обязанностей становилось также обязательным. Это давало надежду на широкое распространение культа в среде народных масс. И, наконец, самая основная цель реформы – идеологическое единство под строгим контролем администрации (коллегии жрецов) и самого императора, выступавшего в роли бога и являвшегося олицетворением Вечного и Непобедимого Солнца. Теперь на императора была перенесена этика митраизма, в которой божество побеждало зло, а его приверженцы занимались постоянным самосовершенствованием. Кроме того, император становился образцом для подражания и занимал высшую ступень в складывающейся религиозной иерархии.

Некоторые исследователи утверждают, что в культе Аврелиана чрезвычайно трудно проследить культ Митры [38, с. 285; 58, с. 18]. Действительно, на монетах нет упоминания Митры, а только легенды, связанные с *Sol Invictus*, но в многочисленных надписях из разных провинций Римской империи ясно прослеживается тенденция слияния двух культов, например, *Deo Invicto Mithrae, Soli invictae Mithre* и др. [9].

Тем не менее, установленный культ являл собой не монотеизм, а синкретизм, поскольку через существенное преобразование в нем были устранены все неримские элементы других культов [47, с. 20; 48, с. 20]. Аврелиан проводил реформу чрезвычайно осторожно, стараясь избегать излишнего фанатизма, крайностей, чтобы ничем не напомнить культ Элагабала.

Франц Кюмон утверждал, что невозможно определить регион, в котором иранский маздеизм принял черты эллинистического и римского митраизма [26, с. 31]. Однако стоит отметить, что сформировавшийся в Малой Азии в смешении иранских, вавилонских, халдейских, малоазийских компонентов, ощутивший на себе влияние орфиков, пифагорейцев, стоиков и неоплатоников [15; 17], став эллинизированным, культ Митры, получивший свое окончательное оформление и распространение в Риме, наиболее верно может именоваться латинизированным митраизмом [41], хотя больше подходит название «романизированный митраизм».

Реформа Аврелиана создала новый культ, в котором прослеживаются черты, знакомые римскому мировоззрению, при этом введение этого культа способствовало отождествлению императора с Солнцем, поскольку люди хотели видеть в нем те же черты, что и в солярном божестве [38, с. 284]. Теперь правитель не просто избранник Солнца, он близок к нему по своей божественной природе, недаром Аврелиан на монете из Сердики (в центре совр. Софии (Болгария)) именуется

«Deus et Dominus nato»². Тем самым император обосновал свою усилившуюся власть, свое превосходство, ведь правитель теперь являлся связующим звеном между двумя мирами, подобно Митре. Принимая титул *Invictus*, который, по мнению Диона Хризостома [12, кн. II, § 5], может носить только божество, император еще раз подчеркивает свое положение в Империи.

Для придания культу римских черт была создана коллегия понтификов – жрецов Непобедимого Солнца, в число которых вошли самые именитые сенаторы, что подчеркивало официальное положение культа и его признание. Император изображался в короне с лучами, отождествляясь с Солнцем своим образом и титулом.

Култ Митры оказался непростым соперником христианства, самым упорным, просуществовавшим до конца IV в., когда борьба Феодосия Великого с язычеством окончательно уничтожила многие языческие культы. На месте митреумов зачастую возводились христианские храмы. Так, найденный в 2017 г. на Корсике митреум располагался почти под христианским храмом [5].

После смерти Аврелиана его религиозную политику продолжили Тацит и Проб. Император Диоклетиан во время встречи с Галлерием и Лицинием в Карнунте принял решение признать Митру Покровителем своей Империи (*fautor imperii sui*) [8, с. 145].

По мнению некоторых исследователей, культ Митры не пережил V в., а его сторонники влились, вероятно, в христианские общины [4, с. 72; 15, с. 14; 31]. Однако М. Бойс, со ссылкой на свидетельства епископа Феодора Мопсуестского и архиепископа Василия Исаврийского, отмечает, что иранские диаспоры в Киликии продолжали существовать еще в V в. [46, с. 306], но это не значит, что римский митраизм продолжил свое развитие.

Современные исследователи склонны видеть среди причин отступления митраизма перед христианством его распространение только в среде военных или мужчин [18, с. 26; 25, с. 205–207]. Однако находится и ряд аргументов, указывающих, что ситуация могла быть совершенно иной. Например, в Паннонии женщины играли огромную роль в культе Солнца [22, с. 146].

И все-таки, завершая словами Ренана, «если бы рост христианства был остановлен какой-то смертельной болезнью, мир был бы

² По свидетельству Светония, именно Домициан, открывая заседание сената, произнес фразу, в которой именовал себя «господином и богом»: *Dominus et deus noster sic fieri jubet* (Suet. Domit., 13), затем обращение *Dominus* взял Септимий Север, поэтому Аврелиан этим введением лишь подчеркнул окончательное крушение системы принципата.

митраистским» [31, гл. 31], стоит подчеркнуть особую роль культа Митры в религиозной жизни Римской империи в целом и в религиозной реформе Аврелиана – в частности. Этому императору удалось фактически вытащить Римскую империю из глубокой пропасти и заложить основы новой системы управления – домината.

Библиографический список

1. Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской Империи. М., 1995.
2. Абрамзон М.Г. Римское владычество на Востоке: Рим и Киликия (II в. до н.э. – 74 г. н.э.). СПб., 2005.
3. Авеста. URL: <http://fb2.booksgid.com> (дата обращения: 03.11.2016).
4. Амфитеатров А.В. Старое в новом. СПб., 1907.
5. Антонов Е. На Корсике нашли храм древнеиранского божества // Наука и жизнь. URL: <https://www.nkj.ru> (дата обращения: 13.03.2017).
6. Аппиан Александрийский. Римская история / Под ред. С.А. Жебелева. М., 2002.
7. Бойс М. Зороастрийцы: верования и обычаи / Пер. И.М. Стеблин-Каменского; Под ред. Т.Г. Бугаковой. СПб., 2003.
8. Бонгард-Левин Г.М., Гаилов В.А., Кошеленко Г.А. Открытие митреума в Дура-Европос и современная митраистика // Вестник древней истории. 2004. № 1. С. 125–172.
9. Бурлинова А.Ю. Культ Митры в Балкано-Дунайских провинциях Римской империи. М., 1998.
10. Гвоздиков Д.С. «Товарищи непобедимого солнца»: Проблема «взгляда носителя» в Мистериях Митры // Религия, философия и наука. 12 января 2010 г. URL: <http://www.roman-glogy.com> (дата обращения: 03.03.2017).
11. Дандакар Р.Н. От вед к индуизму. Эволюционирующая мифология. М., 2002.
12. Дион Хризостом. Кинические речи / Пер. с древнегреч. Т.Г. Сидаша. СПб., 2012.
13. Елешин А.В. Роль некоторых диаспор в западных сатрапиях Ахеменидской державы в формировании митраизма. URL: <http://www.terrahumana.ru> (дата обращения: 10.03.2017).
14. Елешин А.В. Формирование митраизма в Киликии и Коммагене // История и современность. URL: <http://www.terrahumana.ru> (дата обращения: 10.03.2017).
15. Зуевский Р. Римский митраизм // SCRIPTORIUM: гісторія стародавнього світу і сярэдніх вякоў. URL: <http://hist.bsu.by> (дата обращения: 05.03.2017).
16. Иванов П.В. Мифологические представления италийских митраистов (опыт реконструкции и интерпретации по данным иконографии и эпиграфики) // Вестник Тамбовского Университета. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 1. 1998. С. 76–83.
17. Иванов П.В. SOL INVICTUS (Элагабал). Рим в поисках общеимперской идеологии // IV Державинские чтения. Философия. Социология. Политология. История, теория и социология культуры. Право. Экономика.

- История: Материалы научной конференции преподавателей и аспирантов (1999). Тамбов, 1999. С. 81.
18. Иванов П.В. Маскулинность и феминность в ориентальных мистериях поздней античности (II–IV вв. н.э.) // От мужских и женских к гендерным исследованиям: Материалы международной научной конференции, 20 апреля 2001. Тамбов, 2001. С. 22–26.
 19. Иванов П.В. Сотериологические аспекты митраизма // Образ рая: от мифа к утопии. Серия «Symposium». Вып. 31. СПб., 2003. С. 83–86.
 20. Иванов П.В. Что такое митраизм? (к вопросу о необходимости междисциплинарных связей в науке) // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24–28 мая 2005 г.): В 5 т. М., 2005. Т. 2. С. 551–552.
 21. История древнего мира. Упадок древних обществ / Под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой. Изд. 2-е, испр. М., 1983.
 22. Колосовская Ю.К. Образ римской женщины в Паннонии // Женщина в античном мире: Сб. ст. / Отв. ред. Л.П. Маринович, С.Ю. Сапрыкин. М., 1995. С. 142–155.
 23. Конарева О.М. К вопросу о проявлении культа Митры в древнеримской религии // Путь Востока: Универсализм и партикуляризм в культуре. Серия «Symposium». Вып. 34. СПб., 2005. С. 108–114.
 24. Корелин М.С. Падение античного мировоззрения. Культурный кризис в Римской империи. СПб., 2005.
 25. Культура древнего Рима: В 2-х т. / Отв. ред. Е.С. Голубцова. М., 1985.
 26. Кюмон Ф. Мистерии Митры / Пер. с франц. СПб., 2000.
 27. Лактаций. О смертях гонителей / Пер. В. Тюленева. СПб., 1998.
 28. Лебедева Е.Ю. Экономические связи Римской империи с Индией: Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1990.
 29. Найдёнов В.П. Культ Митры в Нижней Мезии и во Фракии // Проблемы античной культуры / Под ред. Г.А. Кошеленко. М., 1986. С. 56–60.
 30. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Помпей / Пер. Г.А. Стратановского. URL: <http://ancientrome.ru> (дата обращения: 04.03.2017).
 31. Ренан Э. Марк Аврелий и конец античного мира. Гл. 31. Причины победы христианства. URL: <http://svany.narod.ru> (дата обращения: 06.03.2017).
 32. Свенцицкая И.С. Ранее христианство: страницы истории. М., 1987.
 33. Страбон. География / Пер. Г.А. Стратановского. М., 2004.
 34. Феокрит. Идиллии // Хрестоматия по античной литературе. В 2 т. / Пер. М.Е. Грабарь-Пассек. Т. 1. Греческая литература. М., 1965.
 35. Флавий Иосиф. Иудейская война / Под ред. О.Н. Адаскиной. Минск, 2004.
 36. Хроника Набонида. URL: <http://wol.jw.org> (дата обращения: 06.02.2017).
 37. Чередниченко А.Г., Шенцов М.Е. Проблемы генезиса «иранского митраизма» // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2009. № 15(70). С. 11–15.
 38. Широкова Н.С. Религия римской Британии: культ Митры // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 11 / Под ред. проф. Э.Д. Фролова. СПб., 2012. С. 299–314.
 39. Штаерман Е.М. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987.
 40. Щемелев А.В. Дунайский всадник: сущность феномена и особенности иконографии // Грамота. Исторические, философские, политические

- и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 8 (58): В 3-х ч. Ч. III. С. 214–217.
41. Шенцов М.Е. Культ Митры в Риме III в. и религиозная реформа императора Аврелиана: Автореф. ... канд. ист. наук. Белгород, 2013.
 42. Элиаде М. История веры и религиозных идей / Пер. Н.Б. Абалаковой, С.Г. Балашовой, Н.Н. Кулаковой и др. URL: <http://psylib.org.ua> (дата обращения: 17.02.2017).
 43. Юланси Д. Загадки митраизма // В мире науки. 1990. URL: <http://ancientrome.ru> (дата обращения: 02.02.2017).
 44. Aurelius V.S. Epitome de Caesaribus / Ed. F. Pichlmayr (Teubner). Leipzig, 1911 (repr. 1970).
 45. Beck R. The cult of Mithra as it developed in the West, its origins, its features, and its origin with Mithraism Iran // The Circle of Ancient Iranian Studies. URL: <http://www.caissoas.com> (дата обращения: 10.11.2016).
 46. Boyce M., Grenet F. A History of Zoroastrianism. Vol. III. Zoroastrianism under Macedonian and Roman Rule. Leiden, N.-Y., Köln, 1991.
 47. Bischoff N. Der Kult des Sol und Sol Invictus. Entwicklung und Funktion des Kultes bis Kaiser Aurelian. Ruhr-Universität Bochum, 2006.
 48. Burghardt J. Deus Sol Invictus. Der Sonnengott im Spiegel des römischen Herrscherkultes. Open publ. GmbH, 2015.
 49. Caesar Gaius Julius. Commentariorum de bello civile. Liber III. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/caesar/civil/bc3.shtml> (дата обращения: 01.10.2016).
 50. Caesar Gaius Julius. De bello Alexandrino. URL: <http://www.thelatinlibrary.com> (дата обращения: 01.10.2016).
 51. Campos-Mendez I. El culto del dios Mithra en el antiguo Iran y en el Imperio Romano. P. 81. URL: <http://www.mithraeum.eu> (дата обращения: 03.03.2017).
 52. Cicero Marcus Tullius. Orationes in Verrem. URL: <http://www.thelatinlibrary.com> (дата обращения: 04.11.2016).
 53. Eusebius. Historia Ecclesiastica / Ed. H.J. Lawler. Leipzig, 1964.
 54. Eutropius. Breviarium Ab urbe condita / Ed. C. Santini (Teubner). Leipzig, 1979.
 55. Lendering J. Cilicia. URL: <http://www.livius.org> (дата обращения: 02.03.2017).
 56. Liebeschuetz J.H.W.G. Religion // Cambridge Ancient History / Ed. by A.K. Bowman, P. Garnsey, O. Rathbone. Vol. XI. 2nd ed. Cambridge, 2008. P. 984–1002.
 57. Livius Titus. Ab Urbe condita. URL: <http://www.thelatinlibrary.com> (дата обращения: 28.11.2016).
 58. Pfeiffer M. Sol Invictus. Die Ausbreitung Orientalischer Religionen im römischen Kaiserreich. Leipzig, 2004.
 59. Scriptores Historiae Augustae. URL: <http://www.thelatinlibrary.com> (дата обращения: 10.12.2016).
 60. Turcan R. Mithras Platonius, Recherches sur l'Hellenisation Philosophique de Mithra // EPRO. 1975. Bd. 47. Pp. 3–5.
 61. Volken M. The development of the cult of Mithras in the Western Roman Empire: a socio-archaeological perspective. Lausanne, 2003.

О.С. Силина

К вопросу о назначении комментариев на устав ордена (Regula Bullata) английских миноритов XIII в.

Статья посвящена анализу комментариев английских миноритов XIII в. на устав ордена. В рассматриваемый период на нищенствующий образ жизни миноритов обрушилась критика со стороны секулярного духовенства, внутри ордена также разгорелись споры относительно соблюдения заветов Св. Франциска. Следствием этого стало появление большого количества комментариев на Regula Bullata. Однако автор статьи предполагает, что ряд комментариев не был связан с этой полемикой. Анализ руководств для новичиев и комментариев на устав ордена показывает, что последние могли быть предназначены, главным образом, для учебных целей.

Ключевые слова: орден миноритов, Regula Bullata, Иоанн Пекхем, Иоанн Уэльский, Бонавентура, комментарии на устав ордера миноритов, новичиат.

Правило Франциска Ассизского для ордена миноритов было утверждено папой Гонорием III буллой «Solet annuere» в 1223 г. [3, р. 394–397]. Утвержденное буллой правило получило название Regula Bullata [1, с. 69–78] и стало их уставом, заложив основы для дальнейшего институционального оформления ордена францисканцев.

Институциональное становление ордена миноритов в Англии берет свое начало в 1224 г., когда группа из девяти братьев-миноритов прибыла в Дувр. В данном регионе на протяжении первой половины XIII в. происходил стремительный рост числа монастырей ордена. В 1256 г., как отмечает английский хронист XIII в. Фома Экклестон, в Англии насчитывалось уже 49 конвентов миноритов [17, р. 221]. В условиях увеличения числа монастырей миноритов, перехода от ранних монашеских общин к разветвленной сети конвентов, общие положения Правила 1223 г. не давали ответов на все вопросы, с которыми сталкивались братья ордена. Возникла необходимость в создании инструкций, более детально регулирующих монашескую жизнь. Прежде всего, такими инструкциями стали конституции ордена. Среди них особое значение имели Нарбонские конституции, принятые в 1260 г. [2; 10]. Они содержали пояснения к Правилу 1223 г., а также расширяли круг вопросов, касающихся повседневной религиозной жизни миноритов.

Помимо конституций ордена, со второй половины XIII в. распространение получили комментарии на *Regula Bullata*. К комментариям, вышедшим из-под пера английских миноритов, принадлежат труды Иоанна Пекхема и Иоанна Уэльского. Пекхем написал два комментария на Правило 1223 г. Один из них является самостоятельным произведением – «Толкование на Правило братьев меньших» («*Expositio super Regulam Fratrum Minorum*») [6], написанным им в университетской среде, другой – встроен в трактат «О бедности» («*De Paupertate*», гл. X) [10, р. 27–55]. Комментарий, составленный Иоанном Уэльским – «Пояснение на Правило» («*Declaratio super Regulam*») [8].

Данные труды не были единственными комментариями английских миноритов XIII в. на Правило Св. Франциска. К более ранним работам относятся многочисленные интерпретации Правила в трудах Бонавентуры [5, р. 331–336, 337–374, 438–448]¹. Известность также получило сочинение «Толкование четырех магистров на Правило братьев меньших» («*Expositio Quatuor Magistrorum super Regulam Fratrum Minorum*») [7]. Этот комментарий, где основное внимание уделено проблеме бедности, был подготовлен с одобрения генерала ордена четырьмя парижскими богословами.

Причины появления в XIII в. большого количества комментариев на *Regula Bullata* исследователи склонны видеть преимущественно в реакции интеллектуалов на споры в ордене относительно соблюдения обета бедности. Кроме того, в том, что комментарии были ответом миноритов на критику со стороны светских и духовных лиц, которые осуждали их нищенствующий образ жизни. Данной позиции придерживаются такие специалисты, как А.Г. Литтл, Ч.Л. Кингсфорд, Д. Флуд [9; 10, р. 6–13].

Не исключая этого назначения комментариев, следует отметить, что они, наряду с конституциями, в первую очередь, представляли собой разъяснения положений *Regula Bullata* для внутреннего использования. Главным образом, это относится к трудам Пекхема и Иоанна Уэльского. Их комментарии отличаются от других подобных работ, например, от трудов Бонавентуры и Комментария четырех мастеров. Интерпретации Правила 1223 г., составленные Пекхемом и Иоанном Уэльским, охватывают не отдельные вопросы устава ордена, которые вызывали дискуссии, а весь текст *Regula Bullata*.

¹ К числу работ Бонавентуры, включающих в себя интерпретации Правила 1223 г., относятся: «*Determinationes Quaestionum circa Regulam Fratrum Minorum*», «*Sermo super Regulam Fratrum Minorum*», «*Epistola de Tribus Quaestionibus ad magistrum Innominatum seu Declaratio quorundam Articulorum Regulae Fratrum Minorum*». Латинский текст этих трудов представлен в собрании сочинений Бонавентуры [5, р. 331–336, 337–374, 438–448].

Включение в комментарии всего комментируемого текста свидетельствует о том, что главной целью их авторов была подготовка руководств для верного понимания всех фундаментальных принципов жизни братьев ордена, заложенных в Правиле 1223 г. Такие руководства могли быть использованы для подготовки послушников, выбравших монашескую жизнь [15, р. 253; 16, р. 130]².

В конституциях ордена было установлено, что для вступления в новициат необходимо достижение восемнадцати лет. Молодых людей, не достигших этого возраста, принимали в исключительных случаях. В числе требований к вступающим в новициат было и наличие предварительной религиозной подготовки, что должно было облегчить их обучение. Однако с середины XIII в. все чаще в орден принимали послушников, не достигших требуемого возраста, которым были необходимы значительные разъяснения в духовных вопросах. Об этом свидетельствует появление около 1240 г. сразу нескольких наставников новициев: *povice master*, *magister iuvenum* и *magister studentium* [15, р. 243]. На них возлагалась ответственность за обучение молодых братьев ордена. К середине XIII в. возникла и практика выбора нескольких монастырей от кустодии, которые занимались приемом новициев и заботой о них.

Кроме возникновения должности наставника новициев, иллюстрацией изменившегося социального состава послушников ордена является появление специальных руководств для наставлений и проповедей даже среди детей. Например, работы Роберта Гроссетеста и Адама Марша [12, р. 250, 295]. Дети становились главными героями в сюжетах о чудесном исцелении и спасении посредством заступничества Св. Франциска и молитв миноритов [14, р. 162–163]. Многочисленные примеры этого можно встретить в трудах Бонавентуры («Легенда Св. Франциска» («*Legenda S. Francisci*»)) [5, р. 504–564]) или Фомы Челанского («Св. Франциск Ассизский: жизнь и чудеса» («*S. Francisci Assisiensis: vita et miracula*»)) [4]). Рассказы о чудесах Св. Франциска и необычайной силе детских молитв свидетельствуют не только об исцелении святым ходатайством детей и юношей, но также о вхождении их в орден.

Бонавентура в своем собрании легенд о Св. Франциске рассказывает историю, произошедшую с восьмилетним мальчиком Бартоломео. Мощный порыв ветра ударил с такой силой по его дому, что сбил тяжелую дверь, которая упала на мальчика. Люди поспешили к месту

² Предположение о назначении комментариев Пекхема и Иоанна Уэльского как руководств для подготовки новициев ордена высказал нидерландский профессор Берг Рост. Однако дальнейшей разработки эта версия в его трудах не получила. Подробнее см. [15, р. 253; 16, р. 130].

трагедии, но пострадавшего Бартоломео не было видно из-под двери. Тогда отец мальчика стал молиться о заступничестве Св. Франциску. Когда же тяжелая дверь была поднята, мальчик вышел невредимым и в возрасте четырнадцати лет вступил в орден. В последующие годы он стал ученым человеком и известным проповедником [5, р. 554–555].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что проповедническая деятельность миноритов была ориентирована на молодых людей, не достигших возраста, установленного для вступления в новициат. В связи с этим получили широкое распространение дидактические трактаты и руководства, к которым можно отнести и комментарии на Правило ордена.

Одним из наиболее известных текстов для первоначальной подготовки миноритов до и после того, как их принимали в новициат, была работа Бонавентуры «Regula Novitiorum», подготовленная им в 1259/1260 гг. [13].

Комментарии Пекхема и Иоанна Уэльского имеют сходство с этим учебным руководством в структурном построении, общности поднимаемого круга вопросов. Впрочем, тематическое единство объясняется наличием общего главного источника для этих трудов – Regula Bullata.

Для средневековых монастырских нарративов было характерно обильное использование цитат из Священного Писания и сочинений церковных авторитетов (Св. Августина, Григория Великого, Ансельма Кентерберийского, Бернарда Клервоского и др.). Важно отметить, что как в комментариях Пекхема, Иоанна Уэльского, так и в «Regula Novitiorum» Бонавентуры, цитируемая фраза приводится преимущественно с указанием имени ее автора, названия работы и даже номера главы. Подобное оформление ссылки на цитируемый источник скорее следует рассматривать как исключение из правила, чем норму. Вероятно, авторы таким образом стремились реализовать одну из дидактических задач – направить читателя к самостоятельному изучению этих трудов.

Относительно самого процесса обучения грамоте комментаторы переосмысливают слова Франциска. В комментариях Пекхема и Иоанна Уэльского практически не уделено внимание завету основателя ордена: «...и неграмотные пусть не стараются учиться грамоте, а помнят, что превыше всего следует желать духа Господня и Его святого милосердия, молиться всегда с чистым сердцем, иметь смиренное терпение в болезни и в гонении и любить тех, кто нас гонит, осуждает и обвиняет» (Regula Bullata, гл. X) [1, с. 77]. Обучение, к которому стремились монахи, казалось Франциску бесполезным и даже опасным занятием. Ученость, по мнению Франциска, рождает самолюбие, несовместимое с любовью к Богу.

В точности следуя за комментируемым текстом, Пекхем интерпретирует эти слова Св. Франциска следующим образом: «Там, где словом любопытство смиряется, но не пресекается, почему бы не следует самим постигать грамоту, если только на это было дозволение» [6, р. 433]. Иоанн Уэльский еще более сдержанно комментирует запрет Франциска на обучение грамоте для братьев ордена: «Ибо молитва суть восхождение ума к Богу» [8, р. 128].

Немногословность комментаторов относительно данного тезиса Франциска была обусловлена созданием внутри ордена уже весьма разветвленной сети школ. На протяжении второй половины XIII в. минориты прочно заняли кафедры европейских университетов. Отношение к грамоте изменилось. Комментаторы, ставя своей целью подготовку руководств для обучения новичиев, не могли игнорировать современные им реалии.

Комментарии Пекхема и Иоанна Уэльского объединяет с учебными руководствами использование различных примеров и аналогий, в частности, уподобление учителя, наставника Христу или Апостолам. Последние также выступают и в качестве учеников.

Пекхем в комментарии на гл. IV Правила Св. Франциска говорит о необходимости обучения словами Апостола Павла: «Всякий, питаемый молоком, несведущ в слове правды, потому что он младенец, твердая же пища свойственна совершенным, у которых чувства навыком приучены к различению добра и зла» (Евр., 5: 13–14) [6, р. 416]. Далее Пекхем отмечает, что учитель (*magister*) должен постоянно укреплять дух ученика (*discipulus*).

Иоанн Уэльский использует более художественные образы, например, сравнивая наставника (*professor*) с художником (*artifex*), само же Правило – со зданием (*aedificium*) [8, р. 99]. Тем самым отмечая, что духовная профессия требует тщательной подготовки, подобно профессии художника или ремесленника.

Присутствие большого количества сравнений и образов было характерной чертой для средневековой литературы многих жанров, в т.ч. и для комментариев. При анализе исторического источника на предмет истинных, достоверных событий, присутствующих в нем, аллегоричность затрудняет его объективное прочтение. Однако в случае рассмотрения дидактических текстов, к которым можно отнести комментарии Пекхема и Иоанна Уэльского, типовые образы, примеры являются методом формирования мировосприятия читателя.

Наконец, интерес представляет используемая авторами терминология. В комментариях Пекхема и Иоанна Уэльского для обозначения наставника молодых братьев ордена используются понятия *magister*,

master и наиболее распространенное – *professor*. В комментариях ни разу не упоминается о наставнике новичков, будь то *novice master*, *magister iuvenum* или же *magister studentium*. Примечательно, что и в руководстве для новичков, написанном Бонавентурой, также ничего не говорится о существовании особой должности наставника новичков.

Отсутствие в текстах терминологии, обозначающей специальную должность, уже существовавшую в структуре ордена ко времени написания этих трудов, можно объяснить влиянием интеллектуальной среды, в которой создавали свои работы авторы. Использование понятий *magister*, *master* и *professor*, вместо *novice master*, *magister iuvenum* или же *magister studentium*, имеющих аналогичные функции наставника, вероятно, было обусловлено вхождением миноритов в университеты.

Безусловно, практика использования терминов *magister*, *master* и *professor* для обозначения статуса наставника и ученого человека возникла задолго до появления самих университетов. Но со временем наделяние этими статусами стало прерогативой университетов, все более расширяющих свое влияние.

Итак, анализ комментариев Пекхема и Иоанна Уэльского на *Regula Bullata*, сравнение этих трудов с одним из наиболее распространенных учебных руководств для послушников – «*Regula Novitiorum*» Бонавентуры – позволяет сделать следующие выводы.

Пекхем и Иоанн Уэльский при написании комментариев на *Regula Bullata* не ставили перед собой первоочередной задачи дать ответ на критику нищенствующего образа жизни миноритов, возникшую со стороны белого духовенства. В первую очередь, они стремились объяснить заветы Св. Франциска для молодых братьев ордена. Об этом свидетельствует то, что в общем корпусе рассматриваемых текстов в равной степени уделено внимание всем вопросам Правила.

Данное положение также подтверждается использованием в комментариях Пекхема и Иоанна Уэльского разнообразных дидактических методов: скрупулезное оформление ссылок на цитируемый источник, обращение к образам и аналогиям для иллюстрации роли наставника.

Наконец, в данных трудах заметно влияние интеллектуальной среды европейских университетских центров второй половины XIII в., универсализма, присущего богословской мысли, и тенденции в развитии ордена. Это нашло наибольшее отражение в лаконичном комментировании запрета Св. Франциска на обучение грамоте, использовании университетской терминологии для обозначения наставников новичков. Следовательно, комментарии на устав ордена, составленные Пекхемом и Иоанном Уэльским, были адаптированы к учебной подготовке

молодых братьев ордена. Благодаря этому послушники в период новичиата могли подготовить себя к соблюдению правил религиозной жизни миноритов, содержащихся в *Regula Bullata*.

Библиографический список

1. Истоки францисканства. Святой Франциск Ассизский: писания и биографии. Святая Клара Ассизская: писания и биография / Под ред. А. Вичини, Я. Ан; Вступ. ст. С. Аверинцев. М., 1996.
2. Bonaventura di Bagnoregio, Determinationes Quaestionum Circa Regulam Fratrum Minorum // Doctoris seraphici S. Bonaventurae, S.R.E. Episcopi Cardinalis Opera Omnia. VIII / Ed. P.P. Collegii a S. Bonaventura. Florence, 1898. Pp. 449–467.
3. Bullarium diplomatum et privilegiorum sanctorum romanorum pontificum. T. III. Augustae Taurinorum, 1858.
4. Celano T.S. Francisci Assisiensis: vita et miracula. Romae, 1906.
5. Doctoris seraphici S. Bonaventurae, S.R.E. Episcopi Cardinalis Opera Omnia. VIII / Ed. P.P. Collegii a S. Bonaventura. Florence, 1898.
6. Expositio super Regulam Fratrum Minorum // Doctoris seraphici S. Bonaventurae, S.R.E. Episcopi Cardinalis Opera Omnia. VIII / Ed. P.P. Collegii a S. Bonaventura. Florence, 1898. Pp. 391–437.
7. Expositio quatuor magistrorum super Regulam Fratrum Minorum (1241–1242). Roma, 1950.
8. Flood D. John of Wales' commentary on the Franciscan Rule // *Franciscan Studies*. 2002. Vol. 60. Pp. 93–138.
9. Flood D. Early Commentaries on the Rule of the Friars Minor: 1242 Commentary, Hugh of Digne, David of Augsburg, John of Wales. St. Bonaventure, N.-Y., 2014.
10. Fr. Johannis de Peckham. Tractatus tres de paupertate / Ed. A.G. Little. Aberdeen, 1910.
11. Little A.G. Definitiones Capitulum Generalium Ordinis Fratrum Minorum 1260 ad 1282 // *Archivum Franciscanum Historicum*. 1914. VII. Pp. 676–682.
12. Rosemann P. Tabula // *Opera Roberti Grosseteste Lincolniensis* / Ed. J. Mcevoy. Turnhout, 1995.
13. Regula Novitiorum // Doctoris seraphici S. Bonaventurae, S.R.E. Episcopi Cardinalis Opera Omnia. VIII / Ed. P.P. Collegii a S. Bonaventura. Florence, 1898. Pp. 475–490.
14. Robson M. Franciscans, children and the cloister // *Generations in the Cloister. Youth and Age in Medieval Religious Life* / Eds. S. von Heusinger, A. Kehnel. Berlin, 2008. Pp. 157–183.
15. Roest B. A History of Franciscan Education (c. 1220–1517). Leiden, 2000.
16. Roest B. Franciscan Literature of Religious Instruction before the Council of Trent. Leiden, 2004.
17. Thomae de Eccleston. Liber de Adventu Fratrum Minorum in Angliam // *Analecta franciscana sive Chronica aliaque varia Documenta ad historiam Fratrum Minorum spectantia edita a Patribus Collegii S. Bonaventurae*. Vol. I. Italy, 1885. Pp. 218–256.

А.А. Куницын

Из истории англо-русской экспедиции в Голландию в 1799 г. Русские войска на британских островах Джерси и Гернси (1799–1800 гг.)

В статье рассматривается вопрос о пребывании русского экспедиционного корпуса на о-вах Джерси и Гернси в проливе Ла-Манш. После провала совместной англо-русской экспедиции в Голландию 1799 г. русские войска находились в тяжелом состоянии. Английское правительство старалось максимально облегчить положение своих союзников – русских солдат и офицеров. В сфере большой политики Петербург и Лондон зимой 1799/1800 гг. были склонны вести конструктивный диалог и искать новые пути совместной борьбы с революционной Францией. Автор доказывает, что неудача вторжения в Голландию и разгром союзной армии не сыграли ключевой роли в разрыве англо-русского союза и в распаде второй антифранцузской коалиции.

Ключевые слова: Голландская экспедиция 1799 г., вторая антифранцузская коалиция, острова Джерси и Гернси, император Павел I, Великобритания, англо-русские отношения, русская армия, революционные войны Франции.

18 октября 1799 г. в г. Алкмаар была подписана конвенция, положившая конец англо-русской экспедиции в Голландию. Целью экспедиции был захват территории Голландии (Батавской республики) и восстановление власти штатгальтера Вильгельма V Оранского, что могло способствовать выводу французских войск из Швейцарии [3, с. 38]. Согласно конвенции, экспедиционные силы союзников должны были покинуть пределы Голландии к концу ноября и вернуть на родину всех пленных французов и голландцев, которых уже переправили в Англию [13, р. 193]. Французы, со своей стороны, также должны были предоставить свободу всем пленных русским и англичанам.

В состав экспедиционного корпуса входили русские войска общей численностью около 17 600 чел. Согласно англо-русскому договору, подписанному в Петербурге 11 июня 1799 г., в случае, если экспедиция будет окончена по непредвиденным обстоятельствам, английская сторона обязывалась «принять их (русские войска. – А.К.) в свои владения и доставить им надлежащие квартиры и все другие удобства, пока с открытием надежной навигации сии войска не выйдут обратно или

не получают, по предварительному между их Императорским и Королевским Величествами соглашению, какого-либо нового назначения» [6, с. 334–335].

По окончании экспедиции в Голландию в Лондонском кабинете начались споры о целесообразности использования русского корпуса в новых военных кампаниях. Военный министр Г. Дандас, невзирая на высокую оценку качества русских войск («они храбрые люди и хорошие солдаты, из которых может быть сформирована мощная армия» [12, р. 12]), не считал возможным рассчитывать на их помощь в будущих кампаниях, ссылаясь на непростое финансовое положение в стране и трудности выполнения уже взятых английским правительством на себя обязательств. Он рекомендовал министру иностранных дел У. Гренвиллу направить усилия на урегулирование противоречий между Петербургом и Веной, тем самым максимально использовать русские войска в Италии и Швейцарии, «где они могли бы быть обеспечены продовольствием и лишены возможности грабежа» [Там же, р. 13]. Гренвилл придерживался другого мнения, считая, что следует использовать русские войска в полной мере. В этом его поддерживал морской офицер капитан 1-го ранга Х.Р. Попхэм, пользовавшийся доверием императора Павла I. Гренвилл рассчитывал с помощью Попхэма добиться разрешения императора на использование русского корпуса в планируемой Лондоном Средиземноморской экспедиции, чтобы «держат испанцев в постоянной тревоге за побережье и порты и склонить их к неизбежному миру» [Там же, р. 14]. Эту точку зрения разделял и премьер-министр У. Питт Младший. Он считал, что возвращение русских войск на родину, в случае вероятного разрыва Вены и Петербурга, не принесет никаких существенных военных выгод союзникам, а отправка русского корпуса в Средиземное море в составе английской экспедиции будет единственным способом сохранить эти войска в борьбе с Испанией и Францией [Там же, р. 35–36].

В эти планы был посвящен и русский посол в Англии гр. С.Р. Воронцов. В письме Гренвиллу он предположил, что планируемая экспедиция не приведет к желаемому результату, поскольку Франция не будет защищать Испанию и не ослабит ради нее свои силы в Италии и Швейцарии [Там же, р. 16].

Тем временем, русский корпус терпел лишения на транспортных кораблях. Воронцову приходили донесения от генерал-лейтенанта И.Н. Эссена (временно занимавшего пост командующего корпусом после пленения в Голландии генерал-лейтенанта И.И. Германа) о недостатке провизии для солдат и плохом медицинском обеспечении. Жалобы принимались неблагосклонно, Воронцов укорял генерала

в малодушии и неспособности переносить военные тяготы [7, с. 378]. В Лондоне с опаской относились к жалобам Эссена, которые он регулярно отправлял в Петербург, однако недовольство от неудачи в Голландии лишило генерала поддержки Павла I. Дандас предлагал выразить официальный протест по поводу публикаций донесений Эссена в петербургских газетах, предполагая, что их огласка может нанести ущерб союзным отношениям Петербурга и Лондона, и «император России будет вправе рассматривать их как правдивые и сожалеть по этому поводу» [12, р. 36]. Он настаивал на том, что до того, как генерал Герман попал в плен, «было идеальное радушие между армиями, и стремление к сотрудничеству со стороны части русского генералитета» [Там же].

Более жесткую позицию по отношению к Эссену занял капитан Попхэм. В письме к главнокомандующему британской сухопутной армией Фредерику герцогу Йоркскому он называл русского генерала «невежественной собакой» и заявил, что, если он не будет заменен, «прежде чем доберется до Гернси, то острова будут уничтожены его армией, находящейся в состоянии неорганизованности» [цит. по: 15, р. 579]. Посол Англии в России Ч. Уитворт в своих донесениях не без радости сообщал: «слышал, что генерал Эссен отстранен от службы. Не могу ручаться, что это правда, но, если этот акт правосудия еще не совершился, то, без сомнения, произойдет в скором времени» [12, р. 20]. Командующим русским корпусом был назначен Воронцов, принявший должность с большой неохотой. В письме к брату гр. А.Р. Воронцову он писал: «Это большой знак доверия (Павла I. — А.К.), но большое несчастье для меня. Я ожидаю тысячу неприятностей и уже начинаю ощущать их. Мне предстоит пять месяцев мучений, пока эти войска не вернутся обратно в Россию» [1, с. 71].

Во время короткого пребывания русских войск в Англии в ноябре 1799 г. произошел инцидент, получивший резонанс в высших кругах и в некоторой степени охладивший англо-русские отношения. В Ярмуте за воровство был пойман и посажен в тюрьму русский солдат. Командование корпуса настаивало на выдаче солдата, с целью наказания его по русским военным законам [7, с. 378]. Однако британское правительство не могло пойти на такой шаг. В письме Питту Дандас выражал уверенность, что в случае выдачи солдата русским, тот понесет строгое наказание, однако, «совершив преступление против гражданского законодательства в другой стране, виновник должен быть наказан по законам этой страны» [12, р. 34].

Дальнейшая судьба этого солдата остается неизвестной. Тем не менее, инцидент оказал влияние на отношение англичан к русским. Воронцов

был вынужден запретить им, «какого бы они чина либо звания ни были», приезжать в Лондон без дозволения, а, в случае разрешения, «являться ко мне для извещения, где стоит квартирую, зачем именно приехал, и когда именно отселе выедет» [цит. по: 7, с. 379]. Посол опасался повторения происшествий, поэтому принял за благо перевод русского корпуса на зимовку подальше от Лондона на о-ва Джерси и Гернси. Однако поспешил уведомить Эссена, что эти острова управляются одними законами с Англией, и рекомендовал принять все необходимые меры, чтобы «не допустить того, чтобы за недосмотром могли случиться беспорядки и грабежи, подобно Ярмутским» [цит. по: 7, с. 378].

Воронцов всеми силами старался сгладить противоречия между Эссеном и британским командованием. Но в декабре 1799 г. в письме к вице-президенту Адмиралтейств-коллегии адмиралу гр. Г.Г. Кушелеву Воронцов обвинил Эссена в том, что тот «будто нарочно делал все, чтобы поссорить русских с англичанами: рассеивал вредные слухи, позволял солдатам продавать на берегу получаемую от англичан провизию, не наблюдал за подчиненностью» [цит. по: 7, с. 380].

В конце ноября русские войска стали прибывать на о-ва Джерси и Гернси. Здесь уже располагался английский гарнизон, и в казармах не было свободных мест. Британское правительство в спешном порядке строило новые казармы, нанимая дополнительных рабочих [4], но к прибытию россиян работы еще не закончились. Первые бараки стали появляться только в декабре. Лондон не ожидал провала Голландской экспедиции и не был готов решать вопрос размещения солдат в экстренном порядке. По рекомендации Воронцова специальным комиссаром при русском корпусе был назначен У. Итон, хорошо знавший русский язык [18, р. 260]. Итон стал посредником между русскими офицерами и местными властями и отвечал за выдачу финансовых средств и продовольственное обеспечение солдат, которое должно было соответствовать содержанию британских войск.

Воронцов писал о недостатке обмундирования для нижних чинов: «они находились в сущей нагости; уже гораздо за сроки носили изветшалую совсем одежду, а иные уже более года должны бы получить оную» [цит. по: 7, с. 195–196]. Однако если британское правительство в целом смогло организовать продовольственное снабжение (проблемы возникали только из-за неприязни русских солдат к английской пище [18, р. 260]), то не смогло обеспечить их теплой одеждой и обувью. В этом есть доля вины и русского военно-морского командования: из трех кораблей, посланных из России с вещами для солдат, английских берегов достигли лишь два, да и то груз оказался подмоченным и негодным для использования [7, с. 196].

Офицеры выражали недовольство своим содержанием, мало чем отличающимся от положения рядовых солдат, испытывая большую нужду в деньгах. Воронцов писал Павлу I, что «нужды их час от часу умножаются – и офицеры просят прислать оные в золоте или серебре, так как ассигнации в здешней стране цену не имеют» [5, с. 32]. Это было связано, в первую очередь, с высокими ценами и с тем, что офицерское жалованье едва покрывало расходы на необходимые нужды. Русские офицеры не могли вести тот образ жизни, к которому они привыкли, потому что их жалованье было заметно меньше, чем у английских офицеров, квартировавших там же. Все эти жалобы не могут быть в полной мере отнесены к действиям Лондона: жалованье офицерам из английских субсидий выплачивал Петербург, и технически британское правительство не имело контроля над выплатами. Но все же, после неоднократных просьб Воронцова, британское правительство согласилось дополнить оплату всех русских офицеров, и они стали получать равные суммы со своими британскими коллегами [18, р. 260]. Финансовое положение офицеров заметно улучшилось. Жительница о. Джерси М. Дюмареск в своем дневнике писала, что после двух месяцев пребывания на о. Гернси русские офицеры устроили великолепный бал за оказанный им радушный прием, где «подавали шоколад, который русские удивительно хорошо умеют готовить, и кексы. Между танцами подавали пирожные, лимонный пунш, сладости, яблоки и апельсины. В час ночи гостям был подан великолепный ужин с обилием шампанского и вин» [цит. по: 11, р. 421].

За время пребывания русских на островах было лишь несколько случаев, потребовавших вмешательства властей. В первый раз русский солдат напал на «благопристойную даму». Чтобы избежать протестов местных жителей, с согласия русского командования солдат был посажен в тюрьму, после чего должен был предстать перед Королевским судом. Однако Итон специально тянул с судом до тех пор, пока войска не покинули остров, забрав провинившегося солдата с собой [18, р. 261]. Другой случай был связан с нападением уже на русских. Один из жителей острова обвинялся в том, что стрелял в группу солдат, один из которых был ранен. В свое оправдание он заявил, что застал солдат за грабежом в своем саду, а в ответ на его замечание солдаты вбежали в дом, ударили его беременную жену, стали бить посуду и ломать мебель, затем украли его серебряные ложки, простыни, рубашки и другую одежду. В этом случае губернатор острова Х. Далримпл встал на сторону русских, обвинив жителя в том, что тот «предательски повернул оружие против союзников своей страны» [цит. по: 18, р. 261]. Но русское командование, боясь гнева Павла I, не сообщило императору об этом происшествии,

а после того, как стало ясно, что русские не будут требовать разбирательства, с жителя острова сняли все обвинения [18, р. 261–262].

Отношение местных жителей к русским войскам было довольно теплым. Из дневника Дюмареск следует, что жители были приятно удивлены поведением русских офицеров, увидев «вместо грубых и нецивилизованных людей, какими их рисовало предвзятое мнение», людей, полных «...вежливости и обходительных манер» [цит. по: 11, р. 419]. Русским удалось установить хорошие отношения с местными жителями, которые нередко устраивали пиры и балы в честь офицеров, где, по словам Дюмареск, «офицеры в зеленых мундирах являлись любимыми кавалерами дам» [цит. по: 11, р. 423]. По свидетельствам очевидцев, были нередки и любовные истории между русским офицерами и местными девушками, но, несмотря на благосклонность к союзнику, отцы девушек были вынуждены отказывать им [17, р. 332].

Положение простых солдат было далеко не таким, как положение офицеров. В Англии нижние чины, например, часто страдали от недостатка медицинского обеспечения. Доктор Р. Джексон, назначенный по просьбе русского посла начальником медицинского обеспечения русских войск, отмечал, что солдаты преимущественно страдали от желудочно-кишечных заболеваний, дизентерии и лихорадки, реже – от воспаления легких [13, р. 77–78]. Особое удивление вызывали у британских медиков случаи обморожения русских солдат, наблюдавшиеся значительно чаще, чем у союзников. Это позволило им прийти к неожиданному для себя выводу, что русские менее устойчивы к холоду, чем обычные британцы [Там же, р. 84]. Эссен жаловался, что солдат лечили исключительно британские медики, которые не понимали ни слова по-русски, и офицерам часто приходилось выступать в роли переводчиков [7, с. 377]. В этих жалобах есть доля правды. Джексон отмечал, что в госпиталях, в которых британские медики лечили заболевания традиционным для себя методами: опиумом, вином, хиной и т.д., – смертность была гораздо выше, чем в тех, в которых работали их русские коллеги или применялись другие методы [13, р. 90–93]. При этом британские врачи делали все, что было в их силах. Доктора не выпускали слабых и больных из госпиталя за неимением теплого платья, «в коем они себя сберечь могли» [5, с. 33], что можно расценить как гуманное желание не возвращать солдат без зимних вещей в холодные казармы. Наспех организованное медицинское обеспечение оставляло желать лучшего, но и месячные отчеты госпиталей свидетельствуют: к весне 1800 г., после зимней вспышки заболеваний, количество больных в лазаретах стало гораздо меньше [Там же]. Если к прибытию на острова был больным каждый седьмой русский солдат [13, р. 80], то к отправке

корпуса обратно в Россию в марте 1800 г. больным считался лишь каждый сотый, а из-за болезни покинуть Англию не смогли чуть меньше тридцати солдат корпуса [13, p. 82].

Обратим внимание на еще один важный факт. Пожалуй, впервые в истории русской императорской армии была установлена тайная слежка (по приказу С.Р. Воронцова) за умонастроениями солдат, вернувшихся из французского плена. Воронцов в данном случае руководствовался секретным предписанием Павла I, данным Эссену еще перед началом экспедиции. От генерала требовали стараться «...во всех случаях предварительно избегнуть, чтоб верноподданные войска Нашего Государя Императора не имели сообщения с участниками развратного французского народа; и хотя... большая часть [голландского] народа желает свергнуть с себя иго французов, которые под видом химерической вольности довели их до крайней пагубы и бедности, но и имейте прилежное смотрение за сим, и будьте, на всякой (так в тексте. – *А.К.*) случай, осторожны против сомнительных жителей» [9]. Приказание императора неукоснительно проводилось в жизнь. Командующий русскими войсками на о. Гернси (в русском написании – Жернзе или Жернзи) генерал-майор П.М. Капцевич (в будущем – герой Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1815 гг.) докладывал Воронцову: «Касательно прилежного наблюдения секретно за поведением вышедших из плену от французов, я предписал циркулярно (так в тексте. – *А.К.*) во все полки и батальоны с приложениями копий повеления Вашего Сиятельства ко мне» [8].

Несмотря на неудачу в Голландии, Павел I не терял надежды нанести поражение французской армии, и для этого считал необходимым сохранить союз с Англией. В декабре 1799 г. новым командующим корпусом в Англии был назначен французский эмигрант генерал-лейтенант Ш.-Ж.-Г. дю У, маркиз де Виомениль. К его задачам относилось не только управление корпусом, но и сбор информации о положении дел во Франции для определения лучших мест для удара, и чтобы «сами [французы] восстали на низвержение нынешнего правительства» [2, с. 209]. В своем рескрипте Виоменилю Павел I сообщал: «как показывает опыт, чтобы добиться успеха в этом деле, мы должны действовать в одиночку, чтобы не быть обремененными злобой или ревностью союзников» [цит. по: 7, с. 434]. Русский император намеревался действовать независимо, но в тесном сотрудничестве с Лондоном. Предполагалось, что на западе Франции в разных местах, недалеко друг от друга, высадятся и будут действовать русский и английский корпуса, оказывая содействие французским роялистам, причем важным условием

такого сотрудничества со стороны императора было требование «не назначать командиром... экспедиции Герцога Йоркского» [12, р. 109].

Павел I утратил веру в военные таланты британского главнокомандующего. Не доверял он до конца и Виоменилю, вследствие чего написал письмо Воронцову с просьбой контролировать все его действия и отчеты, «чтобы [в них] не было бредни бродяги или издания его головы, в коей поселится желание прославить свое имя, возвести [на трон] короля, и вернуться домой» [2, с. 209]. Но донесения разных лиц лишь путали императора. В феврале 1800 г. он пишет Воронцову: «В полученных мною от вас донесениях усматриваю я из иных, что в вверенном вам корпусе дисциплина весьма хорошо наблюдается, из других же, что она совсем не существует, и что войско находится в наибольшем расстройстве» [Там же, с. 210]. После этого Воронцову пришел строгий приказ срочно уведомить императора «...о настоящем состоянии вверенных вам войск» [Там же].

Виомениль рьяно приступил к исполнению своих обязанностей. При нем русские войска проводили учения и маневры, а также возобновилась муштра солдат. В конце февраля 1800 г. он подал британскому правительству записку с детальным планом экспедиции в поддержку французских роялистов. Он просил Лондон предоставить гарантии обеспечения русских войск провизией, оружием, артиллерией, лошадьми и т.д., изыскивал возможности предоставить плотников для строительства временных складов провизии и пороха, чтобы облегчить содержание войск. Одним из пунктов записки была просьба договориться с Петербургом об увеличении численности русского корпуса до 35–40 тыс. солдат, чтобы иметь достаточно сил для действий независимо от британцев [12, р. 146–149].

Гренвилл и Питт дали положительный ответ на предложения Виомениля, но неоднократно указывали, что это лишь предварительное согласие. Детали экспедиции предлагалось обсудить после успешного завершения переговоров в Петербурге [Там же, р. 153–156]. Такого же мнения о видах Виомениля на экспедицию придерживался и Воронцов, писавший Гренвиллу, что подобный план может быть осуществлен «только более внушительной силой, чем мы располагаем здесь; необходимо ждать решения императора по этому поводу» [Там же, р. 158].

Однако новой экспедиции не было суждено осуществиться. В конце 1799 г. Павел I, недовольный действиями Австрии, которая не пустила сардинского короля Карла-Эммануила IV в освобожденный русскими войсками Пьемонт, отзывает армию из Италии. В письме британскому королю Георгу III он пишет, что венский двор, обманывая союзни-

ков, «вынуждает нас обратить все внимание на честолюбивые замыслы этой Державы (Австрии. – *А.К.*), и принять меры против них» [цит. по: 7, с. 164]. Он предлагал Англии склонить к новому «северному союзу» Данию и Швецию, а также заручиться поддержкой Пруссии [7, с. 164].

Английский король был осторожен в своих ответах, однако показал Павлу, что находится на стороне русского «кузена», призвав его «справедливое свое негодование принести в жертву своим же благим целям» [цит. по: 7, с. 429–430]. Недовольство Австрией грозило перерасти в недовольство и Англией, склонявшейся поддержать Вену в ее споре с Петербургом как со стороны, с которой наиболее выгодно продолжать войну с Францией. Не способствовало сохранению дружественных отношений между двумя державами и взаимодействие (если можно так выразиться) адмиралов Ф.Ф. Ушакова и Г. Нельсона в Средиземном море. Английский адмирал видел в укреплении России на Ионических о-вах «занозу в боку» Турции, и, следовательно, угрозу колониальным интересам Британии. Нельсон не скрывал своих антирусских настроений и всячески препятствовал действиям Ушакова и его эскадры, чем оба вызывали друг у друга неприкрытую ненависть [10, с. 132].

Влияли на кризис отношений и начавшиеся в феврале 1800 г. дебаты в британском парламенте по поводу военных субсидий для России. Указывая на то, что численность русских корпусов в Италии и Голландии не соответствовала договоренностям, Лондон старался уменьшить общую сумму выплат Петербургу. Павел I был согласен на уменьшение выплат с пропорциональным уменьшением числа солдат, реально принимавших участие в военных действиях. Английское казначейство, находившееся в трудном финансовом положении, чтобы уменьшить сумму выплат, стало скрупулезно рассчитывать субсидии с учетом выбывших солдат и долгов русских офицеров в Англии [7, с. 196–197]. Этот поступок вызвал новый приступ гнева императора, выразившего свою позицию так: он «подает помощь своим союзникам, а не торгует наемными войсками и не продает своих услуг» [цит. по: 4]. Общая сумма долга Лондона была почти полмиллиона фунтов, и Павел I потребовал выплатить всю сумму, а после этого «не входить уже с ними (с англичанами. – *А.К.*) ни в какие расчеты, ни объяснения» [цит. по: 7, с. 197].

Весной 1800 г. император окончательно охладел к британскому союзнику, не выполнявшему, с его точки зрения, условий договоров, и повелел русским войскам возвращаться домой. Перед отправлением местные власти организовали торжественный прием, разместив на зданиях «плакаты, символизирующие дружбу России и Англии, украшенные цветными фонарями, а по сторонам их висели флаги» [11, р. 423]. Отправка русского корпуса с островов происходила за счет Лондона на русских

и английских кораблях. Примечательно, что для сокращения расходов на содержание войск во время плавания было принято решение продать на месте казацких лошадей, и английское правительство выделило казакам дополнительно по 5 фунтов стерлингов за каждую лошадь [18, p. 262].

В заключение отметим, что после неудачной экспедиции в Голландию в 1799 г. Лондон и Петербург были склонны вести конструктивный диалог, а также искать возможные пути достижения декларированных целей. Поэтому русские войска остались на зимовку в Англии. Русский корпус терпел там лишения, связанные, в первую очередь, с неготовностью, а не с нежеланием Лондона выполнить свои обязательства. Когда Павел I в 1800 г. по политическим причинам решил разорвать отношения с Англией, проблемы пребывания русского корпуса на о-вах Джерси и Гернси стали одной из объявленных причин разрыва и фактического выхода России из второй антифранцузской коалиции.

Библиографический список

1. Архив князя Воронцова. Т. 10. М., 1875.
2. Архив князя Воронцова. Т. 28. М., 1883.
3. Егоров А.А. Конфуз союзного войска: Секретная экспедиция русских к голландским берегам // Родина. 1996. № 6. С. 37–42.
4. Зотов А.В. Гатчинские гренадеры на Британских островах // Интернет-журнал «Гатчина сквозь столетия». URL: <http://history-gatchina.ru> (дата обращения: 10.05.2017).
5. История лейб-гвардии Павловского полка, 1790–1890 / П.Н. Воронов и др. СПб., 1890.
6. Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россию с иностранными державами. Т. X (XI). Трактаты с Англиею. СПб., 1892.
7. Милютин Д.А. История войны России с Францией в царствование Императора Павла I в 1799 году. Т. 5. СПб., 1853.
8. Рапорт генерал-майора [П.М.] Капцевича гр. С.Р. Воронцову от 21 февраля 1800 г., № 98. Получен 24 февраля / 7 марта [1800 г.] // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 29 (Канцелярия военного министерства). Оп. 1/1536. Св. 1. Д. 15. Л. 137.
9. Секретное предписание генерал-майору [И.Н.] Эссену из Ревеля от 15 июля [1799 г.?] // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 29. Оп. 1/1536. Св. 2. Д. 23. Ч. 3. Л. 24 об.
10. Станиславская А.М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М., 1962.
11. Account of the stay in Jersey of Russian troops. 1799–1800. Extracts from an old diary // Annual Bulletin of La Société Jersiaise, 1914. Pp. 416–424.
12. Fortescue J.B. The manuscripts of J.B. Fortescue preserved at Dropmore. Vol. 6. L., 1908.
13. Jackson R. A sketch (analytical) of the history and cure of contagious fever. L., 1819.

14. Kenney J.J. Lord Whitworth and the Conspiracy against Tsar Paul I: The New Evidence of the Kent Archive // *Slavic Review*. 1977. Vol. 36. № 2 (June). Pp. 205–219.
15. Laws M.E.S. Mission to Russia, 1799 // *Royal United Services Institution Journal*. 1956. № 11. Pp. 576–579.
16. Piechowiak A.B. The Anglo-Russian Expedition to Holland in 1799 // *The Slavonic and East European Review*. 1962. Vol. 41. № 96 (December). Pp. 182–195.
17. Stevens J. Further light on the Russians in Jersey // *Annual Bulletin of La Société Jersiaise*. 1968. Vol. 9. Part 4. Pp. 327–334.
18. Tucker C. Russians in the Channel Islands // *Annual Bulletin of La Société Jersiaise*. 1974. Vol. 21. Part 2. P. 258–263.

М.Ю. Золотухин

Династический кризис в Болгарии 1886–1887 гг. и миссия генерала Н.В. Каульбарса

Статья раскрывает причины и ход династического (политического) кризиса в Болгарии, вызванного детронизацией князя Александра Баттенберга в 1886 г. группой офицеров-русофилов, а также болгарскую политику царской России во время описываемых событий. Внутриполитическое развитие Болгарии после провозглашенного в 1885 г. объединения двух ее частей – Северной и Южной – характеризовалось все нарастающей борьбой политических партий и группировок. Центральным вопросом этой борьбы явился вопрос о характере развития русско-болгарских отношений. Болгарское общество раскололось на два лагеря: русофильский и русофобский. Укрепившийся в стране диктаторский режим С. Стамболова вступил на путь конфронтации с болгарским курсом царского правительства и жестко преследовал всех тех, кто искал помощи и поддержки России. Со своей стороны, в Петербурге хотели восстановить утраченные в прежние годы доминирующие позиции в Болгарии. С этой целью в княжество был направлен генерал Н.В. Каульбарс. Его целью было восстановление спокойствия в Болгарии и нормализация русско-болгарских отношений. Однако итоги миссии привели к результатам прямо противоположным. Политика России в Болгарии потерпела провал.

Ключевые слова: династический кризис в Болгарии 1886–1887 гг., детронизация князя Александра Баттенберга, русофилы и русофобы в Болгарии, режим личной власти С. Стамболова, миссия Н.В. Каульбарса.

В апреле 1886 г. во дворце османского султана Топхане представители шести великих держав – России, Германии, Австро-Венгрии, Англии, Франции, Италии – и Турции подписали исторический документ. Топханейский акт означал международное признание объединения обеих частей Болгарии, которое было провозглашено болгарскими в сентябре 1885 г. в нарушение условий Берлинского договора 1878 г.¹

Политика России сыграла большую роль в ходе международного кризиса, вызванного объединением Болгарии. Основной задачей царского правительства было восстановить свое преимущественное влияние в Болгарии, утраченное в предшествовавшие годы. Отказавшись, в силу ряда причин, открыто признать объединение и не скрывая желания лишить болгарского князя Александра Баттенберга престола, Петербург проводил оказавшийся ошибочным курс, что вызывало непонимание и раздражение в политических и общественных кругах Болгарии. Престижу России в княжестве был нанесен ощутимый удар.

Топханейский акт поставил перед царским правительством необходимость разработать новый курс болгарской политики. В политических кругах Болгарии Петербург не имел практически никакой опоры. Здесь отрицательно относились к правящей либеральной партии во главе с П. Каравеловым, считая последнего «революционером», были враждебно настроены и к консерваторам, которые не раз в прошлом обманывали надежды России, а теперь ратовали за примирения князя Александра с царем. К группировке умеренных либералов Д. Цанкова царская дипломатия относилась сдержанно, не без оснований считая, что их прорусские выступления в значительной степени связаны с использованием имени России в целях захвата власти. В российском МИДе доверяли теперь едва ли не двум-трем болгарским политическим деятелям, видная роль которых в политической жизни была уже в прошлом.

Подобное положение вещей значительно затрудняло выработку новой линии поведения в Болгарии, и все же она нашла свое окончательное выражение в записке посла в Стамбуле А.И. Нелидова для МИДа от 10 июля 1886 г., целиком одобренной Александром III [1, с. 16–19].

Главная мысль записки сводилась к необходимости сохранения мира на Балканах и невмешательства во внутренние дела Болгарии. При том, что Россия, как и раньше, не могла иметь никакого доверия к князю Александру, утверждалось: «свержение его может произойти только в силу внутреннего переворота» [Там же, с. 16] без какого бы

¹ На конгрессе в Берлине, подведшим итог восточного кризиса 1875–1878 гг., территория Болгарии была разделена на Северную (вассальное от султана Болгарское княжество) и Южную (Восточную Румелию, которая, обретя административную автономию, возвращалась Османской империи).

то ни было давления извне. Русское правительство не должно вмешиваться во внутренние раздоры в княжестве и поддерживать ту или иную партию, а представителям России следует сохранять «строжайшую осторожность» [1, с. 18] в сношениях с болгарским князем и кабинетом Каравелова, не оказывая им «ни расположения, ни вражды, и лишь наблюдать за ходом событий» [Там же]. Такие установки диктовались тем, что в Зимнем дворце решили отложить радикальное изменение политического режима Болгарии для более благоприятного для себя момента.

Международное признание объединения Болгарии открывало широкие перспективы для развития и укрепления государственности страны. Поскольку огромная часть болгарского народа продолжала сохранять чувства признательности и привязанности к России и с ее поддержкой связывала реализацию своих национальных устремлений, болгарские политические и общественные деятели должны были определить свое отношение к очевидному факту негативного восприятия царским правительством правящей Либеральной партии и нежеланию Петербурга видеть на болгарском престоле Александра Баттенберга. Все политические силы и группировки оказались втянуты в бурное обсуждение вопроса о русско-болгарских отношениях, в результате чего общество раскололось на два лагеря – сторонников России (русофилов) и ее противников (русофобов). Летом 1886 г. в Болгарии сложилась напряженная внутривластная атмосфера. Страна оказалась поставлена перед альтернативой дальнейшего развития: «с князем Александром против России» или «с Россией без князя Александра».

Против князя Александра сложился заговор группы болгарских офицеров-русофилов, которые в ночь с 20 на 21 августа 1886 г. низложили Баттенберга и выслали его из страны. В Софии было создано Временное правительство П. Каравелова. Однако 24 августа в Пловдиве произошел контрпереворот сторонников Баттенберга во главе с представителем Народного собрания С. Стамболовым. Они вернули в страну свергнутого князя, но 7 сентября Баттенберг повторно отрекся от престола (уже по собственной воле) и покинул Болгарию. Все эти события повлекли за собой глубокий политический (династический) кризис.

О заговоре против Баттенберга в Петербурге знали из донесений управляющего делами генерального консульства в Софии П.М. Богданова и агента В.В. Сахарова, которых информировали сами руководители заговора. Зимний дворец отнесся к нему недоверчиво и весьма сдержанно. На одном из донесений Богданова Александр III написал: «Я тоже думаю (как и министр иностранных дел Н.К. Гирс. – М.З.), что это несерьезный заговор, а скорее ловушка, сочиненная для нас» [16, л. 399].

Богданов получил инструкцию не вступать ни в какие переговоры с заговорщиками и держаться строго в стороне.

Свержение Баттенберга, резко изменившее политическую обстановку в Болгарии, вынудило царское правительство пересмотреть свой выжидательный курс, принятый в июле 1886 г. Российский МИД поручил объявить послам в Берлине, Вене, Лондоне и Стамбуле, что Россия держится в стороне от софийских событий, желает скорейшего восстановления спокойствия в Болгарском княжестве и не думает его оккупировать. В целях нормализации обстановки и прекращения борьбы политических группировок в княжестве царское правительство обратилось с просьбой к партнерам по Союзу трех императоров – берлинскому и венскому руководству – инструктировать своих представителей в Болгарии действовать совместно с русскими агентами по предотвращению волнений в стране [19, р. 306]. Не менее важно было договориться относительно свергнутого князя с османским правительством, как и не допустить вступления турецких войск в Южную Болгарию (такая опасность возникла вновь, как и в 1885 г., когда было провозглашено объединение Болгарского княжества с Восточной Румелией). Предписание послу в Стамбуле А.И. Нелидову энергично действовать в этом направлении было послано уже 21 августа [2, л. 5].

Действия русской дипломатии в Болгарии преследовали ту же цель – предотвратить развитие кризиса. Как только пришли известия из Софии о детронизации Баттенберга, товарищ министра иностранных дел А.Г. Влангали телеграфировал Богданову: «быть крайне сдержанным, не вмешиваться в раздор партий, стараясь по возможности сплотить их» [4, л. 408]. Ему поручалось заявить, что сочувствие России на стороне тех, кто будет «направлять свои усилия для поддержания порядка и спокойствия в стране» [Там же, л. 409]. В телеграмме подчеркивалось, что царское правительство и не думает об оккупации Болгарии [Там же].

На обращение болгарского Временного правительства с просьбой о покровительстве и помощи, Александр III отвечал, что «все влияние России направлено к тому, чтобы оградить Болгарию от внешних опасностей» [15, л. 405], и Россия не допустит вступления турецких войск на болгарскую территорию. Царь также выразил надежду, что Временное правительство «сумеет поднять дух народа и обеспечит порядок внутри страны, избегая при этом насилия и не увлекаясь партийными интересами» [Там же, л. 405 об.]. В Петербурге приняли решение удовлетворить просьбу болгарского экзарха митрополита Климента Тырновского (В.Н. Друмева) об оказании Временному правительству материальной помощи в размере 800 тыс. франков из денег оккупационного фонда, помещенных в Болгарском Народном банке [Там же, л. 405–406 об.].

Передача власти Климентом П. Каравелову с целью укрепить авторитет правительства не повлияла существенным образом на позицию Зимнего дворца. Было решено не проявлять отрицательного отношения к Каравелову, признать и поддержать его кабинет, который выразил твердое желание сотрудничать с Россией. Богданову по-прежнему предписывалось избегать вмешательства в дела страны. При этом подчеркивалось, что император придает большое значение необходимости не отнимать у лиц, стоящих во главе правительства, надежды на возможность сближения с Россией.

Для скорейшей нормализации обстановки в Болгарии и восстановления прежних русско-болгарских отношений было решено направить в Софию члена императорской свиты генерал-майора Н.С. Долгорукова, целью которого являлось изучение положения в стране и подача советов болгарскому руководству при том, что сама миссия должна была иметь характер исключительно мирный. Советы предусматривали скорейший созыв Великого Народного собрания на основе свободных выборов, объявление полной амнистии офицерам, оставшимся преданными Баттенбергу, избрание регентского совета и образование нового правительства из представителей всех партий (что должно было, по мысли петербургского кабинета, покончить с внутривластительской борьбой), а также избрание нового князя. Все эти мероприятия планировалось проводить строго в соответствии с действующей в стране Търновской конституцией.

Намеченная миссия не была, однако, осуществлена в связи с неожиданным возвращением Баттенберга в Болгарию. Прибыв 29 августа в Русу, он в тот же день через заведующего местным русским консульством Б.П. Шатохина отправил личную телеграмму Александру III. Баттенберг выражал горячее желание войти в тесные отношения с императорским посланцем Долгоруковым, давал заверение в «беззаветной преданности» императору, а также подтверждал свое стремление «водворить законность и порядок в Болгарии» [цит. по: 12, с. 187]. Телеграмма заканчивалась следующими словами: «От России я принял корону, готов сложить ее в руки ее владетеля» [цит. по: 12, с. 192].

В русском МИДе по получении телеграммы Баттенберга созвали совещание ведущих сотрудников и приглашенного начальника Главного штаба Н.Н. Обручева. Опасаясь вооруженного столкновения сторонников и противников Баттенберга, что могло привести к гражданской войне, и не желая прибегнуть к силе, руководство министерства составило проект ответа в довольно мягкой форме, предоставляя Баттенбергу доказать на деле высказанные им заверения. Однако Александр III, продержав у себя сутки подготовленный ответ, радикально изменил

его характер и смысл. 1 сентября в Нова Загоре, на пути в Софию, Баттенберг получил резкую телеграмму царя. В ней заявлялось, что российский император не может одобрить возвращение князя в Болгарию, предвидя «злополучные последствия для страны» [11, с. 443], что он воздержится от всякого вмешательства в положение дел в княжестве, пока Баттенберг будет там оставаться. Александр III сохранял за собой право выбора линии поведения, к которой его обязывают «интересы России и мир на Востоке» [13, с. 454].

Отказ царя поддержать Баттенберга во многом способствовал повторному отречению последнего 7 сентября, хотя основной причиной этого явилось широкое недовольство им в Болгарии и, главным образом, в армии. За несколько часов до отъезда Баттенберга из Софии на улицах города был развешен его прощальный манифест. Отречение от престола Баттенберг мотивировал желанием облегчить восстановление добрых отношений между Болгарией и Россией и заявлял, что он получил якобы уверение от царского правительства в неприкосновенности независимости княжества и невмешательства в его внутренние дела. Покидая Болгарию, на этот раз уже навсегда, Баттенберг передал власть трем регентам: С. Стамболову (председателю Народного собрания), П. Каравелову (бывшему премьер-министру), подполковнику С. Муткурову, одному из организаторов контрпереворота в Пловдиве, – и назначил кабинет министров из представителей практически всех политических партий и группировок.

Добившись отречения Баттенберга от престола, Россия от этого не выиграла. Главой новой власти в Болгарии стал первый регент, С. Стамболов, наделенный практически княжескими прерогативами. Довольно скоро в стране оформился политический режим, получивший название диктатуры Стамболова.

Главным фактором, определившим внешнеполитическую позицию С. Стамболова осенью 1886 г., являлось его стремление сохранить внутреннюю самостоятельность страны, хотя, надо сказать, на нее не посягали ни Турция, ни какая-либо из великих держав, в т.ч. Россия. Правда, в тот драматический момент болгарской истории в этом трудно было разобраться сразу. В области внутренней политики новая власть взяла курс на утверждение капиталистических отношений вместе с последовательной линией на общую модернизацию страны по модели развитых западноевропейских держав, целенаправленно обслуживая интересы буржуазии, особенно ее торгово-промышленных кругов. Политика Стамболова одобрялась и некоторыми слоями интеллигенции, одними – по убеждению, другими – введенными в заблуждение официальной пропагандой (тем, что диктаторский режим необходим для защиты от внешних посягательств).

Политика С. Стамболова и главы кабинета В. Радославова – убежденного противника болгарского курса царского правительства, твердо придерживавшегося австро-германской ориентации, – стала исходить из русофобства как системы взглядов. С середины сентября 1886 г. в донесениях нового заведующего делами генерального консульства в Софии А.В. Неклюдова и исполняющего обязанности генерального консула в Пловдиве М.А. Игельстрома участились сообщения об антирусской настроенности болгарских властей, публичном осуждении Стамболовым русской политики, использовании введенного в стране военного положения для преследования всех тех, кто придерживается русофильских взглядов (включая аресты и тюремное заключение), а также широкой агитации в пользу переизбрания болгарским князем Александра Баттенберга, в которой принимали участие члены правительства.

Установление в Болгарии режима личной власти Стамболова, который все более открыто проявлял свою неприязнь России, заставило царское правительство окончательно отказаться от выжидательной политики. Необходимо было принять быстрые меры, чтобы не потерять окончательно свои позиции в княжестве. Между тем, на берегах Невы проявляли колебания и нерешительность в выборе внешнеполитического курса.

У руководства МИДа отсутствовала четкая линия поведения. Министр Н.К. Гирс предлагал «смотреть на регентство как на фактическое правительство», но «воздерживаться от каких-либо отношений с ним» [10, л. 32]. Последнее не означало отказа от «нашего воздействия на болгарские власти», которые «в случае неповиновения предоставят нам право заявить о непризнании законности мер, исходящих от незаконного правительства и лишении их всякой с нашей стороны поддержки» [Там же, л. 33]. Незаконность режима, установленного в княжестве после вторичного отречения Баттенберга, Гирс обосновывал тем, что статьи Тырновской конституции, которые предусматривали учреждение регентства, гласили, что регентами могли стать бывшие министры, председатель и члены Высшего Суда, а ни Стамболов, ни Муткуров этих должностей не занимали. В Зимнем дворце разделяли точку зрения Гирса об опасности применения военной силы в разрешении болгарской проблемы, грозящей для России быть втянутой в серьезные международные осложнения. Но при этом Александр III считал нужным действовать решительно, оказывать прямой нажим на софийские власти. На одной из телеграмм Неклюдова царь начертал резолюцию: «Нам следует им приказывать, а никак не входить в переговоры» [14, л. 10].

В результате император отказался от намерения поддерживать регентство, стремясь к его дискредитации в глазах болгар, что, по его замыслу,

должно было способствовать широкому проявлению недовольства в княжестве новым режимом, привести к падению Стамболова, образованию русофильского правительства и к избранию нового князя, желательного для Петербурга.

Для достижения поставленной цели было решено направить в Болгарию хорошо известного там генерал-майора Н.В. Каульбарса. В ноябре 1883 г. Каульбарс подписал в Софии военную конвенцию между Россией и Болгарией. В декабре 1885 г. он являлся русским представителем в международной комиссии, созданной в целях выработки условий сербо-болгарского перемирия (1 ноября 1885 г. Сербия объявила войну Болгарии). Во время переговоров Каульбарс отстаивал требование болгар, чтобы сербские войска первыми освободили занимаемую ими болгарскую территорию, что и было зафиксировано в условиях перемирия. Теперь Каульбарс должен был служить посредником при передаче болгарскому правительству (рассматриваемому как фактическое, но незаконное) царских указаний в виде советов.

Миссия Каульбарса означала прямое вмешательство самодержавия во внутренние дела Болгарии. Однако в Зимнем дворце рассматривали ее как осуществление мирной программы восстановления спокойствия в Болгарии и нормализации русско-болгарских отношений. Отметим при этом, что Гирс, испытывая сильные сомнения в целесообразности планируемой миссии и опасаясь, что она поставит вопрос о необходимости русской оккупации Болгарии, пытался уклониться от ее подготовки, а позднее от руководства ею, заранее снимая с себя ответственность за ее исход. Двухмесячное «хозяйничанье» Каульбарса в княжестве накалило обстановку до крайности и привело к результатам, прямо противоположным ожидавшимся.

25 сентября 1886 г. Каульбарс, в качестве временно управляющим генеральным консульством, прибыл в Софию и спустя два дня направил свою первую ноту болгарскому правительству с изложением царских «советов»: отложить на возможно отдаленный срок выборы в Великое Народное собрание (оно должно было избрать нового болгарского князя), которое при настоящем положении в стране не может быть признано законным и решения которого в глазах русского правительства не имели бы никакого значения; отменить военное положение; немедленно освободить из заключения всех офицеров-русофилов, участвовавших в перевороте 21 августа [7, л. 15–20].

Болгарское правительство подтвердило уже принятое ранее решение о снятии военного положения, но большинством голосов отказалось от выполнения двух других пунктов ноты. С официальным ответом на нее болгарская сторона не спешила, и члены кабинета искали поддержки

в консульствах западноевропейских держав. Тем временем, в издательстве русофила Я. Кавачева была отпечатана тысяча экземпляров циркуляра Каульбарса, содержавшего взгляд петербургского кабинета на события в княжестве после 21 августа и требования к софийскому руководству. Хотя циркуляр был адресован сотрудникам русских консульств в Болгарии, его тексты вывешивались и распространялись в общественных местах Софии. Это послужило поводом для ряда антирусских манифестаций приверженцев регентства, во время которых оскорблению и физической расправе подвергались служащие русского консульства.

Последующие объяснения Каульбарса с болгарским руководством ни к чему не привели, а 2 октября кабинет министров вручил генералу официальный ответ, сводившийся к тому, что правительство проникнуто большим желанием следовать советам императора и готово исполнять те из них, которые не противоречат болгарским законам [6, л. 7–8]. Регенты продолжили подготовку к выборам в Великое Народное собрание, которое должно было избрать князя (софийские власти рассчитывали на переизбрание Баттенберга) и решить участь арестованных офицеров-русифилов.

Убедившись в неэффективности «войны нот», Каульбарс написал Александру III о том, что видит выход из создавшегося положения в оккупации Болгарии. Он просил также разрешения совершить поездку по стране, чтобы ознакомиться с настроениями болгарского населения и «лично открыть глаза народу» [9, л. 270] на деятельность софийских властей. Царь признал необходимой поездку, но по-прежнему желал мирного урегулирования болгарского вопроса [Там же, л. 268–274].

В октябре 1886 г. в Болгарии сложилась крайне тревожная обстановка. По всей стране ширилось недовольство политикой регентства, принимавшее подчас характер вооруженных выступлений отдельных военных гарнизонов. Правительство, в свою очередь, используя преданные ему войсковые части и жандармерию, прибегало к расстрелам, тайным убийствам, массовым арестам. Состоявшиеся 10 октября выборы в Великое Народное собрание сопровождалось давлением властей, подлогами и фальсификацией избирательных бюллетеней. В результате в Собрании оказались почти все ставленники правительства. Неудивительно, что результатами поездки Каульбарса по селам и городам Северной Болгарии (с 4 по 21 октября) явилось усиление конфронтации русофилов и русофобов и объявление царского посланца о непризнании императорским кабинетом законными как всех распоряжений болгарского правительства, так и самого Великого Народного собрания.

Контакты, которые теперь, в силу необходимости, Каульбарс должен был поддерживать с болгарским правительством, приводили лишь к взаимному раздражению и новым конфликтам. В Петербурге решали от угроз перейти к устрашению. 25 октября в Варну прибыл русский крейсер «Забияка», а спустя четыре дня – крейсер «Память Меркурия». Поводом к этому послужила телеграмма вице-консула в Варне И.А. Похитонова с сообщением о преследовании русских подданных и постоянных препятствиях, чинимых местными властями телеграфной связи вице-консульства. В инструкциях Каульбарсу и Похитонову отмечалось, что посылка военных кораблей вызвана необходимостью обеспечения безопасности русских подданных и свободы вице-консульства, а также должна «образумить» регентский совет и оказать моральную поддержку его противникам. В инструкции строго указывалось не допускать участия экипажей судов в антиправительственном движении и предотвращать любую возможность их столкновения с болгарским населением [3, л. 94–96, 104]. Ультиматумами 26 и 30 октября Каульбарс потребовал немедленного освобождения всех арестованных офицеров-русофилов и в течении трех дней принятия мер для прекращения насильственных действий против русских подданных и лиц, пользующихся русским покровительством. В случае невыполнения этих требований и неполучения удовлетворительного ответа Каульбарс грозил разрывом дипломатических отношений [8, л. 163, 165].

Русская военная демонстрация в Варне произвела огромное впечатление и вызвала всеобщее возбуждение в Болгарии. Справившись с первоначальным испугом и растерянностью и прозондировав почву у иностранных дипломатов, Стамболов и министерский совет приняли решение избегать всего того, что могло бы, по их мнению, спровоцировать Россию на оккупацию. Арестованные офицеры были освобождены, а премьер-министр Радославов заверил Каульбарса, что окружным начальникам уже приказано не допускать никакого насилия над подданными России и лицами, пользующимися ее протекцией. В ответ Каульбарс заявил, что при первом же акте подобного насилия он разорвет дипломатические отношения.

Александр III никак не хотел смириться с очевидной неудачей миссии своего посланца. Последняя надежда царя исправить положение теперь возлагалась на падение режима Стамболова в результате оппозиционного движения болгарских офицеров. Каульбарс получил разрешение выделять из сумм оккупационного фонда средства для подготовки заговоров против регентства. При этом Каульбарс рассылал во все вице-консульства инструкции с требованием всячески поощрять антиправительственные выступления [17, л. 92, 102, 107; 18, л. 4–5, 7].

Эти выступления, в которые оказались вовлечены широкие круги гражданского населения, были плохо подготовлены и жестоко подавлены властями. Набор средств в арсенале политики Александра III был исчерпан.

Поводом к разрыву отношений послужило избиение и арест переводчика русского консульства 10 ноября в Пловдиве. Каульбарс направил ультиматум Радославу с требованием в трехдневный срок получить удовлетворение по поводу случившегося инцидента, в т.ч. увольнения командира пловдивской бригады и военного коменданта города. Ни Радослав, ни Стамболов не желали подчиниться этим требованиям, и официального ответа Каульбарс так и не получил. 18 ноября он направил болгарскому правительству декларацию, где говорилось о том, что поскольку болгарские власти не выполнили ни один из советов Александра III при имевших место неоднократных покушениях против русских подданных и лиц, имеющих право на покровительство России, «императорское правительство находит невозможным поддерживать сношения с болгарским правительством в его нынешнем составе» [цит. по: 13, с. 473]. Спустя два дня Каульбарс выехал из Софии. Вместе с ним страну покинул весь русский дипломатический корпус. Межправительственные отношения между Россией и Болгарией на долгие годы были прерваны.

Главная ответственность за случившееся, несомненно, должна быть возложена на царское правительство с его беспрецедентными действиями осенью 1886 г. Болгарской стороне ставить в вину нежелание искать компромисс с Каульбарсом, пожалуй, нельзя, но надо признать, что делалось это неискренне и, в общем, без желания избежать разрыва. При этом режим Стамболова встал на путь кровавого террора в отношении тех, кто являлся активным сторонником дружбы с Россией, в результате чего погибло большое число ни в чем неповинных людей.

В июле 1887 г. Великое Народное собрание избрало болгарским князем немецкого принца Фердинанда Кобурга, который сформировал новое правительство во главе с тем же Стамболовым. Династический кризис разрешился. Политика России в Болгарии потерпела провал.

Библиографический список

1. Авантюры русского царизма в Болгарии: Сб. документов / Под ред. П. Павловича. М., 1935.
2. Инструкция А.Г. Влангали А.И. Нелидову 21 августа 1886 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151 (Политический архив). Оп. 482. Д. 2171.

3. Инструкция А.Г. Влангали И.А. Похитонову 22 октября 1886 г. // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 430 (Болгария). Оп. 1. Д. 179.
4. Инструкция А.Г. Влангали П.М. Богданову 21 августа 1886 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 133 (Канцелярия министра иностранных дел), 1886 г. Д. 107.
5. Инструкция А.Г. Влангали П.М. Богданову 24 августа 1886 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2178.
6. Нота В. Радославова Н.В. Каульбарсу от 2 октября 1886 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 161 (Санкт-Петербургский Главный архив), V-A2, 1886 г. Д. 515.
7. Нота Н.В. Каульбарса В. Радославова 27 сентября 1886 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2173.
8. Ноты Н.В. Каульбарса В. Радославова 26 и 30 октября 1886 г. // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 430. Оп. 1. Д. 179.
9. Письмо Н.В. Каульбарса Александру III 2 октября 1886 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 133, 1886 г. Д. 92а.
10. Письмо Н.К. Гирса А.И. Нелидову 18 сентября 1886 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2171.
11. Половцов А.А. Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. М., 1966. Т. 1.
12. Радев С. Строителите на съвременна България. София, 1973. Т. 2.
13. Татищев С.С. Из прошлого русской дипломатии. СПб., 1890.
14. Телеграмма А.В. Неклюдова Н.К. Гирсу от 21 сентября 1886 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2172.
15. Телеграмма митрополита Климента в российский МИД от 22 августа 1886 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 133, 1886 г. Д. 107.
16. Телеграмма П.М. Богданова Н.К. Гирсу от 12 августа 1886 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 133, 1886 г. Д. 92.
17. Телеграммы Н.В. Каульбарса И.А. Похитонову от 24, 26 и 29 октября 1886 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 133, 1886 г. Д. 109.
18. Телеграмма Н.В. Каульбарса М.А. Игельstromу от 28 и 29 октября 1886 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 133, 1886 г. Д. 21.
19. Correspondance diplomatique du Baron de Staal. Paris, 1929. Vol. 1.

Р.А. Абдуразаков

Фундаментальный дуализм и континентальная геополитика в научном наследии М.Ф. фон Таубе

Статья призвана обратить внимание на научное наследие отечественного публициста и ученого Михаила Фердинандовича фон Таубе (1855–1924) с точки зрения его вклада в развитие отечественной геополитической мысли. Автор провел сравнительный анализ появившихся в начале XX в. работы фон Таубе «Образование великодержавных единиц» (1906) и доклада известного английского мыслителя и государственного деятеля Х. Дж. Маккиндера «Географическая ось истории» (1904). Сделан вывод о том, что русский ученый не только одновременно со своим британским коллегой пришел к выводу о существовании фундаментального геополитического дуализма континентальных и океанических держав, но и попытался обосновать еще задолго до немецкого ученого К. Хаусхофера и впервые в отечественной науке принципы континентальной геополитики.

Ключевые слова: основной закон геополитики, геополитический дуализм, континентальный блок, теллурократия, талассократия, М.Ф. фон Таубе, Х. Дж. Маккиндер.

Основным законом геополитики традиционно считается закон фундаментального дуализма «Суши» и «Моря», выражающийся в противопоставлении сухопутного могущества (теллурократии) и морского могущества (талассократии), т.е. двух принципиально различных типов цивилизаций и государств – континентальных (внутриконтинентальных)

и океанических (приморских). Основоположники западной геополитики конца XIX – первой половины XX вв. (А. Мэхэн, Х. Маккиндер, К. Хаусхофер, К. Шмитт и др.) считали данный исторический антагонизм глобальным и неустранимым. Если А. Мэхэн и Х. Маккиндер рассматривали данный дуализм скорее с геостратегической точки зрения, то К. Хаусхофер и К. Шмитт наполняли его больше идеологическим содержанием. По мнению А.Г. Дугина, противостояние «Суши» и «Моря» носит сакральный характер и по своей значимости сопоставимо с законом всемирного тяготения в физике [2, с. 52]. Н.М. Михеева отмечает, что методология геополитических исследований заключается в применении принципов дуализма к более локальным категориям, при этом планетарная модель должна оставаться основополагающей при анализе ситуации любого масштаба [4, с. 53].

В отечественной науке встречается не совсем верное, на наш взгляд, убеждение, что проблема противостояния «цивилизации Моря» и «цивилизации Суши» начала прорабатываться в работах только русских ученых (В.П. Семёнов-Тян-Шанский, Л.И. Мечников, Н.Я. Данилевский) и затем нашла свое развитие в трудах евразийцев в 1920–1930-е гг. [1, с. 19]. Дело в том, что и Семёнов-Тян-Шанский, и Мечников, будучи сторонниками географического детерминизма, действительно раскрывали особенности России как континентальной державы, но конкретно проблема противостояния «Суши» и «Моря» у них не была затронута. Данилевский, рассматривая противоположность цивилизационных основ России и Европы, рассуждал в рамках цивилизационной теории, а не классической геополитики, и проблема бинарности цивилизаций по линии «континент – океан» им также не разрабатывалась. Другое дело, что все они, как патриоты России, видели в свободном выходе территории к морям и в обладании достаточными морскими побережьями необходимые условия преодоления невыгодных сторон континентальности и залог равноправного участия России в экономическом, политическом и общекультурном взаимодействии с внешним миром. На наш взгляд, в отечественной литературе до сих пор остается обойденным вниманием вопрос изучения геополитического дуализма русскими учеными, хотя еще в начале XX в. феномен континентально-океанической дихотомии стал предметом изучения барона Михаила Фердинандовича фон Таубе (1855–1924).

Долгие десятилетия исследователи проходили мимо фигуры Таубе, отечественного мыслителя и ученого, публициста и общественного деятеля. Упоминания о нем мы не находим ни в одном учебнике или крупной монографии по истории геополитической мысли в России. И лишь в последнее время отмечено появление интереса к его творческому

наследию [5]. Таубе был современником британского ученого Х. Маккиндера (1861–1947), который в 1904 г. в работе «Географическая ось истории» противостояние Континента и Океана назвал двигателем мировой истории и вывел грандиозное по значимости заключение – о двойственности цивилизаций, о неминуемом противостоянии теллурократии и талассократии не только в стратегическом и конкретном ключе, но и с точки зрения принципиального различия и непримиримого противоречия в глубинных ценностных и культурных ориентирах [3, с. 7–32].

Через два года после появления «Географической оси истории» Таубе издает весьма интересный с точки зрения рассматриваемой проблемы труд – «Образование великодержавных единиц», который был переиздан затем в 1910 г. К проблеме геополитической дихотомии Таубе подходит через критическое переосмысление концепции культурно-исторических типов Данилевского, предположив, что таковых всего два. «Так, если бы допустить совместное существование исторических типов различной или одинаковой сложности... то для полноты потребовалось бы допустить образование нового полного европо-славяно-азиатского типа совместно с англо-саксоно-американским» [7, с. 12]. Причем Таубе подчеркивает, что это отнюдь не культурно-исторические типы, как у Данилевского. «Данилевский подобных равнозначущих существований типов по-видимому не допускал, тогда как этот новый взгляд мог бы, кажется, разрешить немало недоумений, возбужденных теорией Данилевского...» [Там же]. Нетрудно догадаться, что перед нами попытка выделить две основных категории основного закона геополитики – теллурократии и талассократии.

Далее Таубе говорит о геополитическом дуализме более конкретно. «...Уже в те древнейшие времена обнаружилось одно важное обстоятельство: главенствующие державы были двух разрядов – чисто материкового свойства, каковы державы Передней Азии, и береговые, каковы Финикия, Эллада, Рим. Какому из этих суждено взять верх – покажет дальнейшее бытописание земли» [7, с. 28–29]. Таким образом, противостояние Суши и Моря у него также носит, по-видимому, «неснимаемый» характер. Таубе не использует термины «морское могущество» и «сухопутное могущество», применяя другую интересную формулировку – «первый и второй законы постепенного проникновения и сплочения земель в увеличивающихся размерах» [Там же, с. 29]. Ученый признает изначальное транспортное и торговое преимущество прибрежных народов, тонко подмечая отличительные черты талассократических обществ: «Торговля, обогащение, искусства, изобретения составляли отличительные черты всех тогдашних (древних. – *P.A.*) морских дер-

жав, а предприимчивость и смелость их обитателей достигала высших пределов. Тот же дух предприимчивости и ретивости замечается и в настоящие дни во всех приморских государствах, например, в Англии» [7, с. 29]. «Недолговечность судьбы торговых держав» объясняется, во-первых, быстрым обогащением, влекущим падение и исчезновение; во-вторых, столкновением с континентальными обществами и попытками проникнуть вглубь Суши. «...Колония эта (Карфаген – *P.A.*), дерзнувшая обойти вокруг Средиземного моря и напасть на Рим со стороны суши, погибает, как и погибла Греция, пытавшаяся проникнуть вглубь Азиатского материка для завоевания Индии... во времена Александра Македонского, однако на такое предприятие территориальных сил Греции не хватило...» [Там же]. Аналогии с прочитанным отрывком напрашиваются сами собой, если вспомнить «Географическую ось истории», где приводятся исторические примеры непобедимости Хартленда – морские корабли не могут вторгнуться в эту зону, и попытки окраинных (прибрежных) стран покорить континентальное пространство всегда заканчивались неудачами. В-третьих, падение морских государств объясняется «тяготами морского господства» [Там же].

Центр мировой талассократии у Таубе носит кочующий характер. «Рим, достигнув богатства, славы и морского могущества, быстро падает, повторяя участь Финикии и Карфагена. Очередь первенствовать наступает Пиренейскому полуострову, на долю которого выпало развить морскую средиземную торговлю в океанскую... Но и Испания переуступает свое водяное могущество Голландии – стране, преимущественно – береговой, морской. С Голландией повторяется то же самое. Настоящий, крупный по размеру, остров, Великобритания с океанской торговлей, с колониальной политикой и всесветными аппетитами становится надолго властительницей судеб морских и океанских пространств» [7, с. 30]. Следующая великая морская держава, по мнению ученого, – Америка. «Таков ход роста держав, если взять морскую торговлю» [Там же].

Таким образом, отечественный ученый идет дальше Маккиндера, предвидя переход центра мировой талассократии от Англии к США. «Кочующий характер» центра или олицетворения «морского цивилизационного типа», отмеченный Таубе, – это еще недостаточно проработанная проблема в геополитике, такая же, как и проблема «континентального прошлого» некоторых типичных талассократий. Хочется надеяться, что эти весьма интересные с методологической точки зрения вопросы классической геополитики еще станут предметом серьезного внимания в отечественной науке.

Второй «закон постепенного проникновения и сплочения земель в увеличивающихся размерах» – это, несомненно, «власть Суши» или теллуократия. «Более крупные земельные единицы развивают полноту силы позднее (морских. – *Р.А.*), но, развив таковую, присоединяют к себе земельные единицы меньшего объема. Просветительское богатство первенствует под влиянием большого числа внешних воздействий, [здесь] ... природный источник творческих сил богаче» [7, с. 31]. Вопрос о преимуществе первого или второго «закона постепенного проникновения и сплочения земель» ставится русским ученым так: «морское или материковое преобладание сильнее и значительнее?» [Там же]. Популярный в геополитике спор о том, что сильнее: теллуократия или талассократия, – также решается в духе Маккиндера, который считал, что континентальное государство стало обладать большим преимуществом по сравнению с морским. Вот как отвечает на этот вопрос Таубе: «На вопрос, где сила, на воде или на материке, легко нам верится, что сила на суше, и суша, то есть мощь земли, единственная непобедимая крепость» [7, с. 33].

Подобно британскому ученому, Таубе считал, что баланс сил в современную ему эпоху, благодаря развитию коммуникаций и транспортных технологий, смещается в пользу континентальных государств. «До тех пор, пока моря и океаны были малодоступными для сердцевин материков, какова была Русь, они давали весьма сильное преимущество островным странам с большим флотом, так как обеспечивали (безопасность. – *Р.А.*) от нападений извне и вместе служили источником обогащения. Усовершенствование сухопутных сообщений сделало громадный шаг вперед, [поэтому] земля и горы стали удобопроходимы, причем путь этот выиграл в безопасности и скорости передвижения... Теперь же моря и океаны представляют собой естественные преграды и сами поглощают богатства страны, требуя дорогого военного флота для своей защиты... Другими словами, страны богатоземельные получают все более и более преобладающее значение» [Там же, с. 32].

Есть между Маккиндером и Таубе очень серьезное принципиальное отличие. Маккиндер считал давление «разбойников суши» на прибрежные цивилизации одной из главных детерминант быстрого развития талассократических обществ. Русский ученый, наоборот, видит причину подъема и преобладания континентальных социумов в воздействии на них со стороны приморских стран. «Можно вывести заключение, что передовая образованность, развиваясь в приморских странах, проникает вглубь материкового большого пространства, сплачивая народные массы, образует державы всё более обширные, переходя все ступени развития от береговых и полуостровных к... материковым» [Там же].

Как известно, Маккиндер считал, что главной задачей англосаксонской геополитики является недопущение образования стратегического континентального союза вокруг «географической оси истории». Следовательно, стратегия сил океанической цивилизации состоит, по его мнению, в том, чтобы оторвать максимальное количество береговых пространств от Хартленда и поставить их под влияние «островной цивилизации». Смещение равновесия сил в сторону континентального государства, сопровождающееся его экспансией на периферийные пространства Евразии, позволит использовать огромные континентальные ресурсы для создания мощного морского флота. Так недалеко и до мировой империи. Таубе предлагал фактически контрстратегию – стратегию Хартленда. «Материки внутри себя объединяются, и окажется, в конце концов, столько держав, сколько материков, причем самый большой из них и будет самым сильным. По ходу взаимных отношений держав можно заключить, что нейтрализация проливов и перешейков возможна в недалеком будущем, затем наступит нейтрализация целых морей, что приведет, в конце концов, к нейтрализации целых океанов» [7, с. 33].

Маккиндер видел олицетворением континентальной мощи Россию, а морской – Британию и опасался сплочения Евразии через союз России и Германии, призывая талассократов всячески противодействовать ему. Русский же ученый вопрос о доминировании того или иного государства в рамках теллуократии и талассократии оставляет как будто открытым. «Теперь возникает другой вопрос: кому суждено объединить Европо-Азиатский материк: сильному ли цивилизацией и культурой богатому средствами западному романо-германскому миру, или богатому народонаселением и обширными пространствами варварскому южному азиатскому миру, или же северному, христианскому по преимуществу, греко-славянскому миру Восточного просвещения. Вопрос этот остается открытым. Но сильная борьба за преобладание существует уже теперь – это, несомненно. Неоспоримо также и то, что береговые, полуостровные и островные державы сошли или сходят с исторического поприща. Типичным представителем острова как миродержавы является Великобритания. Она распространилась по всему земному шару и была единственной хозяйкой океанской глади. Но времена меняются, ее малые размеры плохо ее питают, а колонии все быстрее продвигаются к самостоятельности. Из Малой Великобритании создается Великая Америка...» [Там же, с. 34]. То есть, не в пример британскому ученому, русский исследователь не увидел перспектив у Великобритании в качестве сверхдержавы, справедливо полагая, что центром мировой талассократии станет Америка.

В этом анализируемом нами источнике, важном с точки зрения изучения отечественной геополитической мысли, мы находим намек и на доминанту в процессе интеграции континентальных пространств, и на возможного в будущем глобального лидера. «Германии составить отдельную мировую единицу, невзирая на ее притязания на мировладычество, очевидно не удастся – слишком она мелка. Немецкий язык никогда не станет всемирным, – эта роль принадлежала испанскому языку, принадлежит языку английскому и будет принадлежать языку русскому» [7, с. 34]. Независимо от английского ученого, Таубе приходит к выводу о фундаментальном характере превосходства континентальных государств и России, в частности. Евразия представляется ученому как наиболее благоприятный географический плацдарм для контроля над всем миром. «Всесильная мощь материкового начала, о которую разбивались скоропроходящие силы полуостровных и морских торговых держав, основывается на той истине, что величина и округленность земельного обладания остается самым важным жизненным условием политического могущества, и эта округленность землевладения... – важнейший залог крепости и цельности миродержавы... Германия... – средиземельная, но не средиматериковая страна ...осуществить задачу образования миродержавства предназначено всей северо-восточной Евразии, т.е. всеславянству, во главе которого – собирательная и соборная Русь с Москвою в сердцеvine» [Там же, с. 36].

Таубе в некоторой мере предвосхитил П.Н. Савицкого и Н.С. Трубецкого в формировании представлений о евразийской интернациональной природе России, ее мессианском предназначении в объединении Евразии. «Медленно образуется вновь нарождающийся славяно-руско-монгольский тип или цельная и полная историко-просветительная миродержава трехосновного свойства. Медленно возвышается святая “Всерусь” со своим духовным могуществом широкого обхвата и высокого настроения» [Там же]. При этом видим воплощение трех начал в ее истории и трех направлений ее геополитических устремлений. «Москва вместила в свои концы и немецкую слободу, и Китай-город, и замоскворецкую сторону. Эти концы как бы прообразы развития трех направлений великорусской силы... Кремль же со своими соборами есть прообраз внутренней вершающей связи, то есть силы собора запада, востока и юга. Образовательная сила московского сосредоточия и ее рост не прекращаются» [7, с. 37]. Причем прочный выход к трем океанам – Атлантическому, Индийскому и Тихому – мыслится как естественное и необходимое условие безопасного существования российской континентальной «миродержавы» [Там же].

Итак, Таубе предстает перед нами как русский интерпретатор фундаментального геополитического дуализма, нарисовавший, параллельно с Маккиндером, может быть, и не так системно, мировую геополитическую картину. В то же время его можно назвать и русским «анти-Маккиндером», поскольку он попытался разработать противоположную талассократической стратегию по противодействию экспансии океанических держав. Таубе следует, очевидно, признать основателем отечественного направления в континентальной геополитике задолго до появления в 1930-х гг. идеи континентального блока Хаусхофера, поскольку он обосновал естественный характер и необходимость формирования континентального «большого пространства». Этого отечественного ученого следует рассматривать предшественником евразийцев, поскольку в его небольшой работе были высказаны идеи, которые получили концептуальное выражение в трудах П.Н. Савицкого «Континент-Океан», «Два мира» [6, с. 135–156, 157–168] и др., Н.С. Трубецкого «Европа и Евразия» [8] и др. Михаил Фердинандович фон Таубе предстает перед нами как чуткий прогностик, предложивший в начале XX в. интереснейшие сценарии геополитического будущего мира.

Библиографический список

1. Безруков Л.А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии: Дис. ... д-ра геогр. наук. Иркутск, 2006.
2. Дугин А.Г. Основы геополитики. М., 2000.
3. Маккиндер Х.Дж. Географическая ось истории // Классика геополитики, XX век / Сост. К. Королёв. М., 2003.
4. Михеева Н.М. Геополитические аспекты проблемы Кипра: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2000.
5. Рябцев В.Н. М.Ф. фон Таубе и его геополитические прозрения // Научная мысль Кавказа. 2014. № 1. С. 140–147.
6. Савицкий П.Н. Избранное / Сост. Е.Л. Петренко. М., 2010.
7. Таубе М.Ф. Образование великодержавных единиц. СПб., 1910.
8. Трубецкой Н.С. Европа и Евразия. М., 2014.

М.Ю. Завгородняя

Пол Лазарсфельд: Новый взгляд на изучение электоральной коммуникации

Статья посвящена изучению процесса формирования концепции электоральной коммуникации выдающегося американского социолога Пола Лазарсфельда. Статья показывает основные направления и этапы его творчества, автор формулирует зависимость генезиса его идей и представлений от особенностей исторического периода. Своими исследованиями Лазарсфельд показал значимость электоральной коммуникации и определил причины изменения электорального поведения людей, эмпирически проиллюстрировав алгоритмы такого изменения. В статье рассматривается актуальность его исследовательской методологии для современной политической коммуникативистики и проведения избирательных кампаний.

Ключевые слова: Пол Лазарсфельд, электоральная коммуникация, масс-медиа, выборы, избирательная кампания, политическая социология, социология политики.

Сегодня вне академических кругов имя Пола Лазарсфельда не столь известно, но в период 1940–1960-х гг. он часто упоминался по радио, телевидению и в прессе. Как эксперт по СМИ иногда он выступал перед Сенатом США. Очень многие открытые, описанные и сформулированные им механизмы в полной мере становятся частью социологического и политического дискурса только сейчас – с появлением средств коммуникации формата web 2.0. Он не боялся «смешивать жанры», работать на пересечении дисциплин и методик, что отчасти и привело к столь значительным результатам. Вопрос соприкосновения теорий и методологии Лазарсфельда с современной действительностью представляется нам недостаточно изученным и обладающим потенциалом к раскрытию новых граней понимания современного коммуникативного пространства.

Прибыв в 1935 г. в США по иммиграционной визе без денег, много и усердно работая, через 25 лет Лазарсфельд становится президентом Американской социологической ассоциации, в 1975 г. избирается в Национальную академию наук. Еще одна – социологическая – версия «американской мечты» [1, с. 95].

Лазарсфельд родился в 1901 г. в Вене. Начало XX в. было непростым временем для Австрии. Страна переживала тяжелый внутренний кризис. Острые социальные противоречия, обнищание населения, и как

итог – развивающееся социалистическое движение. Межнациональные конфликты сочетались с бурным развитием культуры и науки. Еще обучаясь в средней школе, Лазарсфельд был активным членом молодежного социал-демократического движения. Социалистическая идеология была неотъемлемой частью семейного, социального, интеллектуального и политического окружения Лазарсфельда.

Как-то он сказал: «Я стал социалистом так же, как и был венцем: по рождению и без размышлений» [цит. по: 9, р. 254]. И хотя П. Лазарсфельд часто подчеркивал важность своего раннего «погружения» в социалистическое движение, в США, куда он переехал в 1933 г., его политическая активность сошла на нет. Он имел обыкновение говорить, что он все еще был социалистом «в своем сердце» [цит. по: 9, р. 255]. Его американские студенты и коллеги находили, что он был, по существу, аполитичен. Начав исследовать электоральное поведение, он говорил, что политика и наука должны держаться отдельно [9, р. 255].

П. Лазарсфельд получил образование в Венском университете и в 1925 г. защитил здесь докторскую диссертацию по прикладной математике: «Применение теории тяготения Эйнштейна к движению планеты Меркурий». Область научного исследования была выбрана почти случайно, поскольку, кроме математики, он обучался также науке о государстве (теория государства и права), юриспруденции с сильной примесью экономики и политологии. Подобный творческий путь был традиционен для австрийской науки [3, с. 139].

П. Лазарсфельд был активным участником «Венского кружка», куда входили Р. Карнап, М. Шлик, Г. Рейхенбах, А. Тарский, О. Нейрат, К. Гедель, Г. Фейгл, К. Густав и др. Деятельность кружка оказала на него колоссальное влияние. В кружке был заложен основной теоретический аппарат и эмпирический базис П. Лазарсфельда как исследователя. Он приобрел стремление к верификации своих теоретических построений и увлекся познанием «человеческой души» – психологией, стремясь познать мотивы человеческого поведения.

В конце 1920-х гг. Лазарсфельд меняет сферу своих научных интересов и начинает заниматься социологическими исследованиями. Он даже преподавал прикладную социологию в Венском университете. Историки социологии причисляют Лазарсфельда к представителям франкфуртской школы [2, с. 52–67]. Он создает научно-исследовательский институт при Венском психологическом институте – *Wirtschaftspsychologische Forschungsstelle* [9, р. 256]. Институт занимался изучением социально-экономических проблем.

Самым известным проектом, реализованным данным научно-исследовательским учреждением, стал «Маринталь». Этот проект

П. Лазарсфельд реализовал по совету друга семьи, лидера социал-демократической партии Отто Бауэра. Местом проведения стал г. Мариенталь в 24-х км к юго-востоку от Вены, где почти все трудоспособное население было безработным вследствие тяжелой экономической депрессии после Первой мировой войны. Основными методами стали включенное наблюдение, анализ биографий и различные неискаженные измерения последствий безработицы. Например, исследователи замеряли скорость, с которой ходят люди. Вывод: мужчины ходят медленней, чем женщины, поскольку у них больше свободного времени, которое надо «убить». Исследователи, в частности, заметили, что с повышением уровня безработицы снижается распространение газеты социалистической партии, но возрастает тираж газеты, посвященной спорту и развлечениям. Это интерпретировалось как степень ухода от участия в политических делах. В библиотеках почти наполовину упало количество читаемых книг, несмотря на отмену платы за их пользование. Этот индикатор интерпретировался как показатель растущей апатии [5, р. 72]. В 1933 г. Лазарсфельд, его первая жена М. Ягода и Г. Цейзель выпустили книгу «Мариенталь», содержащую основные выводы по этому проекту и ставшую классической работой в истории социологии благодаря интегративному использованию количественных и качественных наблюдений.

В 1933 г. сотрудники института, как и большинство ученых Австрии, значительную часть которых составляли евреи, вынуждены были эмигрировать: сначала перебрались в Женеву и Париж, затем – в США [4, с. 748]. Сам Лазарсфельд уехал в США, получив грант фонда Рокфеллера за блестящие результаты «Мариентальского» исследования. Работа Лазарсфельда по изучению радио стала одним из первых социологических исследований фонда.

В ходе работы по гранту Рокфеллера Лазарсфельд получил значительные результаты, раскрывающие роль в различных сферах общества таких средств массовой информации, как радио и пресса. Хотя главная задача (исследование образовательных возможностей радио и способов их развития) не была решена, все же Лазарсфельд сформулировал конкретные меры по увеличению образовательного аспекта СМИ как со стороны самих средств массовой информации, так и со стороны различных групп общественности. Используя различные методики, в т.ч. и крупномасштабные количественные исследования (интервью и опрос), Лазарсфельд и его коллеги в полной мере изучили социодемографические характеристики аудитории этих средств массовой коммуникации, а также процесс передачи информации от них к обществу. Именно в ходе данного исследования был обнаружено влияние

межличностной коммуникации, а также затронут вопрос степени влияния СМИ на политический процесс, и, в частности, на избирательный процесс, несмотря на то, что выводы, сделанные в данной работе (в части электоральной коммуникации), были опровергнуты в последующих исследованиях.

В течение второго года своего пребывания в США Лазарсфельд провел два месяца в Научно-исследовательском институте торговли Д. Крэйга в университете Питтсбурга. Он организовывал исследования с такими названиями: «Как питтсбургские женщины решают, где купить платья» и «Как питтсбургские водители выбирают бензин». С помощью Р. Линда из Колумбийского университета и Д. Крэйга Лазарсфельд смог получить работу в университете Ньюарка до 1935 г. Крэйг устроил Лазарсфельда на временную должность в Научно-исследовательском институте торговли и затем оставил его в руководстве, чтобы стать директором по научно-исследовательской работе крупной ассоциации главных розничных магазинов в Вашингтоне [8, р. 75]. После того, как в Австрии была провозглашена новая конституция, возвращение ученого на родину было уже невозможно.

Летом 1935 г. Лазарсфельд должен был вернуться в Вену. Получив уведомление об окончании срока визы, Лазарсфельд использовал последние 150 долларов, чтобы купить билет третьего класса на корабль, следующий до Нью-Йорка, как классический иммигрант, совершенно без денег. Несколько недель спустя он нашел работу, которая подвигла его на основание Научно-исследовательского центра университета Ньюарк [5, р. 75]. Этот центр стал американским возрождением его венского научно-исследовательского центра.

В 1940 г. Лазарсфельд провел свое первое электоральное исследование. Вышедшая после его завершения книга «Выбор народа» представляет собой отчет об американском политическом поведении, точнее говоря, об электоральном поведении. В ходе данного исследования были рассмотрены и проанализированы реакции людей на предвыборную кампанию. Основной целью исследования было выявление процесса принятия электорального решения (как и почему люди решили голосовать, как они сделали выбор, что оказало наибольшее влияние на принятие решения). Как выразился сам Лазарсфельд, «каждые четыре года США организуют крупномасштабный эксперимент по проверке эффективности политической пропаганды и анализу общественного мнения» [цит. по: 5, р. 4].

Исследование округа Эри явилось первым исследованием процесса принятия электорального решения и факторов, влияющих на этот процесс, поставив, тем самым, электоральные исследования на качественно

новый уровень. Был апробирован новый метод исследования – «панельный метод», позволяющий выявить факторы электорального поведения, процесс принятия решения, время и окружающие условия принятия данного решения. Составлены основные характеристики электората, обнаружена связь социального положения и политического предпочтения. Кроме того, впервые выявлен феномен «лидеров мнений», которые распространяют информацию от СМИ. Они перехватывают, интерпретируют и распространяют то, что они видят и слышат по личным сетям, в которые они включены. Следовательно, впервые была составлена схема коммуникативного процесса избирательной кампании.

Во время Второй мировой войны Лазарсфельд был консультантом Управления военной информации, Комитета военно-промышленного производства, Военного министерства. Он информировал эти профессиональные группы о роли американского общественного мнения в процессе формирования внешней политики. Лазарсфельд стал исследовательским директором для американской армии.

Получив интересные результаты исследования в округе Эри, Лазарсфельд в 1948 г. предпринимает новое исследование электорального поведения. Главным отличием от предыдущего исследования, основной целью которого было изучение роли СМИ в электоральном поведении, является то, что второе исследование было направлено на изучение вновь открытого феномена «лидеров мнения» и роли «неформальных коммуникаций» в электоральном поведении. По итогам проведенного исследования вышла книга под названием «Голосование: исследование формирования мнения в Президентской кампании», написанная в соавторстве с Б. Берелсоном и В. Макфи. Данная работа представляет собой новый этап в электоральных исследованиях. Оно окончательно закрепило панельный метод в качестве эффективного способа изучения электорального поведения. Было введено понятие «перекрестное давление» и подробно изучено влияние различных, в т.ч. и противоположных факторов на принятие электорального решения. Тщательным образом разобран механизм межличностной коммуникации и ее влияние на избирателя. Продемонстрирована схема «личных сетей» человека, участники которой формируют политические предпочтения друг друга. Показана роль политических бесед. А также охарактеризованы «лидеры мнений» и их воздействие на электоральное поведение. Тем самым составлено полное описание коммуникационной сферы электорального процесса. К этому следует добавить, что была проанализирована предвыборная кампания в СМИ. И, в итоге, сформулирован механизм ее воздействия и показана роль в выборном процессе.

В 1950 г. Лазарсфельд предпринял попытку расширить использование панельного метода и добавил новые сферы принятия решений. Посредством «панельного метода» с той же выборкой респондентов стало возможно наблюдать воздействие СМИ и межличностной коммуникации на процесс создания ежедневных решений. Лазарсфельд построил «влиятельные пары», как «снежный ком», идущие от лидеров общественного мнения к людям, на которых они влияли. Это было первым шагом к объединению социометрических методов в крупномасштабный опрос общественного мнения [6, р. 370]. Чуть позже к проекту присоединился ученик Лазарсфельда – Э. Кац, который предложил разделить людей по небольшим группам, согласно их ценностям, чтобы концептуализировать теорию «двухступенчатого потока» информации.

В 1955 г. он провел исследование для Фонда Рокфеллера о воздействии маккартизма на американскую академическую жизнь. Но большей частью его работы были посвящены методам социологических исследований. Основные методы были изложены в книге «Язык социологического исследования», которая оказала огромное влияние на целое поколение социологов. В 1961–1962 гг. он был избран президентом Американской социологической ассоциации. Кроме того, он был членом как Национальной Академии образования, так и Национальной Академии наук США, имел почетные степени и звания многих университетов в США и за рубежом. Лазарсфельд был первым американским социологом, удостоенным почетной степени профессора Сорбонны. В 1962 г. Лазарсфельд возглавлял кафедру им. А. Кетле в Колумбийском университете.

Проанализировав творческий путь Лазарсфельда, мы условно выделили три этапа. Первый связан с Венским университетом и, в целом, «европейской» школой общественных наук. Именно тогда произошло приобщение Лазарсфельда к социологии, политологии и психологии, сформировалась методологическая база его исследований. Огромное влияние на становление ученого оказала деятельность «Венского кружка», в который он входил. Лазарсфельд проникся принципом верификации, согласно которому истинность научных подтверждений устанавливается в ходе эмпирической проверки. Работа с известными психологами Карлом и Шарлоттой Бюлер предопределили его увлечение психологией и будущие исследования человеческого поведения. На первом этапе было значительным влияние франкфуртской школы социологии, и в последующем Лазарсфельд продолжил сотрудничество с видными представителями этой школы в США.

Активное участие в политике обусловило интерес Лазарсфельда к последующим политологическим исследованиям. Хотя, переехав

в США, он отказывается от участия в реальной политике и даже всячески дистанцируется от нее, но, тем не менее, она стала объектом многих его работ.

В США начинается второй этап его творческого пути, который был ознаменован апробацией методов и становлением особого исследовательского стиля. В этот период Лазарсфельд «зарабатывал» репутацию социолога, проводящего эмпирические исследования на «американской почве». Тогда же Лазарсфельд попадает под влияние социальной психологии и бихевиоризма. Они стали основой его исследований. Его тяготение к эмпирике здесь получает благодатную почву.

И, наконец, последний этап его деятельности связан с выдвижением научных теорий, организацией крупных научно-исследовательских институтов и публикациями, посвященными социологическим методам.

Творческий путь ученого невозможно отделить от исторических событий, происходивших в то время. Безусловно, без вынужденной эмиграции в США и приобщения к эмпирически-бихевиористскому подходу американской социологической школы столь уникальные выводы и модели исследований не были бы возможны. С другой стороны, основой развития Лазарсфельда как эмпирика стал возрастающий в 1940–50-х гг. спрос на изучение общественного мнения, как в коммерческой, так и в политической сферах.

П. Лазарсфельд с коллегами и соратниками не только обозначили новую научную область – электоральную коммуникацию, но и создали ряд работ, которые и по сей день ведут нас к актуальным и эффективным механизмам выстраивания и реализации избирательных кампаний, основанных не на популизме и лозунгах, а на точном научном знании, потребностях избирателей и точно измеренной «температуре общества». Все это время рядом с ним были люди – учителя, наставники, ученики и коллеги – настоящие ученые, каждый из которых повлиял на него по-своему. Открытым остается вопрос, в какой степени время влияет на становление выдающихся людей, а в каком – они меняют время, но пример П. Лазарсфельда доказывает, насколько окружающая среда, события и тенденции в мире влияют на ученого, а через его открытия – на общество.

Библиографический список

1. Батыгин Г.С. Ремесло Пауля Лазарсфельда: введение в научную биографию // Вестник Академии наук СССР. 1990. № 8. С. 115–131.
2. Бронзино Л.Ю. Критическая социология франкфуртской школы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2007. № 3. С. 52–67.

3. Перцев А.В. Эрнст Мах: штрихи к портрету австрийского позитивиста // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2012. № 1. С. 137–142.
4. Философский энциклопедический словарь / Гл. ред.: Л.И. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. М., 1983.
5. Garfinkel S.L. Radio Research, McCarthyism and Paul F. Lazarsfeld. Bachelor of Science Thesis. Massachusetts Institute of Technology, 1987.
6. Katz E. Paul F. Lazarsfeld. Personal Influence. NY., 1955.
7. Lazarsfeld P. The effects of radio on public opinion. NY, 1940.
8. Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H. The people's choice. How the voter makes up his mind in a presidential campaign. NY., 1948.
9. Sills D.L. Paul F. Lazarsfeld 1901–1976 // Biographical Memoirs National Academy of Sciences. Vol. 56. Washington D.C., 1987. Pp. 251–276.

Д.С. Шевский

Причины распада СССР сквозь призму теории систем

Статья описывает некоторые теоретические подходы к логике исторического развития СССР. Автор пытается адаптировать постмодернистский подход к нуждам номотетического (построенного на признании законов развития). Главным понятием работы является концепт институционализирующего дискурса, который был отождествлен с самописанием политической системы Н. Лумана. Коллапс СССР стал возможен в результате смены М.С. Горбачёвым институционализирующего дискурса, что показано сравнением его существенных характеристик в СССР до 1987 г. и после. Такие важные характеристики советского дискурса, как однопартийность, вера в необходимость революции 1917 г. и конфронтация с капиталистическими странами, были изменены, и система не могла больше функционировать в прежнем виде. Смена самоописания определила линии раскола, по которым начался конфликт элит, который, в свою очередь, ускорил делегитимацию самого режима. Таким образом, статья очерчивает внешнее поле и условия, которые дали возможность деструктивным силам привести СССР к коллапсу.

Ключевые слова: распад СССР, теория систем, самописание политической системы, институционализирующий дискурс.

Распад СССР – одна из самых волнующих тем современной отечественной науки. Почему он распался? Ждет ли современную Россию судьба СССР? Возможно ли было избежать его распада? На такие вопросы невозможно ответить, используя только исторические факты, расставив их в хронологической последовательности. Нужно очертить каузальные связи и, в первую очередь, поставить правильно вопрос, используя историческую перспективу.

Траекторию послесталинского СССР можно описать как перманентный поиск увеличения эффективности системы. Возможно, первая веха – это провалившаяся попытка реформ Н.С. Хрущёва в начале 1960-х гг., когда было произведено разделение обкомов и была предложена ротация кадров, второй период – это реформы А.Н. Косыгина, когда была реализована попытка ослабления политического контроля над экономикой, которая также не увенчалась успехом, возможно, по внешнеэкономическим причинам [25]. Третьим вариантом решения стало то, что Г. Дерлугьян назвал «консервативной стабилизацией» при Л.И. Брежнев, – сохранение статус-кво при постепенном увеличении неопатримониальных отношений [11]. Следующими попытками стали административные реформы, которые можно датировать 1984–1987 гг., это курс Ю.В. Андропова – М.С. Горбачёва [34], результаты которых еще не осмыслены в достаточной степени в существующей литературе. Последней попыткой увеличения эффективности управления (и, отчасти, самого управленческого аппарата через создание института Съезда народных депутатов) стала «Перестройка», приведшая к распаду СССР. Возникает главный вопрос – почему предыдущие попытки реформирования или отказ от реформирования (при Брежнев) не привели к крушению самой системы, а перестройка привела?

Для ответа на этот вопрос рассмотрим распад СССР в обратной перспективе. Когда были подписаны Беловежские соглашения в 1991 г., существовавшая союзная власть была полностью делегитимизирована. Делегитимацию вызывает множество факторов, главным из которых является относительная депривация – «обманутые ожидания» [38]. Но процесс, наблюдавшийся в Советском Союзе, имел свои особенности. В первую очередь, стоит отметить, что СССР был режимом однопартийным (а такие режимы, как известно, одни из самых стабильных среди недемократических [39, р. 133, table 1]). Более того, можно говорить о том, что режимы, созданные одновременно с приходом к власти одной партии, оказываются наиболее продолжительными, однако стабильность таких государств очень уязвима при внутрипартийном соперничестве [29, с. 13]. Это очень логично: легитимность власти в однопартийных режимах строится на единстве идей и целей,

а раскол в авторитарных режимах делегитимизирует существующую власть. Здесь же можно отметить еще одну особенность СССР – его многонациональность. И, помимо раскола по идеологическим соображениям (о чем будет сказано ниже), раскол союзных элит прошел также и по линии национальностей, ведь «многонациональные государства, созданные недемократическим путем, как правило, не в состоянии пережить собственную демократизацию» [17, с. 276]. Соответственно, в СССР нарастанию делегитимации способствовал, помимо относительной депривации, и раскол элит.

Современная гуманитарная наука имеет мощный бэкграунд для анализа и понимания распада государств. Вершиной теоретического осмысления, на наш взгляд, является макросоциология. «Историческая макросоциология – междисциплинарная область исследований, в которой посредством объективных методов социальных наук изучаются механизмы и закономерности крупных и долговременных исторических процессов и явлений, таких как происхождение, динамика, трансформации, взаимодействие, гибель обществ, государств, мировых систем и цивилизаций» [23].

Но для начала рассмотрим «традиционные» подходы к анализу причин распада СССР.

Всю ныне существующую историографию можно разделить на «идеографическую» и «нотетическую». Первая – «описательная», наиболее традиционная для исторической науки. События исследуются в их причинной и/или хронологической последовательности, сравнительный материал используется минимально или вовсе не используется. В данном подходе превалирует отказ от попыток делать универсальные теоретические выводы, чаще даже сама их возможность категорически отрицается. Второй подход, соответственно, стоит в некоторой оппозиции к первому, он стремится найти законы исторического развития, привлекая широкий сравнительный материал, не скатываясь при этом в механицизм. Основная цель такого подхода – выявить не «особенное» в историческом событии, а общее.

Монографий и тематических сборников опубликовано множество, и поэтому можно составить более-менее целостное представление о причинах крушения СССР¹. Но давая оценку этим работам, стоит отметить, что дискуссии остаются теми же, что возникли сразу после распада Советского Союза. Например, американский советолог А. Даллин еще в 1992 г. составил перечень причин, которые, на его взгляд,

¹ Более полный разбор отечественной историографии, посвященной данному вопросу, см. в статье А. Вдовина [7].

привели СССР к краху. Он выделяет следующие: потерю контроля над управлением, распространение коррупции, эрозию идеологии, изменение ценностей в результате социальных изменений, усиление внешнего влияния, последствия экономических ограничений [37, р. 282]. Эти темы обсуждаются и в последующей историографии распада СССР [см., например: 2; 3; 9; 27 и др.]. Но, считает автор, всего этого было недостаточно, пока к власти не пришел Горбачёв и не отменил политическую монополию КПСС [37, р. 297]. Данная трактовка также активно разрабатывается в историографии [30 и др.]. А. Даллин, пожалуй, четко не сформулировал только еще один фактор, который станет очень популярен у ученых, – национализм в СССР [19; 31 и др.]

Такие работы имеют значимость большей частью только в исторической науке, они не стремятся к формализации и теоретизации, становясь малоприменимыми в иных социогуманитарных науках. Есть и другой лагерь ученых, строящих понимание исторического процесса, и СССР, в частности, на более широкой сравнительной базе. Подходы, которые применимы к пониманию феномена СССР, можно условно разделить на следующие.

1. Попытки вписать социально-политический строй СССР в историю схожих политических организаций в предшествующий период [1; 4; 8; 26; 32 и др.]. Данный подход предлагает считать СССР схожим по своей структуре с государствами Древнего Востока или с американскими доколумбовыми цивилизациями (в различных вариациях, будь то азиатский, государственный или политарный способ производства, или же социалистический).

2. Классификации СССР по типу политического режима [35; 39–41; 44 и др.]. В первую очередь, это идея о том, что режим в СССР является однопартийным, с вытекающими отсюда ранее упомянутыми закономерностями его развития.

3. Классификация по типу политического устройства [42; 46 и др.]. Здесь авторы предлагают считать СССР империей и рассматривать логику его развития в рамках общей эволюции имперского устройства.

4. Подходы, интегрирующие социальное, экономическое и политическое измерения, свойственные макросоциологии² [13; 18; 20; 43; 45 и др.]. Авторы данного подхода сосредотачивают свое внимание либо на экономике в различных ее аспектах, например, на фискальном кризисе, снижении отдачи ресурсов; либо на политике, геополитике как главнейшем двигателе исторической динамики, или же во главу угла ставится возможность классовых коалиций, определяющая различные

² Более подробный обзор достижений макросоциологии см., например, [14; 15; 23].

исходы. Все это, безусловно, важно, но, на наш взгляд, не в должной мере комплексно.

Вернемся к главному вопросу: что Горбачёв нарушил в системе, тем самым приведя ее к краху? Экономический строй? Но ученые так и не смогли определиться, когда начался кризис, почему и т.д. Политические реформы? Но они были характерны и для предыдущих этапов, однако были успешно и без значительных последствий свернуты. А про социальные отношения можно сказать словами П. Андерсона: «Классовая борьба, в конце концов, разрешается на политическом – а не экономическом или культурном – уровне обществ» [цит. по: 11, с. 488]. Круг замкнулся. Всё играло свою роль в распаде СССР, но главным остается вопрос – почему система не смогла с этим справиться?

Макросоциология, делая упор на эмпирические факты, упускает, на наш взгляд, еще одно важное измерение социальной реальности – дискурс. Данное понятие используется здесь в значении словесного описания существующего социального порядка. Дискурс уже рассматривался в макросоциологии, но через интеракции, коммуникативные сети: будь то габитусы П. Бурдьё, фреймы И. Гофмана или же роли Т. Парсонса. Эти подходы органично вплетаются в макросоциологические исследования [11; 24], позволяя найти связующее звено между отдельными личностями и социальными структурами. Но после работ поздних структуралистов [28] и постмодернистов [5] стало очевидно, что дискурс сам по себе является отдельной проблемой и он достоин изучения не только через опосредованные элементы социальных структур, т.к. сам способен создавать новую социальную действительность.

Здесь важно сделать примечание. Традиционно структуры считают некими константами, а дискурс изменчивым. Есть два пути решения проблемы: например, вслед за Ж. Бодрийяром радостно объявить структуры явлением прошлого [Там же, с. 46] либо же найти взаимосвязь структур и дискурса. Оставим экстатический нигилизм в стороне и обратимся к конструктивным теориям. Такой подход представлен в работах немецкого социолога Н. Лумана. Суть его заключается в том, что одним из главнейших составляющих в воспроизводстве системы является самописание, которое реализуется через коммуникацию, которая, в свою очередь, конституирует систему и обеспечивает ее воспроизводство через новую коммуникацию [16, с. 80, 270–271]. Система строится посредством различения между собой и окружающим миром, именно поэтому самописание есть необходимое условие существования системы [Там же, с. 78]. В нашем понимании самописание (политической системы) тождественно дискурсу (политической системы) и, учитывая множественность систем в рамках более общей системы

(мир как система – Организация Варшавского Договора – СССР – РСФСР и т.д.), вполне корректно говорить о множественности разновысоких дискурсов³. Так, оказывается, что структуры, понимаемые как потенции, создаются дискурсом, а потом сами же его и воспроизводят.

Как это конкретно работает при анализе распада СССР? Прежде всего, стоит рассмотреть всю траекторию СССР. Весь политический дискурс (самоописание) в Советском Союзе строился на «Событии-Истине 1917 года» [12, с. 118]. Все последующее развитие СССР представляло собой, по крайней мере на уровне идеологии, верность данному событию (выражаясь языком философа А. Бадью). Сама идеология революции определила структуру системы СССР. Она строилась на догме, а именно – на харизме разума [36, р. 279], которая была деперсонализирована⁴. Данный термин М. Вебер использовал для описания Французской революции 1789 г., дав характеристику «харизматического господства» не отдельной личности, а абстрактной идее «культулы Разума» (в данном случае – коммунизму).

Как и любая харизма, харизма разума подверглась рутинизации⁵, представив собой в СССР незавершенную рационализацию управления [Там же, р. 284]. Вебер подчеркивал, что для успешной рационализации необходима система самонаблюдения: «Политика может и должна обеспечить противовес доминированию бюрократии» [цит. по: 36, р. 285]. Луман также подчеркивал, что политика – это наблюдение наблюдателя [16, с. 166], т.е. система для эффективного действия должна иметь точные представления о настроениях масс посредством опросов, выборов и т.д. В СССР такая «система наблюдения» была редуцирована, например, из-за малой значительности выборов политических лидеров, неразвитой системы представительских органов и т.д.

Вышеуказанное состояние дел было вызвано существовавшим институционализирующим дискурсом (т.е. самоописанием и обоснованием существующих институтов) – данная система самонаблюдения не вписывалась в контекст мессианской идеологии СССР. Такая идеология допускала вероятность, что некоторые могут заблуждаться и сопротивляться «исторической необходимости», а потому партия имела больше

³ Возможная разница между дискурсом и самоописанием, помимо того, что первый термин – философский, а второй – социологический, состоит в том, что дискурс в постмодернистской философии большей частью создает новую реальность и воспроизводит ее, в то время, как самоописание у Лумана реальность конституирует.

⁴ Дерлугьян предлагает собственное название – харизматическая бюрократия [11, с. 178].

⁵ Рутинизация харизмы – это процесс перехода от неформальных практик управления к стандартизированным, которые становятся институционализированными и бюрократизированными.

представлений о «должном». Исходя из этой же логики и апеллируя к «Событию-Истине 1917 года», в марте 1921 г. на X съезде ВКП(б) была принята резолюция о единстве партии (ср. с ранее упомянутой монолитностью однопартийного режима).

Данный институционализирующий дискурс определил плановость экономического производства и сделал его частью политической системы. Такое «государственное бытие» сформировало желание основной части экономической элиты⁶ иметь больше гарантий владения собственностью и желание, часто нерелексируемое, перехода прав собственности от государства к личностям [33, с. 26].

Проводившаяся в стране рационализация, искавшая свое вдохновение в «харизме разума», предопределила косность системы из-за замедления темпов институциональной дифференциации, т.е. все сферы деятельности были подчинены политической элите (КПСС) [10].

Ни хрущевское разделение обкомов и попытка ввести ротацию кадров, ни даже косыгинские реформы не затрагивали фундамент политической структуры, а при Горбачёве, благодаря смене дискурса, произошли коренные изменения всей системы.

В первую очередь, используя термины системной теории Лумана, Горбачёв решил улучшить «систему самонаблюдения» системы посредством гласности. Свобода слова привела к тому, что была поставлена под вопрос легитимность структурирующего дискурса и самой институциональной организации. Например, статья А.С. Ципко «Истоки сталинизма», используя негативный дискурс сталинизма, свела его к политике В.И. Ленина, тем самым, связав «зло» с главным деятелем «События-Истины». Другой пример – выступление на Съезде народных депутатов академика А.Д. Сахарова с требованием отмены 6-й статьи Конституции СССР о руководящей роли КПСС – чистый образец попытки смены институционализирующего дискурса.

Положение усугублялось расколом внутри правящей элиты – между Горбачёвым с «агрессивно-послушным большинством» (выражение народного депутата СССР историка Ю.Н. Афанасьева) и военно-промышленной верхушкой и, позднее, с политической фракцией, возглавляемой Б.Н. Ельциным

Традиционным для СССР дискурсом внешней политики со странами Запада было «соперничество и угроза», определявшим иногда коренные изменения в СССР⁷. М. Горбачёв произвел попытку смены дискурса

⁶ Если ее вообще возможно выделить в СССР в отрыве от политической элиты.

⁷ Такой трактовки придерживается, например, А. Ноув в анализе причин свертывания эпохи [21].

с «конфронтационного» на «дружественный», идя на уступки странам Запада, пытаясь выстроить равноправный диалог «союзников», тем самым оттолкнув от себя силовые структуры, предопределив, таким образом, попытку августовского путча 1991 г.

Дав возможность проявлять себя оппозиционным элементам, Горбачёв в итоге был вынужден уступить давлению ельцинского лагеря, опиравшегося в поздний период на неопатримониальные сети экономической элиты, которая, как уже упоминалось, стремилась к переделу собственности.

Таким образом, даже беглый анализ позволяет увидеть, что «неэмпирические» явления могут оказаться структурирующими. Советская система, строившаяся на монолитности и черпавшая свое обоснование из событий Октябрьской революции 1917 г., не могла быть изменена без потери своей сущности. Горбачёв задел «несущие стены здания СССР», потому система и не могла далее существовать в прежнем виде. Проблема заключается в том, как определить эти «несущие стены», пока они еще есть, а не постфактум. Вторая проблема – если и есть необходимость смены институционализирующего дискурса, может ли она пройти без коллапса государства?

Историческая макросоциология ищет причины событий и их связи, не особо уделяя внимание тому дискурсивному полю, благодаря которому эти события и становятся возможными. Обычно при анализе распада СССР упоминают, что люди уже не верили в советскую идеологию, однако, как мы старались показать с помощью использования теории систем Лумана, не это было главным, а то, что первый и последний президент СССР изменил те устои, благодаря которым режим до начала реформ 1987–1991 гг. казался многим нерушимым. Следующим этапом проверки «теории дискурса» должно стать ее органичное вплетение в существующие модели распада государств.

Библиографический список

1. Алексеев В.В., Нефёдов С.А. Гибель Советского Союза в контексте истории социализма // *Общественные науки и современность*. 2002. № 6. С. 66–77.
2. Белоусов Р.А. *Экономическая история России. XX в. М., 2006.*
3. Безбородов А., Елисеева Н. и др. *Перестройка и крах СССР. 1985–1993.* СПб., 2010.
4. Берёзкин Ю.Е. *Империя инков.* М., 2014.
5. Бодрийяр Ж. *Симулякры и симуляции.* М., 2015.
6. Валлерстайн И. *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире.* СПб., 2001.

7. Вдовин А. Причины распада Советского Союза в российской научной и публицистической литературе. К 20-летию русской трагедии 1991 года // Россия и соотечественники. Информационно-аналитический портал. URL: <http://www.russkie.org> (дата обращения: 04.04.2017).
8. Вселенский М.С. Номенклатура. М., 1991.
9. Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007.
10. Де Болт Дж. У. Причины и следствия неудач модернизации в России // Социологические исследования. 2006. № 1. С. 20–31.
11. Дерлугьян Г. Адепт Бурдые на Кавказе: эскизы к биографии в миросистемной перспективе. М., 2010.
12. Жижек С. Чума фантазий. Харьков, 2012.
13. Коллинз Р. Предсказание в макросоциологии: Случай Советского коллапса // Время мира. Альманах. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке / Под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, 2000. С. 234–278.
14. Коллинз Р. Золотой век макроисторической социологии // Время мира. Альманах. Вып. 1. Историческая макросоциология в XX веке / Под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, 2000. С. 72–89.
15. Лахман Р. Что такое историческая социология? М., 2015.
16. Луман Н. Введение в системную теорию. М., 2007.
17. Момот М. Прошлое империй и империи будущего // Прогнозис. 2006. № 3. С. 266–282.
18. Мур-мл. Б. Социальные истоки диктатуры и демократии: Роль помещика и крестьянина в создании современного мира. М., 2016.
19. Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия / Сост. А.П. Ненароков и др. М., 1992.
20. Нефёдов С.А. Концепция демографических циклов. Екатеринбург, 2007.
21. Ноув А. О судьбах нэпа // Вопросы истории. 1989. № 8. С. 172–176.
22. Розов Н.С. Познавательные средства теоретической истории и макросоциологии. Разработка и апробация метода теоретической истории. Новосибирск, 2001. С. 13–232.
23. Розов Н.С. Историческая макросоциология: становление, основные направления исследования и типы моделей // Общественные науки и современность. 2009. № 2. С. 151–161.
24. Розов Н.С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М., 2011.
25. Савченко А.Е. Эффективность государства в России в середине 1950-х – 2000-х гг.: фактор «нефтяного проклятия» // Политическая антропология традиционных и современных обществ: Материалы международной конференции. Владивосток, 2012. С. 356–365.
26. Семёнов Ю.И. Политарный («азиатский») способ производства: теория и практика // Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. М., 2014. С. 271–375.
27. Фроянов И.Я. Погружение в бездну (Россия на исходе XX века). СПб., 1999.
28. Фуко М. Психиатрическая власть: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году. СПб., 2007.

29. Харитонов О.Г. Недемократические политические режимы // Политическая наука. 2012. № 3 (Политические режимы в XXI веке: Институциональная устойчивость и трансформации). С. 9–31.
30. Харрисон М. Стабильны ли командные системы? Почему потерпела крах советская экономика? // Экономическая история. Обзорение. 2001. № 6. С. 120–141.
31. Чешко С.В. СССР был болен или его «залечили»? (Попытка патологоанатомического анализа) // Мир России. 1995. № 1. С. 91–123.
32. Шафаревич И.Р. Социализм как мировое явление. Paris, 1977.
33. Шестаков В.А. Советский Союз к 1984 году // Перестройка и крах СССР. 1985–1993. СПб., 2010. С. 5–55.
34. Шубин А.В. От «застоя» к реформам. СССР в 1917–1985 гг. М., 2000.
35. A Global Model for Forecasting Political Instability / Goldstone J.A., Bates R., Epstein D. et al. // American Journal of Political Science. 2010. № 54. Pp. 190–208.
36. Breuer S. Soviet Communism and Weberian Sociology // Journal of Historical Sociology. 1992. Vol. 5. № 3. P. 267–290.
37. Dallin A. Causes of the Collapse of the USSR // Post-Soviet Affairs. 1992. № 4. Pp. 279–302.
38. Davies J. Toward a Theory of Revolution // American Sociological Review. 1962. T. 27. Pp. 5–19.
39. Geddes B, Wright J., Frantz E. Autocratic breakdown and regime transitions: A new data set // Perspectives on Politics. 2014. № 12 (2). Pp. 313–331.
40. Geddes B. What do we know about democratization after twenty years? // Annual review in political science. 1999. № 2. Pp. 115–144.
41. Greene K.F. The political economy of authoritarian single-party dominance // Comparative political studies. 2010. Vol. 43. № 7. Pp. 807–834.
42. Motyl A. Why Empires Reemerge: Imperial Collapse and Imperial Revival in Comparative Perspective // Comparative Politics. 1999. № 31. January. Pp. 127–145.
43. Skocpol T. States and Social Revolutions. NY., 1979.
44. Smith B. Life of the party: The origins of regime breakdown and persistence under single-party rule // World politics. 2005. Vol. 57. № 3. Pp. 421–451.
45. Tainter J. The Collapse of Complex Societies. Cambridge, 1988.
46. Tilly Ch. How empires end // After empire: multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires / Barkey K., von Hagen M. (eds.). Boulder; Oxford, 1997. Pp. 1–11.

В.В. Колпаков

Влияние интернет-технологий на формирование политической культуры российской молодежи

В статье анализируются информационно-коммуникационные технологии, оказывающие непосредственное влияние на политическую культуру современной молодежи. В частности, интернет является универсальным политико-ориентированным инструментом, который позволяет решать задачи, среди которых информационное сопровождение деятельности органов власти, налаживание политического диалога между институтами власти и гражданским обществом, а также формирование политической культуры населения. Цель статьи – предложить направления совершенствования политической культуры молодежи посредством использования информационно-коммуникационных технологий, в частности, интернета.

Ключевые слова: политическая культура, политическая культура молодежи, информационное общество, политический процесс, гражданское общество.

Формирование политической культуры молодежи представляет собой стратегическую задачу современного государства. На наш взгляд, под политической культурой следует понимать совокупность знаний о политическом процессе и его субъектах, комплекс социально-психологических установок, стиль и шаблоны поведения общества, граждан при взаимодействии с органами власти, что влияет на восприятие институтов власти в административно-политическом пространстве и политическую активность [28, с. 119].

Необходимость исследования влияния электронных информационных источников на общественное мнение и поведение населения,

в частности, молодежи, не вызывает сомнений. Виртуальное пространство является инструментом политического информирования и коммуникации. Благодаря увеличившемуся массиву данных, который доступен и распространяется в виртуальном пространстве, интернет превращается в универсальный инструмент политической деятельности. В период с 2008 по 2016 гг. количество Интернет-пользователей в России в возрасте от 16 лет и старше увеличилось в 2,77 раза и составило 84 млн чел. или 70,4% населения страны [14]. При этом о роли данного сегмента рынка говорится на самом высоком уровне. В «Послании президента РФ Федеральному собранию» в 2016 г. В.В. Путин отметил, что одной из самых быстроразвивающихся отраслей в России стала IT-индустрия, подчеркнув, что объем налоговых отчислений в 2010 г. составил 28 млрд руб., а через два года – 54 млрд руб. «Уверен, уже в ближайшее десятилетие есть все возможности сделать IT-индустрию одной из ключевых отраслей России», – отметил президент [23].

Поступательная интернетизация РФ способствовала росту электронных СМИ, в т.ч. тех, которые осуществляют деятельность исключительно в сети. Так, наличие официального портала печатного издания является распространенной практикой, а чтение новостей в сети – нормой для 64% россиян. Кроме того, виртуальное пространство приобрело популярность среди граждан, являющихся активными пользователями социальных сетей (66%). Однако самым популярным применением интернета является поиск информации (80%), что подтверждает изменение общественных предпочтений российского общества, т.е. компонента политической культуры [7]. Если раньше при поиске информации было принято обращаться к книгам, прессе и экспертам, то сейчас на первое место вышел интернет. Иными словами, социальные сети предоставили населению право выбора источника информации, что подразумевает наличие разных точек зрения, в отличие от традиционных СМИ. Свободное размещение комментариев в интернете позволяет любому пользователю виртуального пространства реализовать на практике принцип свободы, который зачастую понимается буквально. Тот факт, что для поиска требуемой информации в первую очередь граждане обращаются к виртуальному пространству, позволяет заявить о необходимости наполнения интернета качественным контентом. В данном случае, речь идет о публикации статистических материалов, своевременных пресс-релизов и контактных данных органами власти и иными субъектами общественно-политического процесса.

Увеличение скорости доступа к виртуальному пространству и специфика интернет-ресурсов оказали влияние на развитие сервисов видеохостинга в России. В частности, сервис YouTube по состоянию на 2016 г.

обогнал российские федеральные телеканалы по охвату и влиянию на аудиторию. Он расположился на четвертом месте (81%), уступив лишь поисковым сервисам, таким, как Google и Яндекс, а также социальной сети ВКонтакте [27]. Контент, распространяемый в сервисе видеохостинга, значительно отличается от транслируемого в эфире телеканалов, а его содержание можно охарактеризовать как достаточно дифференцированное, по причине того, что каждый зарегистрированный пользователь может создать личный канал и выражать собственную позицию, формируя вокруг себя собственную группу единомышленников и предлагая свою совокупность ценностей.

Появление мобильного интернета также способствует дальнейшему становлению информационного общества. Согласно социологическим исследованиям, 62 млн человек ежемесячно используют интернет в своем мобильном устройстве. Примечательно, что 101 минуту ежедневно проводят в мобильном интернете граждане в возрасте от 12 до 64 лет, а в возрастной группе 12–24 года данный показатель составляет 124 минуты [18]. На наш взгляд, в ближайшем будущем, с увеличением вычислительной мощности мобильных устройств и доступностью их более широкому кругу лиц, количество времени, проводимого в интернете «на ногах», значительно превысит время нахождения пользователей за компьютерами.

Компьютеризация и интернетизация способствовали появлению официальных интернет-ресурсов органов государственной власти и местного самоуправления, общественно-политических организаций и коммерческих учреждений. Так, в 2016 г. на заседании Совета по региональной информатизации Правительственной комиссии по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности был представлен рейтинг регионов по уровню развития информационного общества, который учитывает использование информационно-коммуникационных технологий в различных сферах деятельности субъектов РФ. Среди них – использование электронного правительства в образовании, здравоохранении, культуре, предпринимательстве и торговле, сельском хозяйстве, транспорте, социальном управлении, жилищно-коммунальном хозяйстве и ряде других. Отметим, что на данный момент лидерами являются города федерального подчинения: Москва и Санкт-Петербург, а замыкает тройку регионов-лидеров Ханты-Мансийский автономный округ – Югра [17]. По нашему мнению, данный рейтинг является отражением текущей ситуации использования информационно-коммуникационных технологий органами власти.

Компьютеризация и интернетизация существенным образом влияют на российский социум и способствуют формированию информационного общества. Современная политическая коммуникация органов власти с участниками политического процесса выступает средством трансляции политической культуры, что может стать основой взаимодействия государства и гражданского общества [2]. Отметим, что в РФ имеют официальные сайты президент, правительство и Федеральное собрание (Государственная Дума, Совет Федерации), а также их структурные подразделения – министерства и комитеты. Данные ресурсы содержат нормативно-правовую базу осуществления властных полномочий, структуру и имена должностных лиц, компетенцию институтов власти, формы и порядок обращения в органы власти и т.п. По нашему мнению, именно перечисленная совокупность компонентов образует электронное правительство [25, с. 87].

В России интернет-пользователями являются 70% населения (84 млн чел.), при этом среди молодых людей в возрасте от 16 до 29 лет – 97% [14]. Примечательно, что 47% опрошенных ежедневно пользуются сетью [8]. Подчеркнем, что самой активной частью российских интернет-пользователей является именно молодежь, которая чаще других прибегает к использованию социальных сетей: ВКонтакте – 40%, Одноклассники – 34%, Facebook – 9%, Мой мир на mail.ru – 7%, Twitter – 5%, Мой круг – 3%, Живой журнал – 3%, другое – 2% [22].

Российское интернет-сообщество, являющееся субъектом политической культуры современной молодежи, можно охарактеризовать как дифференцированное. Так, самой популярной социальной сетью в России является ВКонтакте, в частности, среди молодежи в возрасте от 18 до 24 лет (86%). Однако граждан старше 60 лет, использующих данный ресурс, существенно меньше (21%). Отметим, что конкурирующую платформу Одноклассники используют россияне с начальным (50%), средним (51%), неполным высшим (34%) и высшим образованием (34%), из которых 53% – женщины и 30% – мужчины [20]. Иными словами, на примере популярности социальной сети ВКонтакте мы можем констатировать, что молодые люди предпочитают именно русифицированные интернет-ресурсы, которые обладают широким функционалом, что позволяет консолидировать общие усилия и найти единомышленников. Прагматичный подход в использовании социальных сетей объясняется их различными сценариями применения (межличностная коммуникация, чтение новостей, образовательная деятельность, ведение бизнеса, информирование аудитории), вкупе с минимальными капиталовложениями.

Таким образом, интернет в РФ становится основным инструментом информационного сопровождения деятельности органов власти, который совместно со СМИ обеспечивает общество сведениями об исполнении властных полномочий. Однако сеть, в отличие от традиционных СМИ, обладает возможностью оперативной обратной реакции, которая позволяет осуществлять постоянную коммуникацию власти и гражданского общества [5]. Кроме того, на основе социологических исследований мы можем определить, что среднестатистическим российским интернет-пользователем является образованный молодой человек в возрасте до 35 лет, активно использующий сетевые ресурсы для поиска необходимой информации, общения в социальных сетях и чтения новостей. Данное обстоятельство позволяет рассматривать Интернет в качестве стратегического политико-ориентированного инструмента при работе с населением, т.к. открытость и многообразие сетевых ресурсов позволяют распространять в сети ценности и традиции, которые при поступательных и последовательных действиях позволят привлечь к активной гражданской деятельности молодежь, участие которой в данный момент минимально [29, с. 106].

Характеризуя политическую культуру современной молодежи, следует отметить ее представителей – будущих избирателей (в возрасте от 12 лет), которые ежедневно используют интернет для различных целей и представляют собой стратегический ресурс государства, т.к. в ситуации постоянно увеличивающегося информационного потока молодежь оказывается под влиянием различных источников, как отрицательных, так и положительных. В связи с этим, на данном этапе развития подростку существенно сложнее найти свою гражданскую позицию. При этом нынешнее молодое поколение характеризуется как мобильное, самостоятельное, интересующееся информационными технологиями и стремящееся к успешной карьере. Вместе с тем, интернет позволяет им вступать в различные тематические группы по интересам, участвовать в разнообразных событиях [13, с. 57]. Однако молодежь обладает самой низкой готовностью участия в выборах, что продиктовано конформизмом и стремлением к высокому доходу, достижению высоких стандартов жизни [19].

Объясняется это низким уровнем информированности молодежи о возможностях своего участия в различных политических мероприятиях: демонстрациях, митингах, выборах. Аполитичность молодежи естественным образом беспокоит как государственную власть, так и политические партии [26, с. 106]. На примере избирательной кампании и непосредственно процедуры волеизъявления, которые выступают ключевыми этапами политического процесса, мы отмечаем отсутствие

базовых знаний (о цели и задачах выборов; об участниках голосования; о месте и сроках голосования) у молодежи [31]. По причине того, что молодое поколение не владеет базовой информацией, оно не понимает сути избирательного процесса, а, следовательно, не видит смысла собственного участия, руководствуясь принципом «без меня все решат». При этом следует подчеркнуть, что противоречия с принципом демократии система политического просвещения не предполагает [30].

На наш взгляд, чтобы нивелировать аполитичность молодого поколения, требуется формирование у него уверенности в собственных силах и возможностях, а также организаторских навыков и опыта самоуправления для решения значимых задач и достижения общественно-политических целей. Именно работа в данном направлении должна способствовать как инициативности, так и осознанию ответственности за свои решения и поступки в будущем. В связи с этим, следует подробнее остановиться на следующих предложениях.

Во-первых, необходимо задействовать потенциал мобильных приложений. Сегодня количество времени, проводимого в интернете с помощью мобильных устройств, практически сравнялось со временем, проводимым за персональными компьютерами, и составляет порядка 2-х часов в сутки для молодых людей в возрасте 12–24 лет. Следует отметить, что современные интернет-порталы, социальные сети, сервисы видеохостинга и прочие платформы обладают собственными официальными приложениями для мобильных устройств на базе операционных систем Android и iOS, которые предоставляют полный функционал в смартфоне. Так, например, сеть ВКонтакте представлена не только настольной и мобильной версией ресурса, но и специализированным программным обеспечением для мобильных (Android, iOS, WP) и настольных платформ (Windows 10, macOS). Было выпущено официальное приложение Пенсионного фонда РФ, упрощающее взаимодействие с данным учреждением. В частности, узнать состояние индивидуального лицевого счета, записаться на прием и заказать необходимые документы стало возможным без ожидания в очереди [6]. При этом интернет-пользователи при наличии мобильной версии интернет-ресурса и мобильного приложения сегодня выбирают преимущественно специализированное программное обеспечение [21]. По мнению министра связи и массовых коммуникаций России Н.А. Никифорова, мобильные устройства применяются в 60% случаев использования населением виртуального пространства [24]. Иными словами, актуальность использования специализированного программного обеспечения не вызывает сомнений, т.к. база знаний, средство коммуникации и источник новостей находится у каждого молодого человека буквально на ладони, что

оказывает влияние на стиль его поведения как одного из компонентов политической культуры.

Во-вторых, в апреле 2017 г. на рассмотрение Государственной Думы Федерального собрания РФ был внесен проект закона «О правовом регулировании деятельности социальных сетей», согласно которому предлагается установить запрет на использование социальных сетей лицами, не достигшими 14-летнего возраста. По мнению автора законодательной инициативы, депутата Государственной Думы В.В. Милонова, изменения позволят оградить молодежь от запрещенной информации (нецензурная брань; информация, формирующая неуважение к родителям и (или) другим членам семьи) и вовлечения в организацию и проведение несанкционированных собраний, митингов, демонстраций. Кроме того, проект закона предусматривает введение запрета на применение социальных сетей и коммуникационных платформ в рабочее время для бюджетных организаций и лиц, которые находятся на государственной службе [16].

На наш взгляд, данная законодательная инициатива своевременна, однако требует доработки. Так, запрет на использование социальных сетей для учреждений и государственных служащих, по нашему мнению, недопустим, т.к. информационно-открытые институты власти и должностные лица представлены в сети и активно информируют население о своей деятельности, а также взаимодействуют с обществом, в т.ч. с молодым поколением. К их числу следует отнести политические партии, представленные в Государственной Думе, и их руководителей, глав российских регионов и представителей органов местного самоуправления [12].

Ограничение использования социальных сетей лицами, не преодолевшими возрастной барьер, установит лишь преграду свободной коммуникации молодежи. Кроме того, в законопроекте не регламентируется использование программного обеспечения для обмена сообщениями (мессенджерами), которое может быть альтернативным средством коммуникации в случае принятия изменений в законодательство. По нашему мнению, необходимо использовать Единую систему идентификации и аутентификации для регистрации и авторизации пользователей социальных сетей, которая представляет собой «электронный паспорт» гражданина. Сегодня данный алгоритм применяется в функционировании таких интернет-ресурсов, как «Госуслуги», «Российская общественная инициатива», «Личный кабинет налогоплательщика» [4]. На наш взгляд, публикация достоверных данных лиц, применяющих социальных сети в противоправных целях, избавит виртуальное пространство от поддельных страниц в социальных сетях, а также повысит культуру

использования интернет-ресурсов. Иными словами, отсутствие анонимности должно повысить значимость каждого действия, совершенного в интернете, например, оставленного пользователями комментария, а также мобилизовать чувство ответственности за иные действия в виртуальном пространстве.

В-третьих, применение Единой системы идентификации и аутентификации уместно при организации голосования в интернете. Реализация данного предложения позволит минимизировать затраты на подготовку печатных материалов, а также упростит процесс голосования лицам, проживающим в удаленных от избирательных участков местностях. По мнению советника президента РФ по интернету Г.С. Клименко, онлайн-голосование является несложной технической задачей, решение которой возможно в короткие сроки [3]. На наш взгляд, предоставление возможности интернет-голосования способно увеличить количество избирателей, участвующих в избирательных кампаниях, в частности, привлечь молодежь, за счет создания комфортных условий знакомства с кандидатами, представленными в избирательном бюллетене, и упрощения процедуры реализации активного избирательного права по аналогии с социальными сетями («мне нравится» (like)). Отметим, что интернет-голосование сегодня активно используется в Бразилии, Великобритании, Эстонии, что продиктовано интеграцией информационно-коммуникационных технологий в политический процесс, связанной с экономией бюджетных средств и стремлением охватить большее количество избирателей, в т.ч. представителей молодого поколения [1]. Таким образом, данное предложение способно повысить явку избирателей, прежде всего, за счет участия молодежи, которая на сегодняшний день в существующей процедуре волеизъявления чувствует себя некомфортно.

В-четвертых, учитывая растущее влияние киберспорта, требуется разработка патриотичных компьютерных игр. Сегодня 87% интернет-пользователей являются активными игроками компьютерных игр, а их средний возраст составляет 34 года [9]. При этом около 25% игроков являются служащими и офисными работниками, 17% – рабочими, 15% – школьниками, а более половины студентов являются мобильными игроками. Вместе с тем, 42% российских игроков имеют высшее образование [10].

В 2016 г. Министерство спорта РФ официально включило киберспорт во всероссийский реестр видов спорта, что подразумевает проведение соревнований под эгидой ведомства, а их участники могут получать соответствующие звания: «Мастер спорта России», «Заслуженный мастер спорта России» и «Мастер спорта международного класса» [11].

Позже министерство внесло киберспорт в перечень видов спорта, которые развиваются на общероссийском уровне, указав следующие дисциплины: боевая арена, соревновательные головоломки, стратегия в реальном времени и технический симулятор. Иными словами, киберспорт уравнили с футболом, хоккеем и баскетболом. Необходимость разработки компьютерных игр также продиктована искажением исторических фактов, которые содержатся в продуктах иностранных игровых студий. Так, неоднократно были зафиксированы попытки переписать итоги Великой Отечественной войны посредством влияния на сознание молодых людей через игровые продукты, подтверждая информационное давление, которому подвергается российское общество [15]. Таким образом, необходимы компьютерные игры, которые могут стать основообразующими дисциплинами для соревнований, на основе которых будет происходить объединение молодых людей и впоследствии присуждаться перечисленные выше звания, что только вызовет интерес к истории как к неотъемлемому элементу игр.

Таким образом, молодежь более расположена к информационно-коммуникационным технологиям и интернет-пространству, чем к периодическим изданиям и телевидению, т.к. сеть менее подвержена действию регуляторов. Значительное влияние виртуального пространства формирует и определяет публичную сферу, в которой происходит взаимодействие органов власти и гражданского общества. Именно интернет, являясь средством информирования, может привлекать население к политическому процессу через транслирование политико-ориентированной информации, в то же время оказывая прямое влияние на политизацию молодежи как самого активного сегмента интернет-аудитории России, прежде всего, через наиболее востребованные форматы, например, специализированное программное обеспечение, такое, как мобильные приложения. Регистрация на интернет-ресурсах посредством Единой системы идентификации и аутентификации позволит дисциплинировать использование виртуального пространства и совершенствовать политическую культуру современной молодежи за счет предоставления возможности участия в выборах посредством мобильных устройств. Проведение киберсоревнований, которые с недавних пор являются официально признанным видом спортом в России, явление относительно новое, однако уже сейчас органам власти следует принять решения по их использованию с целью совершенствования политической культуры современной молодежи.

Подводя итоги, отметим, что для повышения политической культуры молодежи необходимо предоставить ей возможность почувствовать значимость и ценность личного участия в политическом процессе

в наиболее востребованном формате – через виртуальное пространство посредством информационно-коммуникационных технологий. На наш взгляд, именно от активности молодого поколения, его гражданской и политической позиций, а также участия в управлении делами государства и местного сообщества зависит будущее страны. Благодаря развитию информационного общества, компьютеризации и восприятию интернета как основного источника получения информации, новостей и коммуникации, органы власти должны ориентировать молодое поколение на политическую активность, самоуправление и свободу выражения собственного мнения.

Библиографический список

1. Авзалова Э.И. Интернет-участие как новая форма политического участия граждан // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. № 1. С. 187–193.
2. Бронников И.А. Политическая коммуникация и современность // Юридические исследования. 2013. № 4. С. 66–88.
3. Выборы онлайн: в ЦИК вернулись к обсуждению введения Интернет-голосования. URL: <https://russian.rt.com> (дата обращения: 13.06.2017).
4. Давыдова М.Л., Гончарова А.А. Проблемы и перспективы реализации проекта «Российская общественная инициатива» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2015. № 2. С. 58–67.
5. Зайцев А.В. Принцип обратной связи и институционализация диалога государства и гражданского общества // Социодинамика. 2012. № 2. С. 1–21.
6. Запишитесь на прием в ПФР с помощью мобильного приложения. URL: <http://www.admbal.ru> (дата обращения: 13.06.2017).
7. Интернет в России: его значение для россиян, цели и время использования. URL: <http://www.bizhit.ru> (дата обращения: 13.06.2017).
8. Использование Интернета. URL: <http://www.levada.ru> (дата обращения: 13.06.2017).
9. Исследование: 9 из 10 пользователей в РФ играют в компьютерные игры. URL: <https://ria.ru> (дата обращения: 13.06.2017).
10. Исследование Mail.Ru Group: профиль российского геймера. URL: <https://corp.mail.ru> (дата обращения: 13.06.2017).
11. Киберспорт признан официальным видом спорта в России. URL: <https://rg.ru> (дата обращения: 13.06.2017).
12. Киселева А.М., Шпак Е.А. Социальные сети в процессе коммуникации между властью и обществом // Вопросы управления. 2015. № 6(18). С. 66–75.
13. Козырева А.А. Почему социальные сети являются инструментом политической власти? // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2–2 (62). С. 56–59.
14. Количество пользователей интернета в России. URL: <http://www.bizhit.ru> (дата обращения: 13.06.2017).

15. Кривенкова М.В. Международный и внутригосударственный подход к регламентации ответственности за искажение исторических фактов // *Инновационная наука*. 2016. № 1–3 (13). С. 131–133.
16. Милонов внес в Госдуму закон о запрете соцсетей для детей младше 14 лет. URL: <http://www.rbc.ru> (дата обращения: 13.06.2017).
17. Минкомсвязь России представила рейтинг регионов по уровню развития информационного общества. URL: <http://minsvyaz.ru> (дата обращения: 13.06.2017).
18. Мобильная Интернет-аудитория растет за счет пользователей старше 25 лет. URL: <https://adindex.ru> (дата обращения: 13.06.2017).
19. «Молодежь аполитична и прагматична». Эксперты о протестном потенциале студентов. URL: <https://openrussia.org> (дата обращения: 13.06.2017).
20. Новое о цифровой грамотности, или россияне осваиваются в сети. URL: <https://wciom.ru> (дата обращения: 13.06.2017).
21. Обзор аудитории мобильного Интернета. URL: <https://www.searchengines.ru> (дата обращения: 13.06.2017).
22. Общение в соцсетях. URL: <http://www.levada.ru> (дата обращения: 13.06.2017).
23. Послание Президента Федеральному Собранию. URL: <http://kremlin.ru> (дата обращения: 13.06.2017).
24. «Почта России» закрыла пункты доступа в интернет из-за финансовых проблем. URL: <http://www.rbc.ru> (дата обращения: 13.06.2017).
25. Родионова Е.В. Политические коммуникации в информационную эпоху: от обмена информацией к решению проблем // *Сборники конференций НИЦ Социосфера*. 2014. № 1. С. 085–091.
26. Слизовский Д.Е., Амиантов А.А. Социально-политические предпочтения молодежи 18–20 лет: контраст между заявлениями и данностью // *Локус: люди, общество, культуры, смыслы*. 2016. № 4. С. 93–110.
27. Статистика русского YouTube за 2016 год. URL: <https://ru.epicstars.com> (дата обращения: 13.06.2017).
28. Тухтасинов Р.С. Политическая культура современной российской молодежи // *Молодежь XXI века: потенциал, тенденции и перспективы*. 2014. № 2. С. 118–120.
29. Федорченко С.Н. Феномен информационной империи // *Локус: люди, общество, культуры, смыслы*. 2017. № 1. С. 103–109.
30. Kahne J., Middaugh E. Is Patriotism Good for Democracy? A Study of High School Seniors' Patriotic Commitments // *Phi Delta Kappan*. April 2006. Vol. 87. № 8. P. 600–607.
31. Hajer M. Policy without a Polity? Policy Analysis and the Institutional Avoid // *Policy Science*. 2003. Vol. 36. P. 175–195.

**М.П. Айзенштат, М.С. Бобкова,
С.Г. Мереминский, А.И. Сидоров**

История и миф: кто кого?

Представлен анализ открытой академической дискуссии «История и миф», которая была проведена Центром истории исторического знания Института всеобщей истории РАН 18 сентября 2017 г. В статье затронуты проблемы определения понятия «исторический миф» в соотнесении его с понятием «история». Рассматриваются способы трансляции исторического знания в массовое общественное сознание. Особое внимание отведено рассмотрению медийного пространства бытования исторического мифа и истории.

Ключевые слова: история, историческое знание, мифологизация истории, исторический миф, коммуникация, медийное пространство, СМИ.

В Российской Академии наук 18 сентября 2017 г. состоялась открытая академическая дискуссия на тему «История и миф». Мероприятие, не имеющее аналогов ни по формату, ни по подбору участников, было организовано Центром истории исторического знания Института всеобщей истории РАН (ИВИ РАН) в рамках общегуманитарного проекта «История для всех» [1], целью которого является всесторонняя популяризация исторического знания в современном российском обществе. В дискуссии приняли участие ведущие специалисты в области истории, культурологии, политологии, этнологии, лингвистики, психологии и философии, а также студенты и аспиранты различных специальностей, школьные учителя и вузовские работники, крупные государственные чиновники, профессиональные журналисты, маркетологи и специалисты по связям с общественностью. Всего более 250 человек. Открыли дискуссию научный руководитель ИВИ РАН А.О. Чубарьян и специальный представитель Президента РФ по международному культурному сотрудничеству М.Е. Швыдкой.

Нынешняя встреча стала логическим продолжением прошлогоднего Круглого стола, который также был организован Центром истории исторического знания и был посвящен исторической беллетристике. На сей раз в центре внимания оказались проблемы псевдо- или квазиистории, целенаправленной фальсификации или ненамеренного искажения прошлого, возникновения, трансформации и разрушения исторических стереотипов, а также места и роли научного знания в формировании представлений о прошлом.

Актуальность темы обусловлена рядом обстоятельств. По данным опроса ВЦИОМ, опубликованного 14 сентября 2017 г., россияне, особенно в возрасте от 18 до 35 лет, плохо знают ключевые факты истории собственной страны. Если имя первого президента СССР правильно назвали 59% респондентов, то годы Гражданской войны верно указали только 7%. В свою очередь, знание древней истории стремится к нулю. При этом в необходимости исторического знания твердо убеждены 96% респондентов [2]. Это означает, что в обществе есть стабильный запрос на формирование непротиворечивой картины прошлого, но удовлетворяется он не за счет академического знания, а за счет исторического мифотворчества (которое может иметь вполне наукообразную форму, как это можно видеть в случае с т.н. «Новой хронологией»). В то время как историческая наука переживает, пожалуй, самый глубокий кризис за последние двести лет, псевдоистория оказывает все возрастающее влияние на формирование массового исторического сознания.

На обсуждение в рамках открытой академической дискуссии было вынесено шесть проблемных блоков. Первый был посвящен собственно историческому мифу, его структуре и механизмам функционирования, а также его отличию от исторической фальсификации. Второй сосредоточен на работе профессиональных историков, а также на поиске демаркационных линий между наукой и мифом в разных сферах общественной жизни, включая преподавание истории в школе. Третий блок сюжетов сформирован вокруг роли СМИ как универсальной коммуникативной площадки и (не)способности медийной среды манипулировать историческим сознанием общества. Четвертый охватил комплекс вопросов, посвященных историческому мифотворчеству в области идеологии и пропаганды, обстоятельствам (де)героизации прошлого, обращенного к «своим» и «чужим». Роль мифа в легитимации и функционировании власти стала отдельной – пятой – темой дискуссии. Наконец, в шестой блок объединили комплекс вопросов, связанных с национальным мифотворчеством и особенностями конструирования мифологии идентичности.

Ниже речь пойдет, прежде всего, о тех сюжетах, которые важны для актуального существования профессионального сообщества. Современное общество существует в принципиально иной медийной среде,

нежели еще 20–30 лет назад. Последняя стала по сути глобальной, трансграничной и мультикультурной. Интернет и спутниковое ТВ успешно вытесняют другие формы медиа, прежде всего, печатные СМИ и радио.

Из этого обстоятельства вытекает несколько важных моментов.

1. Доступ к информации стало в разы сложнее контролировать.

2. Объем информации несоизмеримо вырос. Новая информация значительно быстрее вытесняет старую. За единицу времени информации потребляется существенно больше, напротив, время работы с каждым конкретным источником информации резко сократилось. По статистике, среднее время пребывания читателя на сайте крупного федерального СМИ не превышает 4–4,5 мин. А для подавляющего большинства сайтов эта цифра не превысит нескольких секунд. Иными словами, сегодня информацию не столько читают, сколько просматривают.

3. Информацию черпают все больше в интернете, и пока эта тенденция необратима.

4. Интернет принципиально нивелирует ценность источниковой базы, уравнивая в правах Wiki, научные статьи, авторские блоги, фейк-ньюс и т.д. Независимо от качества контента, в условиях анонимности и равной дистанцированности от читателя они обретают равноправный авторитет. Сегодня говорят: «Нашел в интернете», а раньше – «Прочитал в газете “Правда”». Этот феномен еще предстоит осмыслить.

В современной информационной ситуации академическое знание стремительно обесценивается. Научные тексты не выдерживают конкуренции, потому что:

а) слишком большие по объему и слишком специальные по проблематике;

б) слишком трудоемкие для чтения в силу специфики нарратива;

в) зачастую неинтересно написаны.

Именно поэтому они не могут претендовать на то, чтобы быть значимым источником информации и для массовой аудитории, и для СМИ.

Все современные медиа так или иначе занимаются исторической мифологизацией при участии историков, но куда чаще без них. Эта мифологизация мультиполярна, а возможности централизованного манипулирования общественным сознанием объективно серьезно ограничены. Крупные СМИ контролируются разными центрами силы (разными группами элит), что усиливает конкуренцию между ними и одновременно ослабляет степень их воздействия на аудиторию. Последняя сегментируется на основе собственных предпочтений, ценностей, возраста, образования, уровня доходов, места проживания и т.д.

Манипулирование требует больших ресурсов, материальных и временных затрат, которые не безграничны даже у государства. Именно поэтому большие СМИ объективно могут работать на решение только

тактических (кратковременных), но не стратегических задач. Это существенно ограничивает возможность долгосрочного управления историческим сознанием общества, если вообще позволяет это делать.

Крупные СМИ объективно обладают значительной степенью свободы в работе с информацией, что еще больше ограничивает возможность централизованного манипулирования. Важными показателями в работе современных СМИ являются: трафик и его чистота, ядро аудитории, показатель цитируемости конкурентами и пр. От этого, в конечном счете, зависит лояльность рекламодателя и рекламный бюджет.

Это имеет прямое отношение к выбору тем. Во-первых, исторические сюжеты в общем информационном потоке занимают минимальное место. Во-вторых, они подаются таким образом, чтобы приносить пользу СМИ. Чтобы исторический текст не только читали и цитировали, но и «расшаривали»¹, он должен попадать в целевую аудиторию: отвечать актуальной для нее новостной повестке, отражать ее систему ценностей, иметь принципиально беллетристическую форму (отдавать предпочтение интересным фактам, избегать слишком обстоятельной аргументации, а также ссылок на источники и литературу), в трактовке сюжета апеллировать к архетипическим формам мифологического сознания (обобщенность и схематичность сюжета, стандартизация характеров, строгость сюжетных линий, эмоциональная окрашенность и моральная оценка действий, отсутствие альтернативных суждений и др.). В конечном счете, востребован такой исторический нарратив, который работает на создание комфортного прошлого для конкретных социальных групп. Такого прошлого, которое не оказывает деструктивного влияния на их настоящее.

Для мифологического сознания характерно представление о существовании сакрального знания, доступного только избранным. Долгое время, вплоть до второй половины XX в. (а в СССР – до конца 1980-х гг.) к такому относилось знание историческое. Сакральность вкупе с государственным контролем над СМИ позволяла эффективно создавать и транслировать исторические мифы. Именно поэтому мы имели развитую мифологию Великой Отечественной войны, сталинизма, революции, декабризма, татаро-монгольского нашествия и пр. Сегодня эта монополия разрушена, приобщиться к сакральному знанию может любой человек, причем опираясь на любые источники по собственному выбору. Это дополнительно девальвирует значение

¹ Расшаривание (от англ. *file sharing*) – совместное использование файлов, т.е. предоставление файлов, находящихся в компьютере, в общий доступ для других пользователей компьютерной сети.

профессионального исторического знания, но также и ограничивает возможность целенаправленного манипулирования.

Современное общество вполне способно обойтись без профессиональных историков. Но это не означает, что историкам следует сидеть сложа руки. Напротив, сложная ситуация должна стимулировать академическое сообщество к тому, чтобы занимать более активную позицию в том, что касается формирования в обществе знаний о прошлом. Работать в средней и высшей школе, писать статьи в ведущих онлайн-СМИ, выступать на ТВ. У историков есть одно неоспоримое преимущество – научное знание. Соответственно, нужно научиться его транслировать целевой аудитории. Таковой является молодежь в возрасте от 15 до 30 лет, т.е. те, кто придет во власть и бизнес в ближайшие годы. Прежде всего, необходимо освоить новые формы коммуникации (соцсети, YouTube, телеграмм-каналы и т.д.), а, значит, выработать иные, более актуальные форматы научных текстов. Последние должны быть компактными и увлекательными, иметь видеоряд, иконографику. Придется много и серьезно работать над изменением привычного нарратива – отбирать факты, формулировать оценки, учиться говорить и писать коротко и ясно. В противном случае, шансы быть услышанными поколением 1990–2000-х гг. стремятся к нулю.

Эта работа вовне должна опираться на работу внутри сообщества. Сегодня оно расколото, раздроблено и поляризовано. Фрагментация научного знания достигла максимально критического уровня. Люди, работающие в соседних кабинетах академического института, не знают, чем занимаются их коллеги. Сообщество может выжить, лишь сплотившись, вернувшись к форматам больших дискуссий и широких обобщений, к формулированию четкой позиции по принципиальным вопросам, в т.ч. (а может быть, в первую очередь) и по борьбе с мифотворчеством. А еще сообществу необходимо принять ту очевидную истину, что оно существует не для самого себя, но для тех, кто вокруг – для самых разных общественных и государственных институтов. И что оно оправдывает свое существование только в тесном взаимодействии с ними.

Библиографический список

1. Бобкова М.С. «Круглый стол»: История для всех. Историческая беллетристика // Новая и новейшая история. 2017. № 2. С. 214–216.
2. История страны: ставим «отлично», в уме держим «неуд». Исследование: опрос «ВЦИОМ-Спутник». Пресс-выпуск № 3466. 14.09.2017. URL: <https://wciom.ru> (дата обращения: 16.10.2017).

Абдуразаков Руслан Абдуразакович – кандидат исторических наук; доцент кафедры всеобщей истории исторического факультета, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала. E-mail: Ruslan18081972@mail.ru.

Айзенштат Марина Павловна – доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник Центра истории исторического знания, Институт всеобщей истории РАН, г. Москва. E-mail: m.aizen@mail.ru.

Бобкова Марина Станиславовна – доктор исторических наук; руководитель Центра истории исторического знания, Институт всеобщей истории РАН, г. Москва. E-mail: bobkova_marina@list.ru.

Завгородняя Марина Юрьевна – помощник проректора по внешним связям и молодежной политике, Ульяновский государственный университет. E-mail: zmu2707@gmail.com.

Золотухин Михаил Юрьевич – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры новой и новейшей истории Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет. E-mail: zolotukhin.mikhail56@gmail.com.

Колпаков Владимир Владимирович – аспирант кафедры политических наук, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Саратов; специалист научного отдела, Балаковский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Балаково Саратовской обл. E-mail: vladimirkolpakov15@gmail.com.

Куликова Юлия Викторовна – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков им. профессора В.Ф. Семёнова Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет. E-mail: glanam_yul@mail.ru.

Куницын Александр Александрович – аспирант кафедры новой и новейшей истории Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет. E-mail: alexandermartes@mail.ru.

Мереминский Станислав Григорьевич – кандидат исторических наук; старший научный сотрудник Центра истории исторического знания, Институт всеобщей истории РАН, г. Москва. E-mail: mereminskiy@gmail.com.

Микулёнок Игорь Олегович – доктор технических наук, профессор; профессор кафедры химического, полимерного и силикатного машиностроения, Национальный технический университет Украины «Киевский политехнический институт имени Игоря Сикорского». E-mail: i.mikulionok@kpi.ua.

Орлов Александр Анатольевич – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры новой и новейшей истории Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет. E-mail: arkgolkin@yandex.ru.

Сидоров Александр Иванович – доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник Центра истории исторического знания, Институт всеобщей истории РАН, г. Москва. E-mail: alexhist@mail.ru.

Силина Ольга Сергеевна – аспирант кафедры всеобщей истории, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва; преподаватель факультета непрерывного образования, Российский государственный университет правосудия, г. Москва. E-mail: silina.o.c@gmail.com.

Турилова Светлана Леонидовна – советник 1-го класса в отставке (Министерство иностранных дел РФ); историк-архивист, г. Москва. E-mail: tourilova@yandex.ru.

Шапиро Бэлла Львовна – кандидат исторических наук; доцент кафедры музеологии, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва. E-mail: b.shapiro@mail.ru.

Шевский Дмитрий Сергеевич – аспирант департамента политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва. E-mail: shevskiyd@mail.ru.

Abdurazakov Ruslan A. – PhD in History; Associate Professor of Department of World History of Faculty of History, Dagestan State University, Makhachkala. E-mail: Ruslan18081972@mail.ru.

Aizenshtat Marina P. – Dr. Hab. in History, Leading Researcher of Center of History of Historical Knowledge, Institute of World History RAS. E-mail: m.aizen@mail.ru.

Bobkova Marina S. – Dr. Hab. in History; Head of Center of History of Historical Knowledge, Institute of World History RAS. E-mail: bobkova_marina@list.ru.

Kolpakov Vladimir V. – Postgraduate Student of Department of Political Science, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saratov; Specialist of Science Department, Balakovo branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: vladimirkolpakov15@gmail.com.

Kulikova Julia V. – PhD in History; Associate Professor of Department of Historical Ancient World and Middle Ages of Institute of History and Politics, Moscow State University of Education. E-mail: glanam_yul@mail.ru.

Kunitsyn Aleksandr A. – Postgraduate Student of Department of Modern and Contemporary History of Institute of History and Politics, Moscow State University of Education. E-mail: alexandermartes@mail.ru.

Mereminskiy Stanislav G. – PhD in History; Senior Researcher of Center of History of Historical Knowledge, Institute of World History RAS. E-mail: mereminskiy@gmail.com.

Mikulionok Igor O. – Dr. Hab. in Engineering Science; Professor of Department of Chemical, Polymeric and Silicate Mechanical Engineering, National Technical University of Ukraine “Igor Sikorsky Kyiv Polytechnic Institute”, Ukraine. E-mail: i.mikulionok@kpi.ua.

Orlov Aleksandr A. – Dr. Hab. in History; Professor of Department of Modern and Contemporary History of Institute of History and Politics, Moscow State University of Education. E-mail: arkigolkin@yandex.ru.

Shapiro Bella L. – PhD in History; Associate Professor of Museology Department, Russian State University for the Humanities, Moscow. E-mail: b.shapiro@mail.ru.

Shevskiy Dmitriy S. – Postgraduate Student of Department of Sociology of School of Political Science, Higher School of Economics – National Research University, Moscow. E-mail: shevskiyd@mail.ru.

Sidorov Alexander I. – Dr. Hab. in History; Leading Researcher of Center of History of Historical Knowledge, Institute of World History RAS. E-mail: alexhist@mail.ru.

Silina Olga S. – Postgraduate Student of Department of World History, Russian State University for the Humanities; Lecturer, Faculty of Continuing Education, Russian State University of Justice, Moscow. E-mail: silina.o.c@gmail.com.

Turilova Svetlana L. – counselor of the 1st class retired (Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation); historian-archivist. E-mail: tourilova@yandex.ru.

Zavgorodniaia Marina Yu. – Personal Assistant of Vice-Rector for External Relations and Youth Policy, Ulyanovsk State University. E-mail: zmu2707@gmail.com.

Zolotukhin Mikhail Yu. – Dr. Hab. in History; Professor of Modern and Contemporary History Department of Institute of History and Politics, Moscow State University of Education. E-mail: zolotukhin.mikhail56@gmail.com.

R.A. Abdurazakov

Study of the fundamental dichotomy
and continental geopolitics by Michael F. von Taube

Michael F. von Taube (1855–1924) made a significant contribution to the development of the development of Russian geopolitical science. The author of the article conducted a comparative analysis of the works of von Taube and H. Mackinder – “Geographical Pivot of History”, and “Education of the Great Powers”. Russian scientist simultaneously with his British counterpart came to the conclusion about the existence of a fundamental geopolitical dualism between “Sea Power” and “Land Power”. He was the first in domestic science to begin to develop the principles of continental geopolitics.

Key words: the fundamental law of geopolitics, the dichotomy of the “Sea Power” – “Land Power”, continental union, tellurocracy, thalassocracy, Michael F. von Taube, H. Mackinder.

**M.P. Aizenshtat, M.S. Bobkova,
S.G. Mereminskiy, A.I. Sidorov**

History and myth: who will win?

The analysis of the open academic discussion “History and Myth” is presented, which was conducted by the Center for the History of Historical Ideas of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences on September 18, 2017. The article touches upon the problems of defining the concept of “historical myth” in relation to the concept of “history”. The ways of translating historical knowledge into mass public consciousness are considered. Particular attention is given to the consideration of the media space of the existence of historical myth and history.

Key words: history, historical knowledge, mythological history, historical myth, communication, media space, mass media.

V.V. Kolpakov

The influence of Internet-technologies
on the formation of political culture
of the Russian youth

The article analyzes information and communication technologies that directly influence the political culture of modern youth. In particular, the Internet is a universal politically-oriented tool that allows to solve tasks, including information support of activities authorities, establishment of a political dialogue between institutions of power and civil society, as well as the formation of a political culture of the population. The purpose of the article is to suggest directions to improve the political culture of the youth through the use of information and communication technologies, in particular, the Internet.

Key words: political culture, political culture of the youth, information society, political process, civil society.

Yu.V. Kulikova

Place of worship of Mithra in religious reform
of Emperor Aurelianus

In 274 AD Emperor Aurelian conducted religious reform, placing at the head of the Roman Pantheon, the cult of the Invincible Sun (Sol Invictus), which was supposed to restore the ideological unity of the Roman Empire. The cult of the God Sol, famous Roman ideology since antiquity, played an important role, as well as the cult of the god Mithras that came to Rome from Asia in the first century BC. A significant number of Mithraeum found by archaeologists in the territories in Italy, the Danubian provinces, Gaul and Germany, Great Britain, Scotland, North Africa and Mesopotamia, Judea, show great popularity of the cult of Mithras. However, Roman Mithraism differs from Zoroastrian Mithra, as it experienced the influence of various oriental elements, philosophies, Hellenism and its focus had continued its development in the Roman Empire.

Key words: Mithras, Emperor Aurelian, Zoroastrianism, the Roman Empire, Sol Invictus, religious reform of Emperor Aurelian.

A.A. Kunitsyn

From the history of Anglo-Russian expedition in Holland in 1799. Russian troops on the British Islands of Jersey and Guernsey in 1799–1800

The article discusses the issue of the stay of the Russian expeditionary corps on the Islands of Jersey and Guernsey in the English Channel. After the failure of joint Anglo-Russian expedition in Holland, Russian troops were in a difficult condition. The British government maximally tried to alleviate the situation of his ally – Russian soldiers and officers. In the sphere of great politics, Petersburg and London in the winter of 1799/1800 were inclined to engage in a constructive dialogue and seek new ways of fighting together with revolutionary France. The author argues that the failure of the invasion of Holland and the defeat of the allied army had not played a key role in the rupture of Anglo-Russian Alliance and the collapse of the second anti-French coalition.

Key words: Holland Expedition 1799, the second anti-French coalition, Jersey and Guernsey islands, Emperor Paul I, Great Britain, Anglo-Russian relationships, Russian army, French Revolutionary Wars.

I.O. Mikulionok

Outstanding Russian pilot Pyotr Nesterov: to the 130 anniversary since his birth

The article presents the life of the world-class outstanding Russian pilot, founder of aerobatics Pyotr Nesterov. P. Nesterov was the first to execute a number of aerobatic maneuvers, including on August 27 / on September 9, 1913 the “loop” (Nesterov’s loop). He successfully developed the issues of interaction of aircraft with land troops and conducting air fight, submitted the original project of a monoplane without vertical plumage, and also a number of devices for fight against the opponent’s airplanes. In 1913–1914 he carried out several record flights (including Kiev – Odessa – Sevastopol and Kiev – Gatchina). At the beginning of World War I he performed seven combat flights. Nesterov died in an air battle, for the first time in world practice having applied an air ram and having shot down at the same time the enemy plane. The author describes the places connected with memory of the outstanding Russian military pilot and inventor, in particular in Kiev where he served, executed the “loop” for the first time and where he is buried.

Key words: the Russian military aircraft, history of military aircraft, aviation at the beginning of XX, aerobatics, Pyotr Nesterov, Svyatoshinsky airfield in Kiev, Syretsky military airfield in Kiev, “loop”, air ram.

B.L. Shapiro

Homo Eques in the Russian Middle Ages: Tsar Feodor Alekseevich Romanov

The peculiarity of the history of Russia in the 17th century was gradual but quite appreciable Europeanization, which occurred mainly in the aristocracy's daily routine. The author analyzed one of the significant aspects of the male activity, traditionally associated with the equestrian world in this context. Expensive pedigree horses and their precious decoration appear as attributes of power therein, and the ability to handle a horse is associated with youthful bravery. Emphasis is placed on Feodor Alekseevich Romanov's initiatives. His personal predilections transformed the daily routine of the Russian horseman substantially, step by step placing it in the area of Western European culture.

Key words: Russian culture, Medieval Russia, Europeanization, the House of Romanov, Tsar Feodor Alekseevich Romanov, horse history.

D.S. Shevskiy

System theory approach to the USSR collapse

The article describes some theoretical approaches to the logic of the USSR's historical development. The article attempts to adapt the postmodernist point of view to the needs of the "nomothetic" one. The main concept this article deals with is the notion of institutionalizing discourse, which has been identified as Luhman's self-reference of political systems essential for their existence. The paper considers the USSR collapse as resulted from the changes in institutionalizing discourse that Gorbachev had introduced. The article contrasts some distinctive features of the USSR's political system discourse before and after 1987. Such main discourse features as the single-party dominance, the belief in the necessity of the 1917 revolution and the confrontation with capitalistic countries had been abandoned and the system could no longer function. This event determined the conflict of elites which, in its turn, accelerated the delegitimization of the regime. Thus, the article tries to outline the environment and conditions which gave opportunity to the destructive forces to disintegrate the USSR.

Key words: collapse of the USSR, systems theory, self-reference of a political system, institutionalizing discourse.

O.S. Silina

To the issue of the purpose of commentaries by English Minorities on the Rule of the Order (Regula Bullata) in the XIII century

The article is devoted to the analysis of the commentaries of the English Minorities on the Regula Bullata in the 13th century. At that time, the mendicant way of life of the Minorites was criticized by the secular clergy and in the Order there were disputes concerning the observance of the rules of St. Francis. This paved the way for interpretations of the Regula Bullata. However, the author of the article assumes that some commentaries were not connected with this polemic. The analysis of the manuals for novices and commentaries on the Regula Bullata shows that commentaries could be conceived by friars engaged in the training of novices, for providing these beginning friars with a guide to a proper understanding of the rules.

Key words: the Order of Friars Minor, Regula Bullata, John Peckham, John of Wales, Bonaventure, commentaries, novitiate.

S.L. Turilova, A.A. Orlov

Prince Antioch Dmitrievich Kantemir – Russian diplomat, poet and philosopher. (To the 310th anniversary of his birth)

The article is devoted to the study of the life and work of the outstanding Russian diplomat, poet-satirist and philosopher Prince Antioch Dmitrievich Kantemir (1708–1744). Based on the unpublished documents from the funds of the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire, his activity as a Russian diplomatic representative in London (1732–1738) and Paris (1738–1744) was analyzed. It is concluded that all efforts of Kantemir as a diplomat were aimed first of all at the political rapprochement of Russia with Britain and France. In addition, he made a great contribution to the cause of Russian-English and Russian-French cultural exchange. In London the prince was an active member of the “Ministerial Club” – the elected group of representatives of the diplomatic corps. This helped him to communicate with prominent figures of the European culture, with British scientists, writers and musicians. In Paris he established personal contacts with French scientists and writers, promoted the expansion of book exchange between Petersburg and Paris academies. Further study of the documents of the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire will allow

to reveal new aspects of the multifaceted activity of A.D. Kantemir in Russia and abroad.

Key words: Prince A.D. Kantemir, the State Collegium of Foreign Affairs, Russian-English relations in the 18th century, Russian-French relations in the 18th century, Russian syllabic poetry of the 18th century, satire, fable.

M.Yu. Zavgorodnyaya

Paul Lazarsfeld: a new look
at the electoral communication study

The article is devoted to the formation of Paul Lazarsfeld's concept of electoral communication. The author considered the evolution of his scientific ideas through the prism of his biography and articulated the basic directions and stages of his work. Lazarsfeld's research showed electoral communication and changes of electoral behavior in a new way, empirically illustrated the reasons for such a change, and its algorithms. The article shows his research methodology topical for the comprehensive political communication study and election campaigns.

Key words: Paul Lazarsfeld, electoral communication, mass-media, elections, election campaign, political sociology, sociology of politics.

M.Yu. Zolotukhin

The dynastic crisis in Bulgaria in 1886–1887
and the mission of general Nikolay Kaulbars

The article highlights the reasons for the dynastic crisis in Bulgaria caused by the overthrow of Duke Alexander of Battenberg by a group of Russophobic officers, its political aspects and dynamics, as well as Russia's policy in Bulgaria during the events under consideration. The political situation in Bulgaria after its Northern and Southern parts united in 1885 demonstrated an increased tension among the political forces and parties. The character and evolution of the Russian-Bulgarian relations, the heated social situation in the country, the authoritarian anti-tsarist regime of S. Stambolov and the position of St. Petersburg's Cabinet are central to the work. The author concludes that Kaulbars's mission led to the results opposite to those that had been expected and the tsarist policy failed.

Key words: dynastic crisis in Bulgaria in 1886–1887, overthrow of prince Alexander of Battenberg, Russophiles and Russophobes in Bulgaria, authoritarian regime of Stambolov, Kaulbars's mission.

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

ЛОКУС

ЛЮДИ
ОБЩЕСТВО
КУЛЬТУРЫ
СМЫСЛЫ

2017.4

Электронная версия журнала:
www.mrgu.su

Сдано в набор 20.11.2017 г.
Подписано в печать 11.12.2017 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 9,25 п. л. Тираж 1000 экз.